

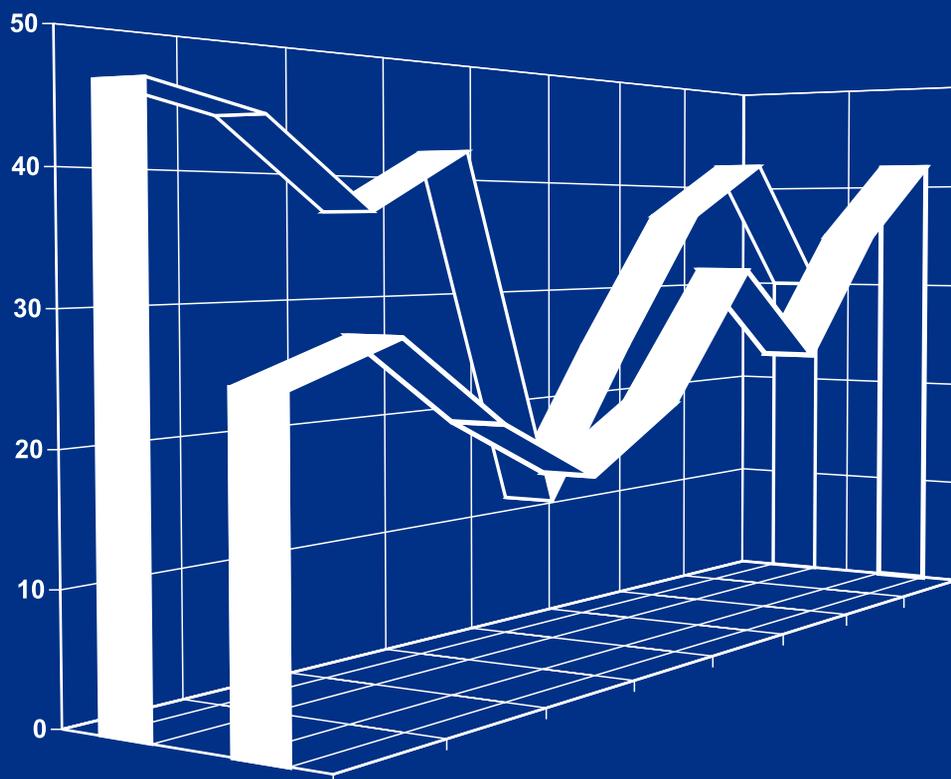
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

3—4 (133)

ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ 2021

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(133)

Выходит 2 раза в год. Год издания 27-й

Июль–декабрь 2021

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Редколлегия:
Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 4

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей ЛЕВИНСОН. Граждане и государство в условиях ковида 18

Ольга ВЕНДИНА. Москва районов: местные сообщества, городская среда и озабоченность ростом этнокультурного разнообразия 28

Лев ГУДКОВ. Эстония и эстонское общество в глазах россиян 2018–2021 гг. 53

ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ: РЕСУРСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ульрих ШМИД. Анатомия одной дискредитации. Российские государственные медиа и «Мемориал» Перевод Наталии Зоркой 65

Лев ГУДКОВ. «Национальный лидер»: диагноз массового сознания 74

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Марк ТОЛЬЦ. Мой лучший редактор и давний соавтор: памяти А.Г. Вишневого (1935–2021) 138

Мария Омаровна ЧУДАКОВА: «Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина». Интервью Дмитрия Шалина 146

Авторы номера 160

SUMMARY 161

Список статей, опубликованных в 2021 году 163

Ответственный редактор
выпуска **Н.А. Зоркая**
Редактор
Е.Л. Коган
Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(133)

Twice

July–December 2021

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada–Centre)

Editorial Board
Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	4
RUSSIAN SOCIETY: EMPIRICAL STUDIES	
The state and the public under covid (by Alexey LEVINSON)	18
Moscow neighborhoods: local communities, city environment and concerns over increasing ethnic and cultural diversity (by Olga VENDINA)	28
Estonia and Estonian society as seen by Russians 2018–2021 (by Lev GUDKOV)	53
POLITICS AND MORALS: POLITICAL CULTURE INTERPRETATION	
RESOURCES	
The anatomy of one defamation: Russian state media vs Memorial (by Ulrich SCHMID)	65
“National leader”: a mass consciousness diagnosis (by Lev GUDKOV)	74
DOCUMENTS OF THE TIMES	
My best editor and old–time co–author: in memory of A.G. Vishnevsky (1935–2021) (by M. S. TOLTS)	138
Marietta Chudakova: “That’s exactly what my work is about, and I’ve seen my thoughts reflected in Yeltsin’s speeches more than once” (by Dmitry SHALIN)	146
Authors of the issue	160
SUMMARY	161
List of Publications. 2021	164

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

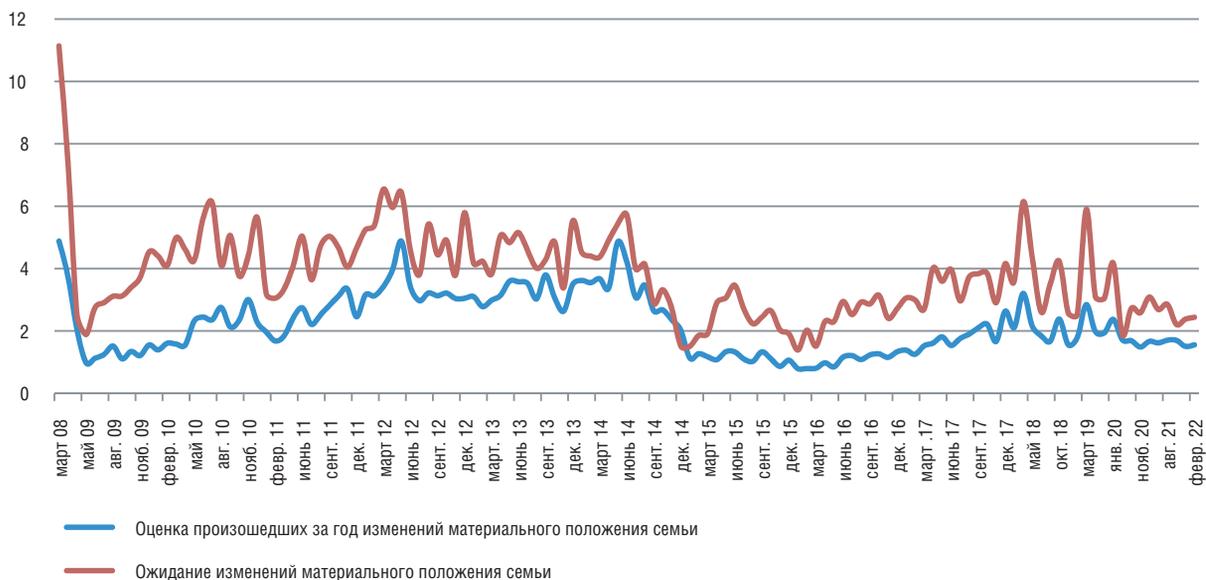
1.1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ

«Как бы вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N = 3000$; в 1995–2001 гг. $N = 2400$; в 2002–2008 гг. $N = 2100$; с 2009 г. $N = 1600$; с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

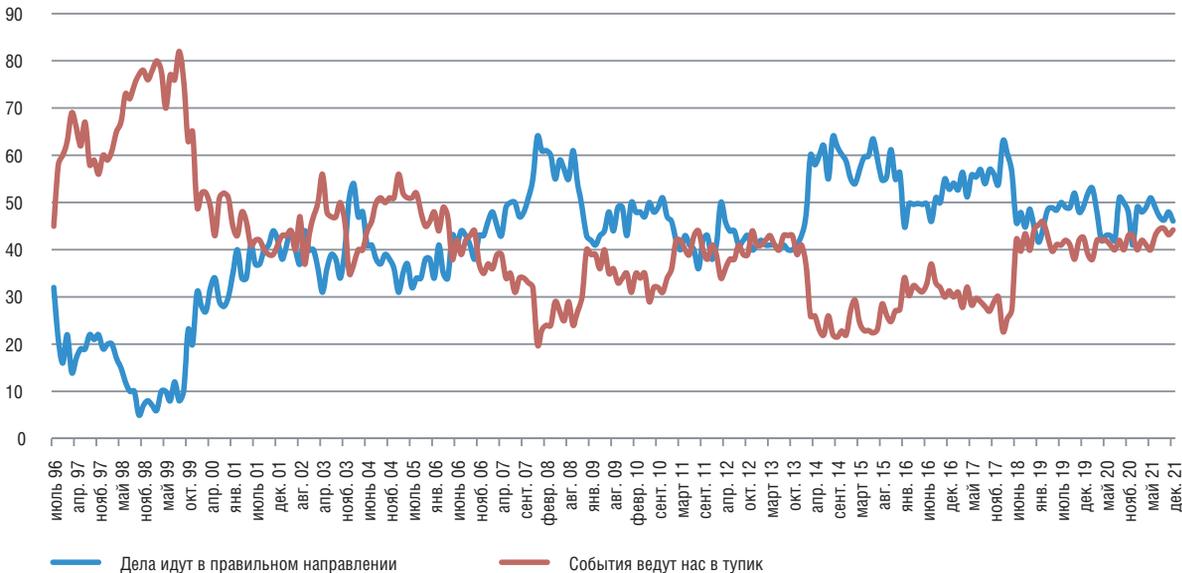
**1.2. «Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?»
«Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?»**
(отношение положительных оценок – «улучшится» и «не изменится» к отрицательной – «ухудшится»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

2.1. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

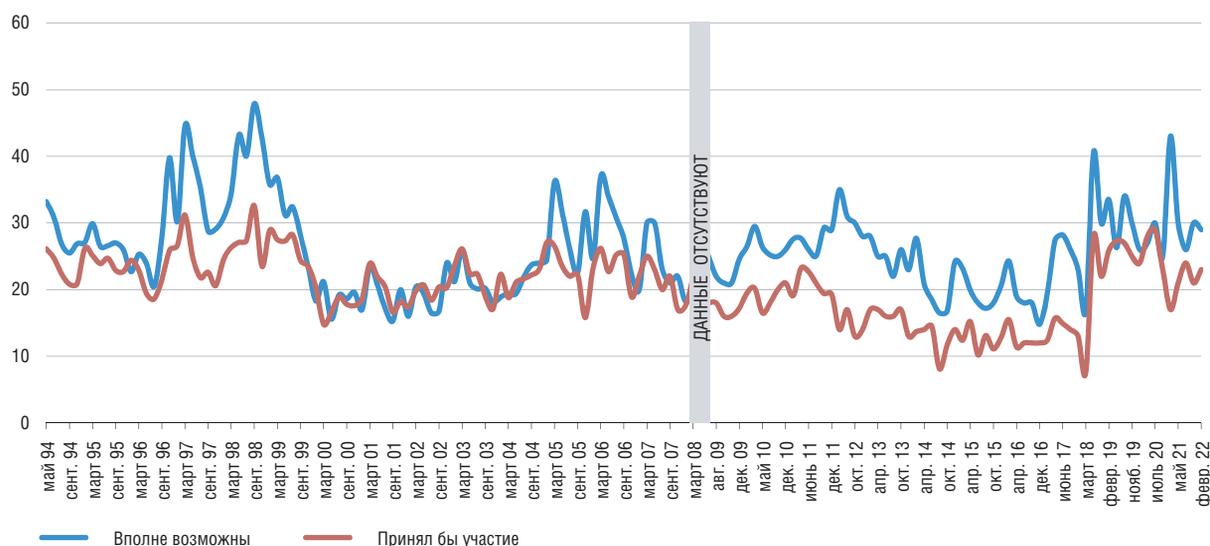

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

3. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

3.1. Потенциал экономического протеста

**«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*;
«Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)**

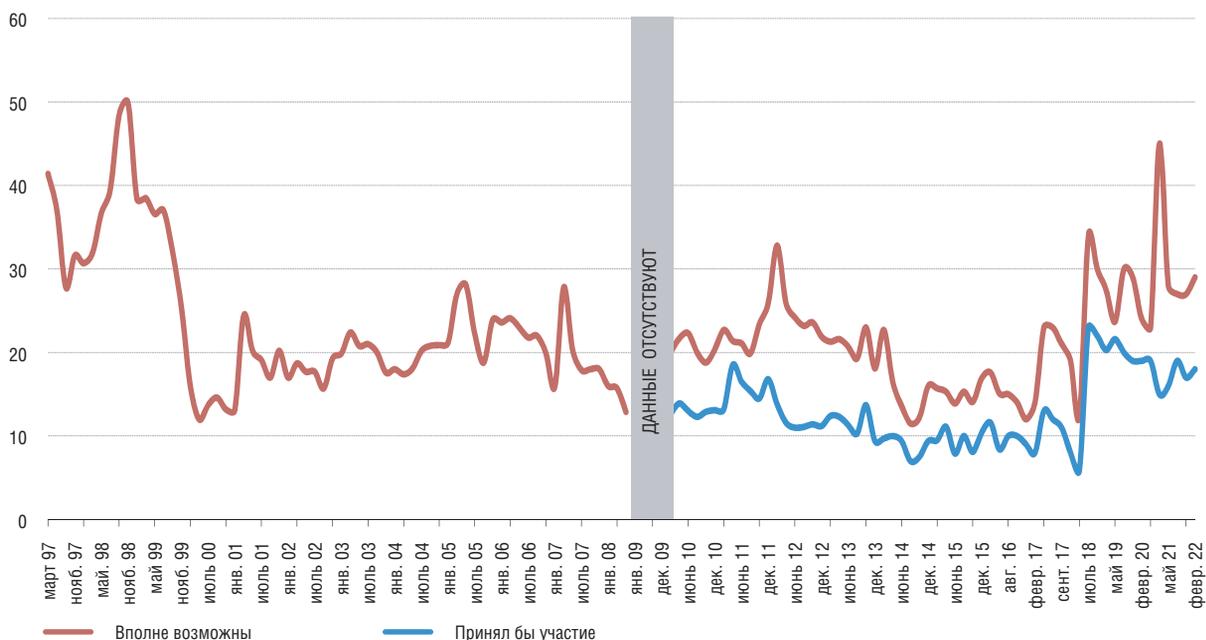
В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

В 2020 г. вновь, как и в начале 2000-х гг., декларируемая готовность участия в акциях протеста против снижения уровня жизни сравнялась с массовыми оценками вероятности подобных акций. Но во второй половине 2020 и в 2021 году в ситуации эпидемических запретов и жестокости полицейского насилия стал очевиден разрыв между показателями двух кривых линий. Несмотря на высокий уровень социального раздражения и недовольства готовность участвовать в акциях протеста резко снизилась, особенно в демонстрациях с политическими лозунгами и требованиями.

3.2. Потенциал политического протеста

«Возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

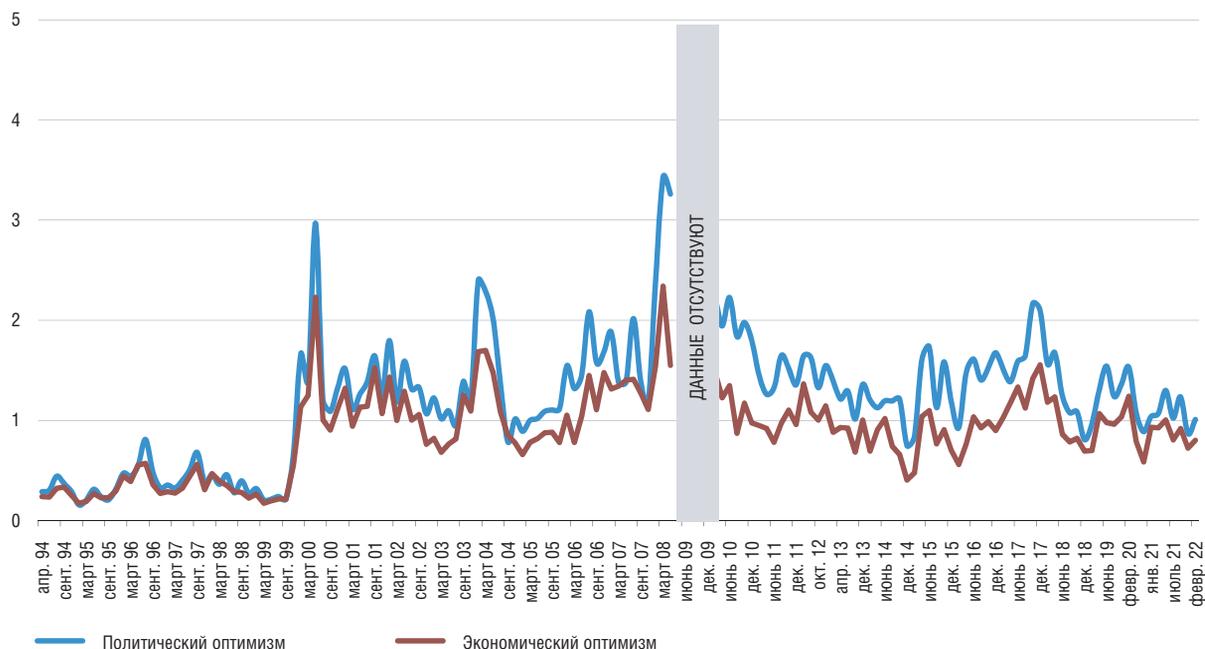

В 1997–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

4. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

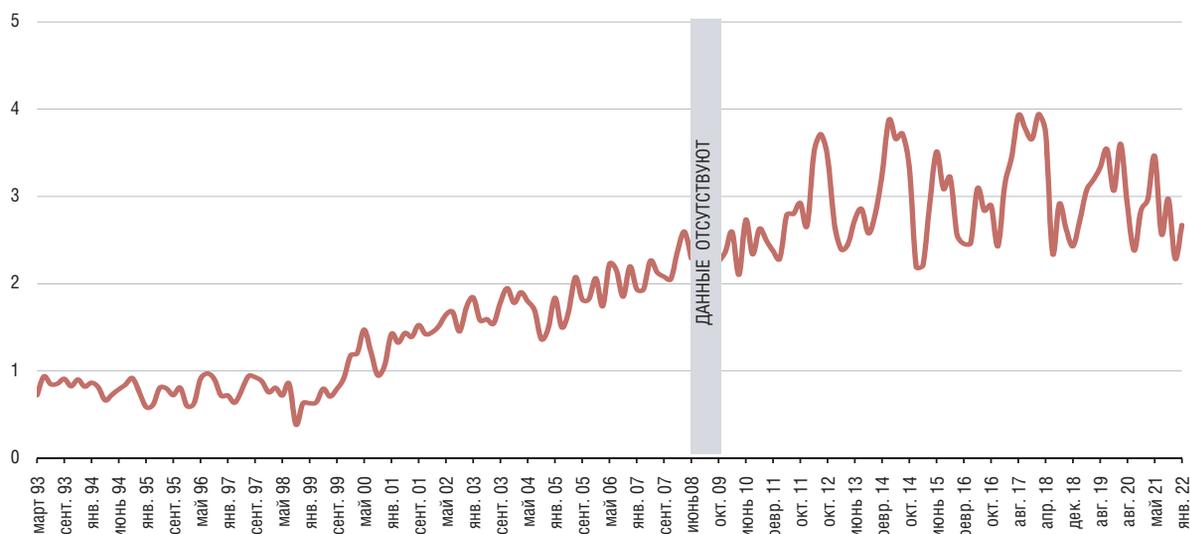

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

График показывает, что с 2017 года идет устойчивое снижение оптимизма населения и рост тревожности и неопределенности будущего.

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

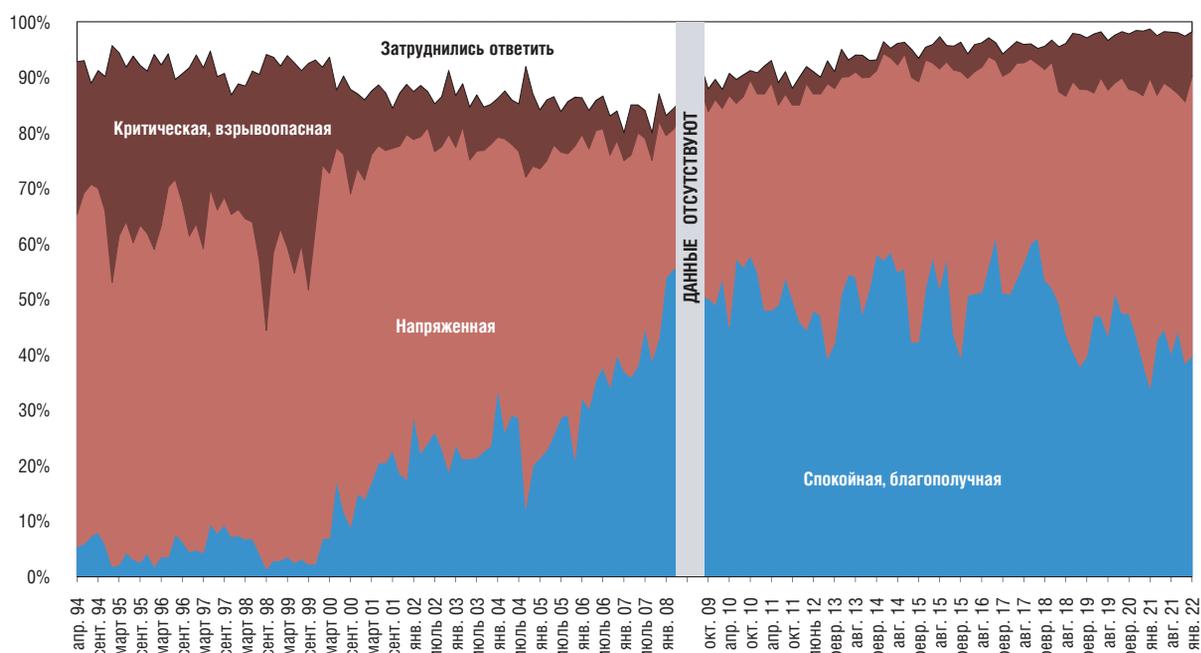
«Что вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

6. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

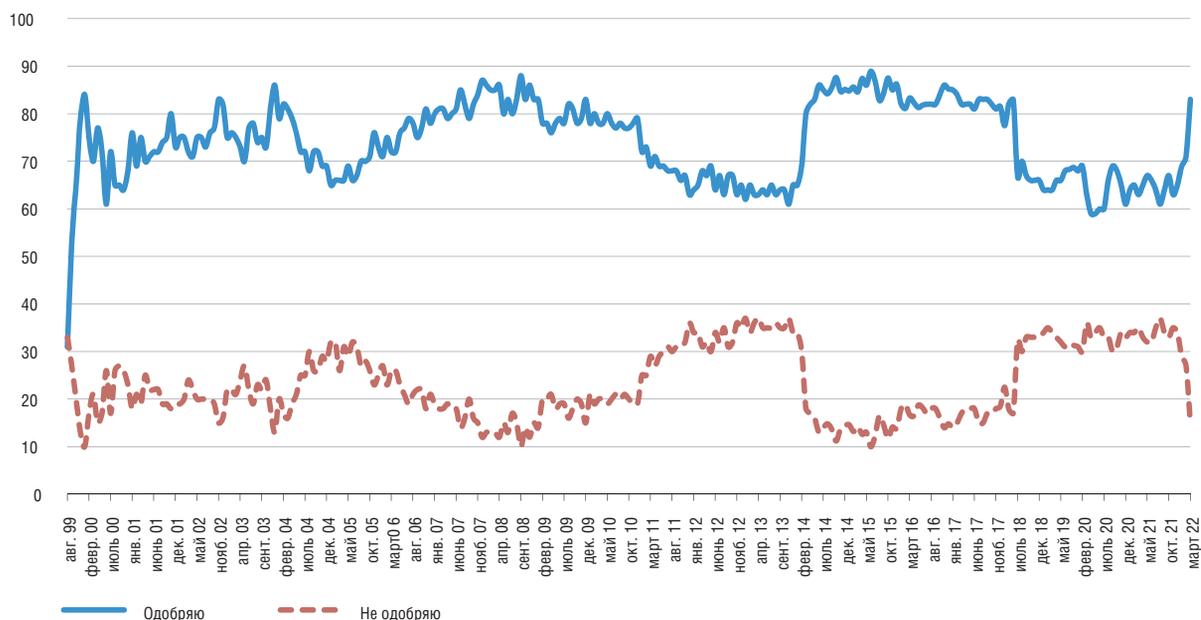
«Как вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?»

В 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

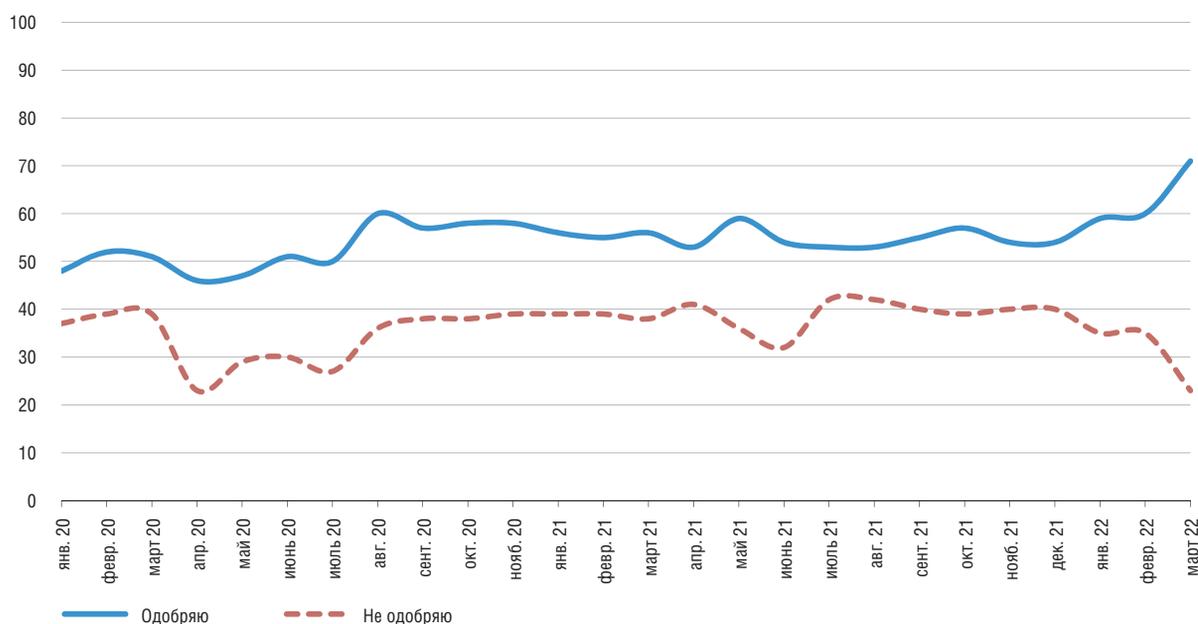
7. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

7.1. «Одобряете ли вы деятельность Владимира Путина?»

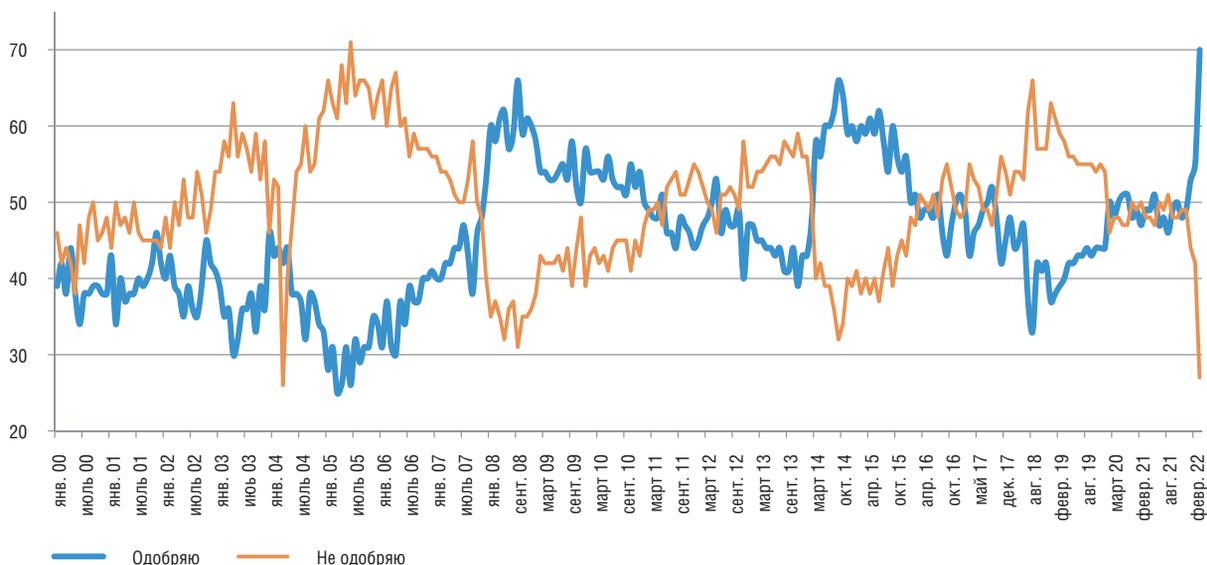
$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

7.2. «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность премьер-министра правительства России?»

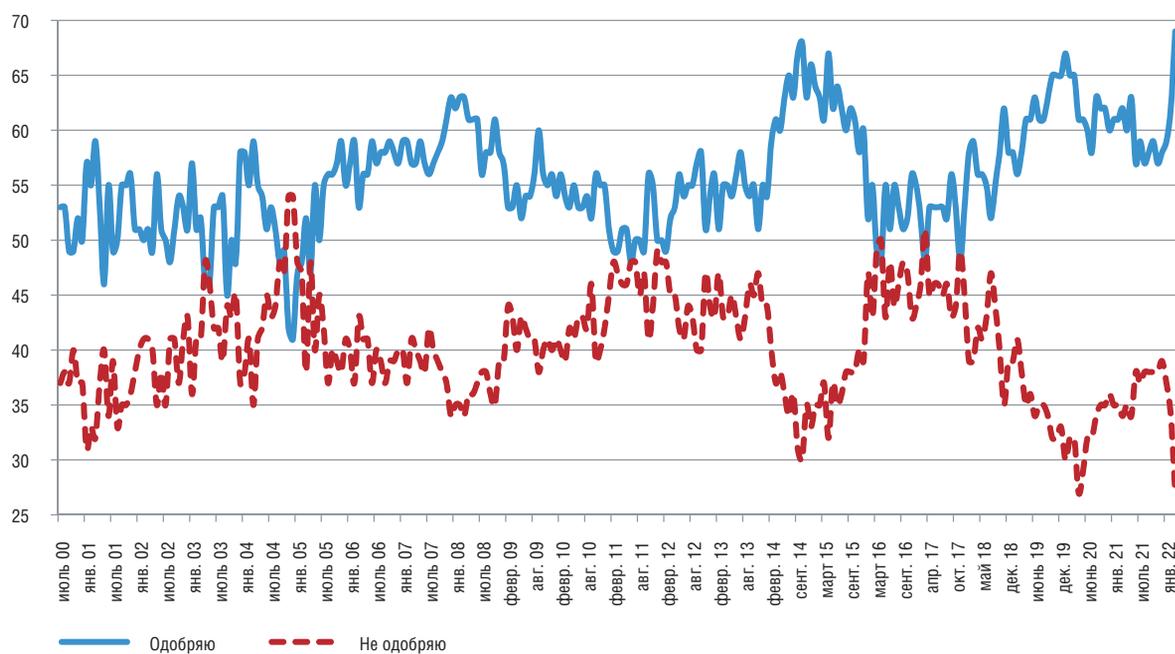
2020 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

7.3. «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства России?»

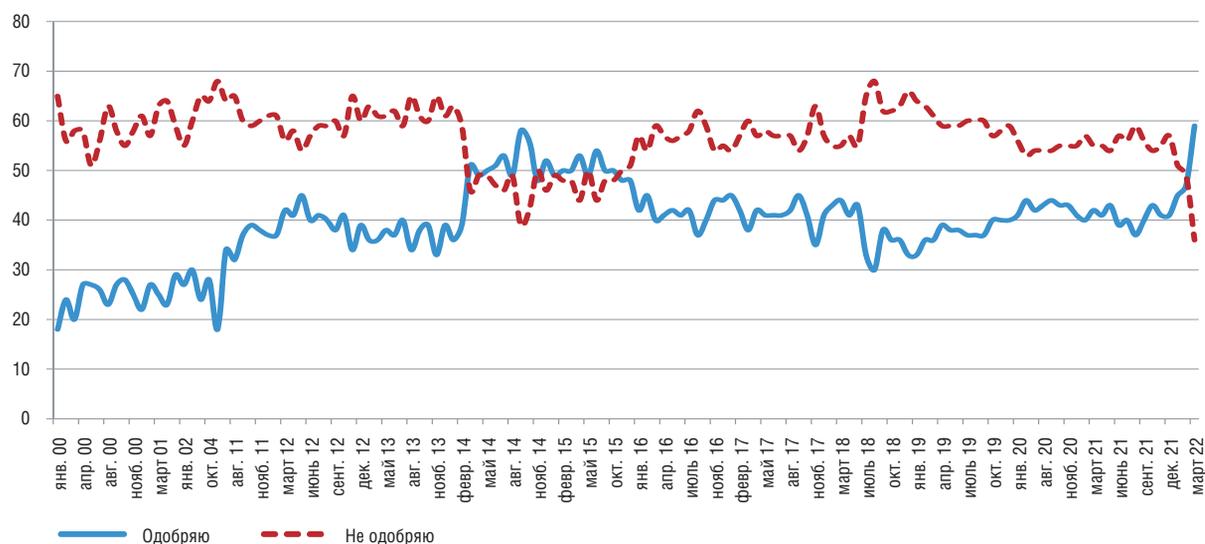
$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

7.4. «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность губернатора вашей области (президента республики, в Москве – мэра)?»

2020 г. $N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

7.5. «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной думы России?»

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

Пропаганда и военные действия российской армии в Украине в сочетании с отключением любой альтернативной по отношению к официозу информации значительно повысили уровень одобрения всех видов власти — президента, правительства, губернаторов, депутатского корпуса и т.п.

8. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

«Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым вы более всего доверяете»

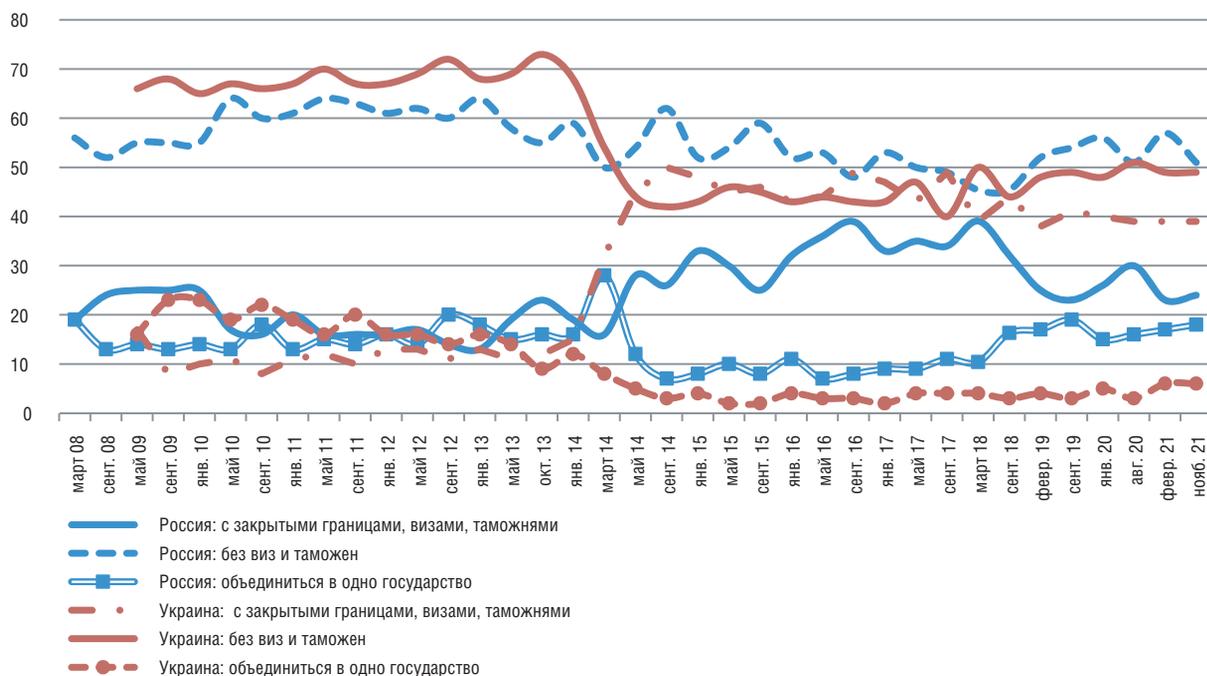
(приводятся данные открытого вопроса о доверии политикам, которые набрали более 1% голосов от общего числа опрошенных; по результатам октября 2019 г.)

Вариант ответа	2017				2018				2019			2020		2021
	XI	VII	IX	III	VII	X	XII	X	XI	VII	IX	III	X	
Путин В.	59	48	39	41	39	39	28	30	39	39	28	30	30	
Шойгу С.	23	19	15	16	17	13	11	13	17	13	11	13	13	
Мишустин М.	—	—	—	—	—	—	12	11	—	—	12	11	11	
Лавров С.	19	14	10	14	13	14	8	10	14	14	8	10	10	
Жириновский В.	14	14	15	16	15	14	13	9	15	14	13	9	9	
Зюганов Г.	10	7	8	7	9	6	4	4	9	6	4	4	4	
Миронов С.	4	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	3	3	
Навальный А.	2	2	3	2	3	3	4	2	3	3	4	2	2	
Грудинин П.	—	7	4	5	3	3	3	2	—	3	3	2	2	
Медведев Д.	11	9	10	13	11	9	<2	2	11	9	<2	2	2	
Собянин С.	3	4	4	3	3	2	2	2	3	2	2	2	2	
Матвиенко В.	—	—	—	—	—	2	<1	1	—	2	<1	1	1	
Не интересуюсь политикой	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1	0	0	0	
Нет таких	14	21	18	17	18	24	23	22	18	24	23	22	22	
Затруднились ответить / не знаю / нет ответа	—	3	2	1	1	1	1	1	—	1	1	1	1	
	11	12	18	16	18	14	23	16	18	14	23	16	16	

$N = 1600$, * — вариант не был назван.

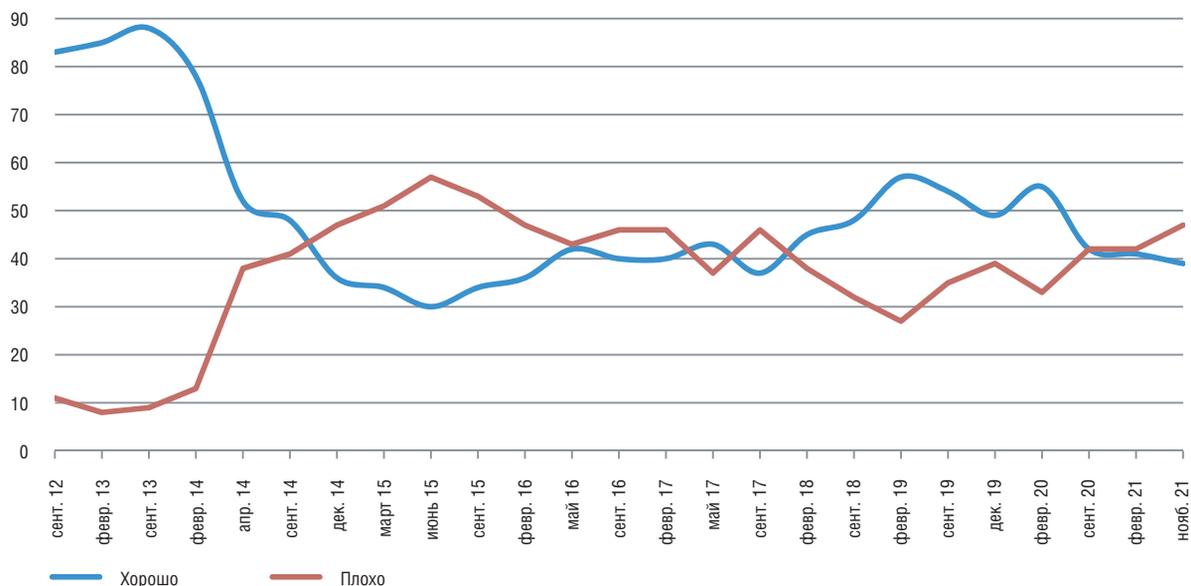
9. РОССИЯ И УКРАИНА

9.1. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные «Левада-Центра» и КМИС)

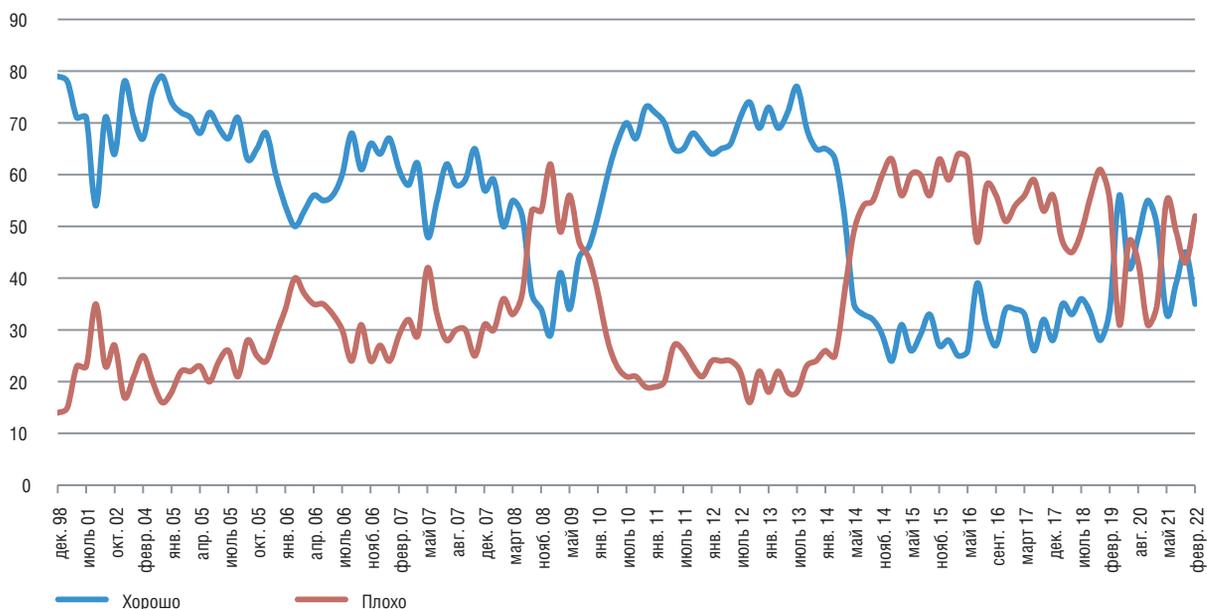
КМИС, $N = 2000$; «Левада-центр», $N = 1600$.

9.2. «Как вы в целом относитесь сейчас к России?» (мнение жителей Украины – данные КМИС, отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

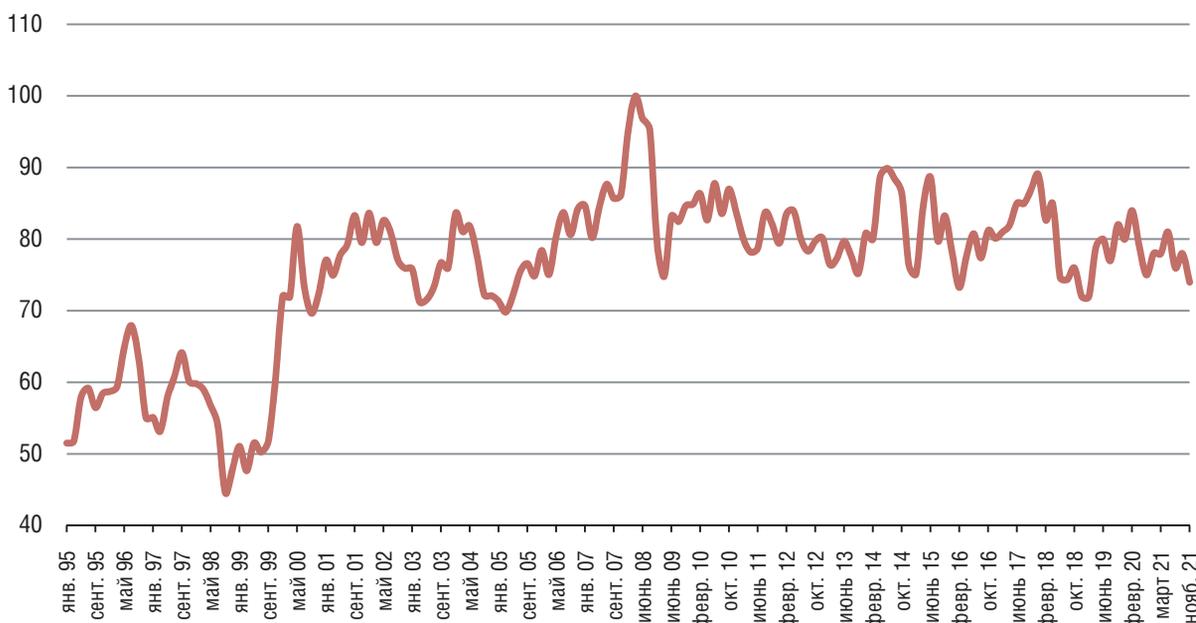
КМИС, $N = 2000$.

9.3. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» (мнение россиян – данные «Левада-Центра», отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

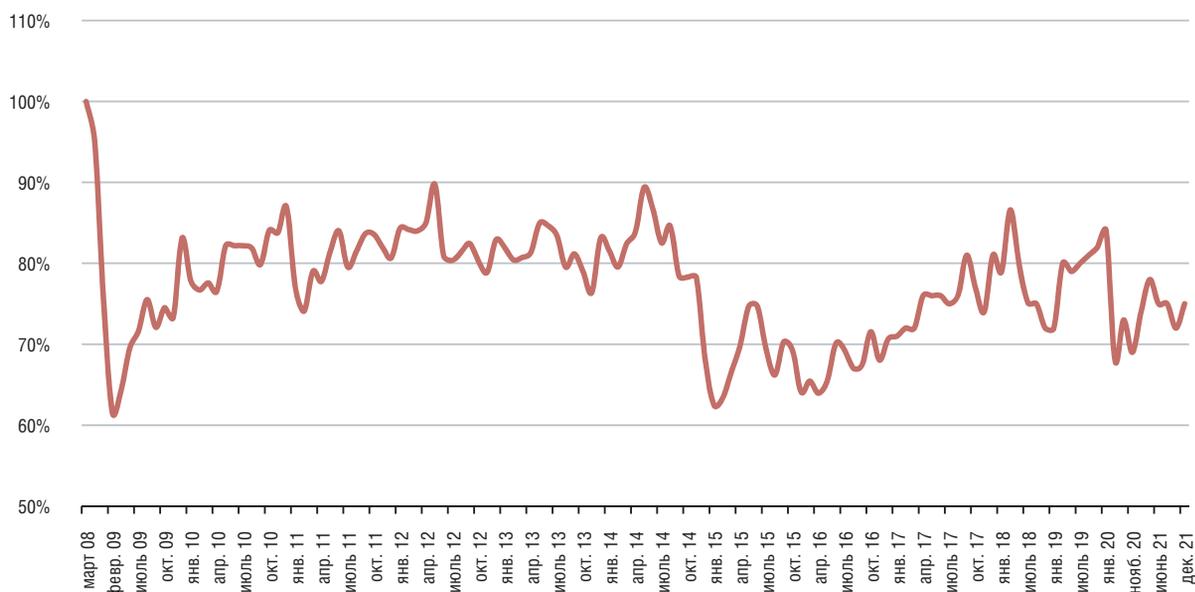
«Левада-Центр», N = 1600.

10. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (март 2008 = 100%)

До июня 2008 г. N = 2100; далее N = 1600, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, N = 1600.

11. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (март 2008 = 100%)

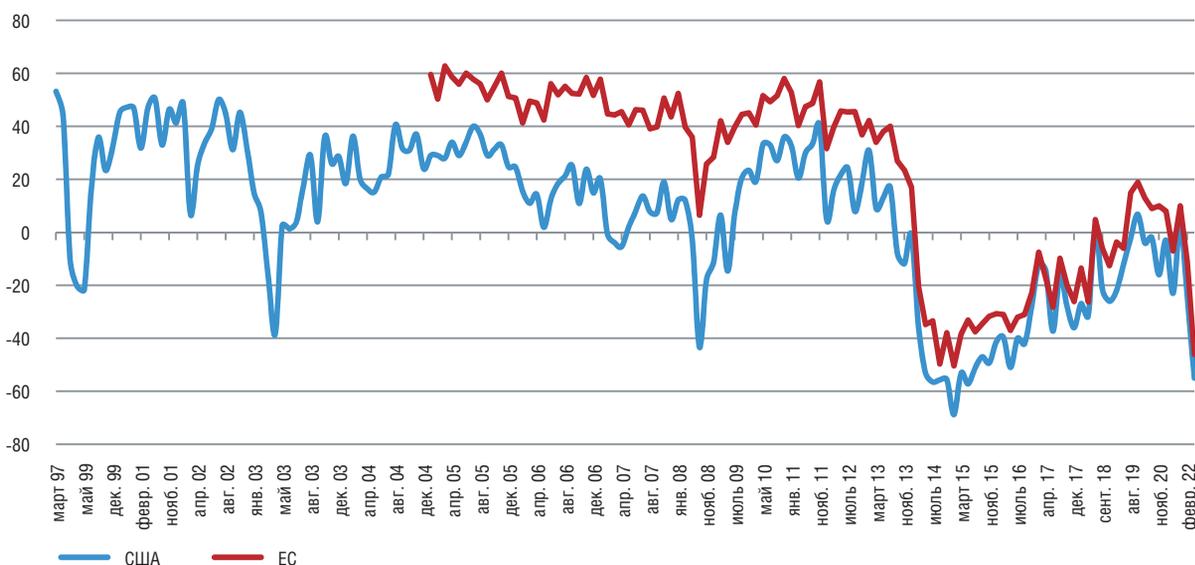

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

12. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

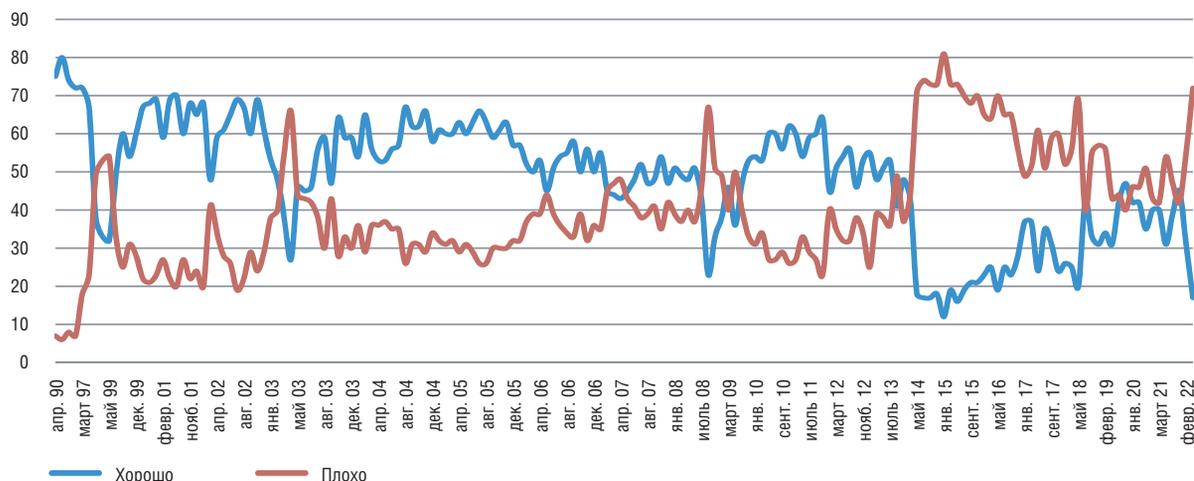
12.1. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»;
«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому союзу?» (разница положительных и отрицательных оценок по данным закрытых вопросов)

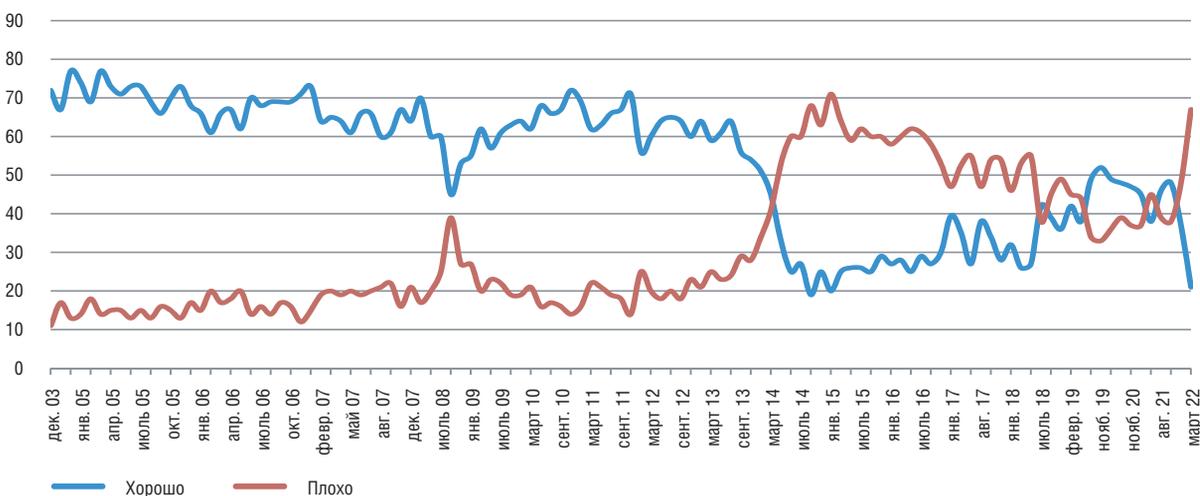
$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

12.2. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

12.3. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

$N = 1600$, с апреля по июль 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью, с августа 2021 г. личное интервью, $N = 1600$.

Несмотря на агрессивный тон антизападной пропаганды, массовое отношение к США и ЕС устойчиво улучшалось на фоне растущего пессимизма при взгляде на внутреннюю политику руководства России и ухудшения экономического положения в стране. Это отражает рост латентного недовольства политическим курсом руководства России, смещением акцентов на внешнеполитические проблемы и расходы на армию, чиновников, полицию и госбезопасность в ущерб накопившимся внутренним проблемам, на снижение доходов населения и деградацию социальной сферы, в первую очередь здравоохранения. Однако начавшиеся военные действия в Украине, введение цензуры и мобилизационная антиукраинская и антизападная пропаганды резко изменили отношение россиян к западным странам. С конца 2021 года установки населения относительно США и ЕС радикально ухудшились.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей ЛЕВИНСОН

Граждане и государство в условиях ковида

Начиная эти заметки, автор обязан предупредить читателя, что они будут не завершены, а оборваны. Это объясняется тем, что в них делается попытка обозреть социальные аспекты и эффекты эпидемии COVID-19 в России, но к моменту публикации эпидемия еще не завершится, и не все ее социальные последствия успеют проявиться.

Мы не будем строго придерживаться хронологического принципа, но есть смысл начать с этапа, который будем считать предварительным. В это время в Россию приходил не сам вирус, а вести о нем. Сначала были рассказы о Китае. Они содержали два значимых для нас момента. Первый — сообщение о том, что причиной заражения являются дикие для нас нравы китайцев, которые едят всякую гадость. Это в известной мере было созвучно старым идеям о том, что китайцев много, но они все-таки стоят на несколько ступеней ниже нас. Другой момент — сообщения о том, что с распространением опасной болезни они быстро справились, приняв строгие меры, подключив военных, и, что особенно впечатляло, применив современные системы слежения в виде повсеместных видеокамер, систем распознавания лиц и пр. Эти сообщения также оживили старые идеи, что с большими общественными несчастьями тоталитарные режимы справляются хорошо, во всяком случае лучше, чем демократические. (От этой мысли недалеко до мысли, что пусть либеральному меньшинству тоталитаризм не нравится, но для большинства,

для народа он лучше.) Но появились и новые идеи. Одни подумали: вот, оказывается, кто воплотил оруэлловские пророчества насчет Большого Брата и общества тотальной несвободы. Другие подумали: молодцы китайцы, создали систему, о которой можно только мечтать. Надо как можно скорее и как можно полнее перенимать их опыт. И начали перенимать.

Мы здесь в большой, хоть и не очень хорошей компании. По данным организации Freedom House, пандемия ослабила сдержки и противовесы исполнительной власти как минимум в 80 странах, причем как в богатых, так и в бедных. Усиливаются государственная слежка и жестокость полиции, становятся более частыми аресты, во многих странах свобода прессы и свобода слова оказались под угрозой¹.

Здесь стоит сказать два слова о «полицейском государстве». В современном обиходе это термин со значительной отрицательной нагрузкой. В адрес российского государства такие обвинения делаются уже давно². Не обсуждая вопрос, насколько

¹ URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/posle-covid-19-ne-budet-vozvrata-k-normalnoi-zhizni-1431/>.

² Об этом еще в конце 1990-х говорил А. Собчак: «Существует опасность превращения демократического государства в полицейское». И давал этому объяснение: «Система карательных органов, существовавшая при коммунизме, не изменилась, а только затаилась». Мороз О. Почему он выбрал Путина? М., 2009. С. 256. Об этом же говорили социологи: Гудков Л., Дубин Б. Милицейский произвол, насилие и «полицейское государство» // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». № 1. 2004 (URL: <http://www.index.org.ru/nevol/2004-1/dubin.htm>).

адекватной была такая квалификация тогда, можно сказать с уверенностью, что появилось больше поводов думать о ней теперь, в обстановке все ширящихся мер полицейского характера, объясняемых эпидемией.

У истории этих мер две стороны. Одна касается тех немедицинских служб и ведомств, которые взяли на себя реализацию разнообразных мер контроля, ограничения и принуждения в связи с эпидемией. Слова «в связи» следует подчеркнуть. Эпидемия не была причиной действий этих служб и ведомств. Причиной были приказы, которые они получили, а точнее, те интерпретации, которые сотрудники этих служб и ведомств давали полученным приказам. Граждане — конечный объект воздействия — сталкивались именно с этим. Насколько позволяли судить полученные нами сведения о том, что думали на этот счет граждане, получалось, что они отказывались усматривать причинно-следственные связи между болезнью и тем, как с ними обращались патрули полиции и Росгвардии на фоне первой волны эпидемии. Вспоминаются рассказы о том, как гвардейцы в бронезилетах и с дубинками ловили старушек, посмевших нарушить режим «самоизоляции» и вышедших на улицу.

Для борьбы с эпидемиями армию привлекали в разных государствах не раз. Солдаты оцепляли очаги заразы, отделяя здоровых от заболевших, как на войне — «своих» от «врагов». Другие силовые ведомства также подключались к здравоохранительным мероприятиям. Так, в СССР борьбой с венерическими заболеваниями в послевоенные годы кожно-венерические диспансеры занимались во взаимодействии с органами внутренних дел. Закон предусматривал принудительное лечение и наказание за заражение, это создавало поле для работы правоохранительных органов. Врачи, помимо лечения, занимались дознанием, выявляли цепочки передачи инфекции, т.е. цепочки половых связей. Поскольку и общественная мораль, и закон значительную часть таких связей трактовали как предосудительные или преступные, участие полицейских органов (тогда милиции) было логичным. Сифилис совместными усилиями медицинских и полицейских структур был побежден.

На попроще борьбы с инъекционным распространением ВИЧ-инфекции снова

появляется повод для совместной деятельности врачей и полицейских. Эпидемия ВИЧ, как говорят, имеет угрожающие масштабы и представляет большую общественную опасность. Но именно ковид-эпидемия (возможно, ввиду наличия китайского примера и прецедента) подтолкнула к резкому расширению функций слежки, контроля, ограничений. Как уже приходилось отмечать, полицейские средства, которые были предназначены для борьбы с теми, кто выражал протест против политического режима, были использованы против тех, кто нарушал режим самоизоляции. Но расширившиеся полномочия и технические возможности спецслужб по контролю за гражданами — расширение было сделано под знаком борьбы с эпидемией — стали применяться снова к тем, кто в той или иной форме выражал протест против политического режима.

Сейчас уже ясно, что органы безопасности как система (или как система систем) спонтанно расширяются и забирают под свой контроль любые общественные пространства, поскольку не встречают сопротивления. Ситуация ковида создала для этого особо благоприятные условия. Но таковыми в перспективе могут стать и чрезвычайные природные явления. Их нам обещает глобальное изменение климата. Все стороны жизни общества будут получать свое полицейское измерение.

Благонамеренному читателю может показаться, что, взявшись рассказывать про ковид, мы неоправданно много говорим про полицию и спецслужбы. Но наблюдения на всем протяжении, от весны 2020 г. и до сих пор, показывали, что российских граждан ограничения или угрозы ограничений и наказаний со стороны государства, объясняемые ситуацией эпидемии, волновали сильнее, чем опасность заболеть и умереть. Сравнивая данные опросов о страхах за 2008, 2019 и 2021 гг., мы можем отметить, что страх болезни несколько сократился, страх смерти остался на том же уровне, а боязнь возвращения к репрессиям, боязнь произвола властей и боязнь ужесточения режима выросли. Если в 2008 г. боязнь болезни была выражена сильнее, чем боязнь произвола властей, то в 2021-м они поменялись местами. В перечисленном наборе теперь первое место занимает страх

произвола властей, второе — страх заболеть, на третьем месте — страх возвращения репрессий, на четвертом — боязнь ужесточения режима; страх собственной смерти — на последнем, пятом месте. Социальные страхи сильнее «человеческих», ужас перед государством с его репрессивными органами, готовыми к произволу, сильнее страха болезни и смерти. Поскольку опрос проводился в ситуации четвертой волны с ежедневными сводками о тысячах заболевших ковидом и умерших от него, можем сказать, что речь идет об этой болезни и смерти именно от нее.

У этих массовых слоев к современному российскому государству были претензии практически с момента его образования в 1990-е. Это было недовольство переходом от советского патерналистского режима (и в этом смысле «социального государства») к постсоветскому либеральному (в части экономики) государству, которое, как тогда говорили, «сбросило социалку». Главной претензией к «демократам», которая надолго пережила самих «демократов», было то, что здравоохранение, которое в советское время было бесплатным, они сделали платным. В тонкости организации страховой медпомощи, системы ОМС общественное мнение вникать не желало, вся медпомощь стала считаться платной. Состоявшаяся социальная дифференциация оставила наименее обеспеченные слои населения, прежде всего пенсионеров, в положении, когда они должны были обращаться за медпомощью к этому «бесплатному» сектору здравоохранения, обнаруживая его прогрессирующее ухудшение. (Опросы «Левада-центра» из года в год фиксировали преобладание мнений об ухудшении работы медицинских учреждений.) Проведенная их реформа, как полагают россияне, лишь ухудшила положение. Реформа состоялась аккуратно накануне прихода эпидемии в Россию.

Мы не беремся здесь оценивать работу медицинской отрасли. Наши исследовательские средства позволяют говорить, что в обществе существовало и существует значительное недовольство ее деятельностью. (Самоотверженность врачей люди оценивают положительно, работу отрасли — отрицательно.)

Стоит отметить, что медицинская помощь по поводу ковида осуществляется бес-

платно. Есть смысл употребить выражение: бесплатно «по умолчанию». Тот факт, что медицинская отрасль в массовом порядке оказывает помощь бесплатно, был принят молча, как само собой разумеющаяся мера. (Приходилось слышать, что в ситуациях, когда не хватало мест в больницах, люди платили за госпитализацию, но это тривиальные взятки, а не «платная медицина».)

Вновь вернемся к поре, когда в мире ковид уже бушевал, а у нас было тихо. Были люди, надеявшиеся, что Россию пандемия обойдет стороной. Но были и не верившие в это, они искали в истории описания таких ситуаций. Многим казалось, что массовая болезнь и смертность должны разбудить темные, иррациональные силы, агрессию против врачей, вызвать тот самый бессмысленный и беспощадный бунт. А думая не о «черни», а о «своих», кто только не произносил слова «пир во время чумы»... И картины виделись ужасные: горы трупов на улицах, обезумевшие люди. Такие картины из дальних стран показывал телевизор и рисовало воображение.

Два года все шло иначе. В общем, все оказалось не так страшно. Никто не бунтовал. Ужас подступал, но только временами, когда на экранах видели очереди из сотен карет скорой помощи. То есть уже не скорой. Когда в Интернет прорывались вопли врачей: мы не справляемся, не хватает мест, медикаментов, масок и прочего!

У кого-то наверху, видимо, тоже были тревожные ожидания. Кто-то там придумывал, как успокоить публику и при этом поднять главный рейтинг. И тоже ошибался. Ходить на глазах у телекамер в «холерный барак» в цветном импортном защитном костюме, оказалось, не стоило. Показывать, как на экране первое лицо с одной картинке строго раздает команды вторым, третьим и прочим лицам на других картинках, тоже. На рейтинг это не повлияло. Впрочем, прямые обращения к публике с интонацией на этот раз задушевной, тоже не повлияли.

Есть впечатление, что те или тот, кто с самого 2000 г. искал и ищет верный тон для установления прочного контакта первого лица с публикой, ищет не там. Поиски ведутся в области имиджа. Ради этого лицо показывают то ныряющим, то летающим, рискующим так и этак. Между тем российская публика (а не элиты,

не журналисты) не проявляет интереса к личности лица. Она консолидирована вокруг символа, вокруг имени и должности. Эта должность точнее всего описывается словами «глава государства». Государство — сущность, безусловно, важнейшая для россиян. Эта категория их объединяет сильнее, чем категории «нация» или «страна», поскольку именно в качестве государства Россия, в их понимании, представлена остальному миру. За то, как она ему представлена, и отвечает глава государства. В этом его главнейшая функция¹. Он, собственно, и есть эта функция для россиян. Поэтому «человеческие» атрибуты не важны.

Ввиду такого позиционирования внутренние дела почти не касались этого лица, его рейтинг, как говорили, оставался «тефлоновым». Только негативная реакция миллионов на непростительные, с их точки зрения, для главы деяния, вроде подписания закона о пенсионной реформе, показывает, что ответственность за внутренние дела тоже иногда наступает. Но и здесь ждут не личных поступков, а государственных шагов.

Читатели в очередной раз могут спросить, почему в рассказе о ковиде столько места уделяется теме первого лица. А потому, что далее придется говорить об ошибках, связывающих его судьбу и его заботы с судьбой и заботами миллионов граждан, пребывающих в обстановке эпидемии.

Судьба первого лица, как считают многие, должна определиться на выборах 2024 г. Теми, кто принимает главные решения, было сочтено, что этот год не должен быть для его пребывания на посту непременно последним. Ими же было решено, что готовить дорожку для этого, менять Конституцию надо было именно летом 2020-го. Не в самый разгар эпидемии, но в разгар ограничительных мер, принятых для борьбы с нею.

Мы не беремся соглашаться или спорить с людьми, которые говорили, что снятие этих ограничений и массовое посещение людьми избирательных участков уничтожили проявившийся было эффект и при-

¹ Своего апогея его рейтинг достигал и после того, что считалось победой в войне с Грузией, и после военного, по счастью бескровного, присоединения Крыма. Публика не реагировала на то, что в 2008 г. Путин не был формально главой государства и Верховным главкомандующим, каковым он был в 2014-м.

вели к всплеску заболеваемости. Нам важно отметить, что такие мнения появились (и нашли свое выражение на фокус-группах): вот, значит, какие у них приоритеты! В глазах граждан их здоровье, вопросы жизни и смерти множества людей были бесцеремонно подчинены вопросу политической судьбы одного человека. Примерно та же история повторилась через год, когда в сентябре 2021 г. ради выборов в Думу (они им нужны, они не нам нужны, эти выборы) снова были отменены ограничения на посещение мест массового скопления людей.

Это два эпизода, внесшие большой вклад в падение доверия власти, которое проявилось в вопросе о вакцинации, важнейшем в 2021 г. Но первый и, видимо, главный вклад был внесен раньше, когда России и миру предъявили вакцину «Спутник V».

Во вторник, 11 августа (2020 г.), Россия первой в мире зарегистрировала вакцину от COVID-19. Об этом сообщил Владимир Путин. Президент подчеркнул, что одна из его дочерей испытала препарат на себе. Глава государства поздравил всех специалистов, участвовавших в разработке вакцины. По его словам, они сделали «очень важный шаг для всего мира». Также стало известно, что вакцина получила название в честь первого искусственного спутника Земли — «Спутник V». Ожидается, что в гражданский оборот препарат поступит 1 января 2021 г.²

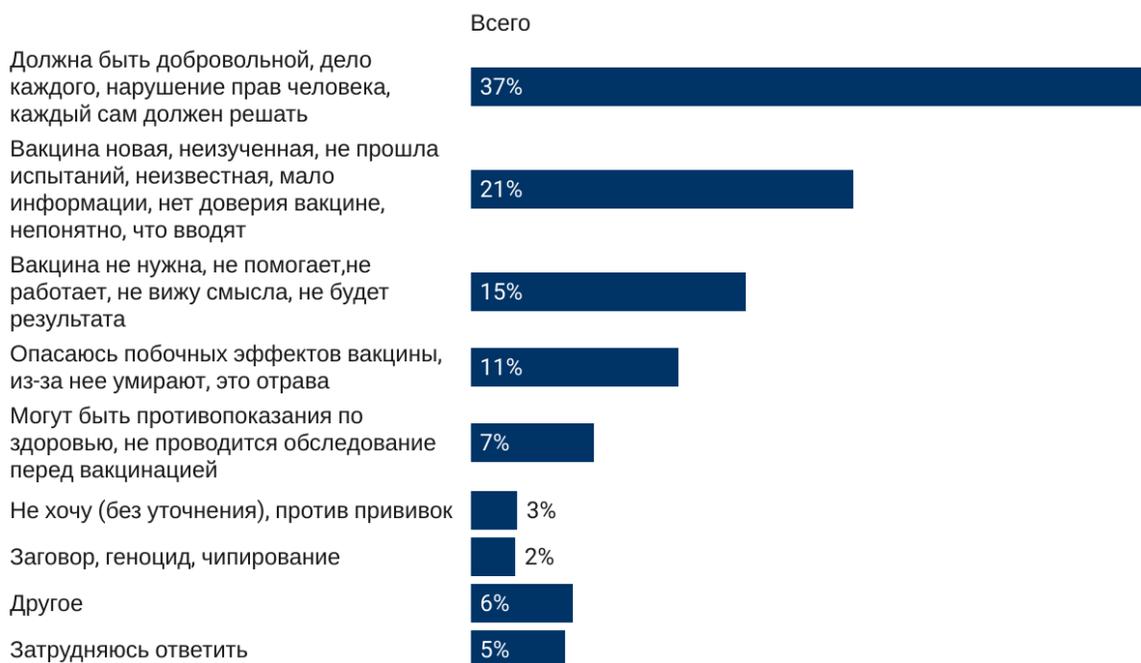
Мы не имеем намерения судить о качестве этой вакцины. Но о качестве PR-кампании, в рамках которой ее вводили, мы можем высказаться, опираясь на известные нам мнения. В Интернете, в разговорах, а затем на фокус-группах стало доминантным мнение: ради того, чтобы показать, что мы опять первые, как в космосе, они не провели все тесты, и нам теперь предлагают непроверенное...

Здесь пиарщики ошиблись и насчет мирового, и насчет внутрироссийского общественного мнения. Обе ошибки стоили дорого. ВОЗ не признавала (и скоро ли признает?) «Спутник», его не признавали и не признают во многих странах, в которые россиянам хочется или необходимо ехать. Но главная беда — внутри страны. Доля граждан, заявлявших, что они не хо-

² URL: <https://russian.rt.com/russia/article/772845-putin-vakcina-koronavirus-rossiya>.

Почему вы не поддерживаете обязательную вакцинацию от коронавируса? (открытый вопрос)

в % от тех, кто не поддерживает обязательную вакцинацию

Левада-центр, @levada_center, принудительно признан иноагентом
Created with Datawrapper

тят вакцинироваться (бесплатно и без принуждения), к моменту, когда было обещано ввести вакцину в «гражданский оборот», превысила 60 процентов.

Из ответов россиян, не поддерживающих обязательную вакцинацию от коронавируса, из вопроса: «Почему вы ее не поддерживаете?» видно, что более половины выражают недоверие вакцине, а за этим стоит недоверие к государству, от имени которого могла бы проводиться обязательная всеобщая вакцинация. Мы имеем в виду не тотальное недоверие, но недоверие к государству как субъекту, который может вознамериться проводить такую кампанию.

Сама вакцинация, как видно из данных наших опросов, пусть и медленнее, чем хотелось бы многим, идет. Примерно за год доля сообщающих, что они привились, достигла почти половины выборки. Прimitивная экстраполяция тренда показывает, что за следующий год процесс достигнет уровня насыщения. Если прогноз оправдается, надо будет говорить о комбинированном эффекте усилий по уговариванию и принуждению, о росте «сознательности»,

сокращении страхов, восстановлении нарушенного доверия государству и пр.

Пока этот результат не достигнут, есть смысл взглянуть в наличную ситуацию взаимоотношений государства и общества. Это ли не главная тема российской социальной истории?!

Ситуация позволяет сделать важное наблюдение. Государство, которое, казалось бы, оснастило себя возможностями тотального принуждения и подавления любого сопротивления¹, в данном случае не решилось использовать эти средства. Как бы

¹ Имеющиеся открытые данные позволяют подсчитать, что в США и КНР одна видеочка наблюдения приходится примерно на шестерых взрослых, в РФ — на семерых. Но Россия стоит на втором месте после Южной Кореи по темпам наращивания количества этих камер. (URL: <https://tass.ru/ekonomika/11784217>.)

Создается особая силовая структура — Росгвардия. Один из двух блоков в ее составе — «силы специального и оперативного назначения как силовой компонент для прямого противодействия актам внутренней агрессии» (В. Золотов, командующий). При ее плановой численности в 340 тысяч человек, озвученной Золотовым (URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/nezavisimoe-voennoe-obozrenie-rosgvardiya-velichitsya-na-tret>), можно представить, какие размеры «внутренней агрессии» ожидают ее создатели. Нельзя только представить, с чьей именно стороны ожидается агрессия.

развернулись события при таком обороте, мы не знаем. Но другой опыт у нас перед глазами — опыт использования государством средств убеждения, т.е. пропаганды. И в самом деле, ни одна кампания, даже предвыборная, не проводилась с такой настойчивостью, как эта, призывающая вакцинироваться.

О государственной пропаганде в нынешней России многие склонны говорить как об абсолютном оружии: телевизор, мол, может всё¹. Идея возможности тотальной манипуляции сознанием подданных со стороны властителя, обладающего монополией на средства пропаганды, укоренена антиутопиями Оруэлла, Хаксли и Стругацких в умах читающей, а главное, пишущей и вещающей публики.

Картина, между тем, иная. Вот данные осени 2021 г., когда половина (52 процента) россиян говорили нашим интервьюерам, что не собираются ставить себе прививку от ковида. Среди тех, кто, по их словам, не находится под влиянием ТВ и доверяет соцсетям в Интернете, «отказников» 57 процентов, поставили себе прививки 31 процент, согласны на прививки 10 процентов. Но среди тех, кто уверяют, что именно ТВ они считают главным источником информации, желавших прививаться 18 процентов, уже привившихся 35 процентов, но основанная масса в 46 процентов все равно заявляла, что прививаться не желает.

Президент не давил на россиян, но все же высказывался за вакцинацию и не высказывался против². В среде того большинства, которое одобряет его деятельность, на описываемый момент 36 процентов привились, еще 17 процентов были на это согласны, но относительное большинство в 45 процентов все равно говорили: «Не

буду». К концу года имелись заметные успехи в деле вакцинации: 46 процентов взрослых заявили, что они уже привились, а доля «отказников» снизилась в целом до 36 процентов. Но рост числа привившихся (по их словам) был практически одинаков и среди окормляемых телевидением (1,42 раза), и среди доверяющих соцсетям (1,45). На десятки доли интернет-население даже обогнало телеаудиторию. Наконец, люди, которые заявляли, что вообще никакому источнику информации не доверяют, пошли вакцинироваться более активно, чем и телезрители, и пользователи соцсетей. Эти данные говорят о том, что смена социальных установок в отношении вакцинации пошла путями естественного социального процесса, а не схемами: власть приказывает — телевизор вещает — люди подчиняются.

То, по каким траекториям распространялись установки и их перемены, можно видеть из данных, касающихся двух наиболее массовых групп работающего населения. В августе на вопросы о желании/нежелании прививаться главным ответом и среди рабочих, и среди специалистов был отрицательный. Но среди рабочих установка на отрицание была в 1,2 раза более выраженной, чем среди специалистов. Сделавших прививку среди специалистов тогда было в 1,2 раза больше³. К началу декабря среди специалистов стало в 1,3 раза меньше антипрививочников и во столько же раз больше привившихся. Среди рабочих пошел такой же процесс, только существенно с большей скоростью. Там, где у специалистов показатели менялись в 1,3 раза, у рабочих — в 1,6. Это позволяет прийти к заключению, что среда специалистов выступила для среды рабочих в качестве носителей социального образца и лидера тренда. В итоге этого

¹ Часто приводили в пример то, как в разгар военного конфликта в Донбассе россияне принимали на веру грубо сделанные и не подтвердившиеся потом измышления насчет зверств украинских «фашистов». По нашему мнению, дело не в доверии фейковым известиям. Сознание россиян, вообще говоря, понимающих, что в Донбассе какие-то «наши» делают что-то неподобающее, нуждалось в тот момент в любых подтверждениях того, что противная сторона еще более неправа.

² В публике нет твердого мнения, прививался ли он сам или нет, и если да, то какой вакциной. Неопределенность на этот счет держали настолько долго, что появившиеся сообщения из официального источника — мол, привит, вакцина наша — не убеждают, говорят респонденты. Они же говорят, что названная выше неопределенность немало способствовала общему недоверию в отношении отечественной вакцины и вообще вакцинации.

³ По личным наблюдениям автора, в среде столичной высокообразованной публики, в целом ответственно отнесшейся к необходимости защищать себя и других масками, ограничениями контактов и пр., первоначально существовало значительное предубеждение против вакцинации, тем более против «Спутника». Оно существовало с твердостью «общественного мнения». Отдельным лицам, все-таки ставившим себе прививку, приходилось объяснять это некими уважительными причинами. Но в какой момент лидеры мнений в своих группах и аудиториях, не объясняя причин, пошли прививаться. Далее прививка стала таким же знаком ответственного поведения, и объяснения потребовало уже то, почему лично ты не привился. Можно предполагать, что именно столичная интеллигенция явилась лидером в тренде перемены отношения к вакцинации. Но доказать это мы не можем.

процесса к началу зимы структура мнений и поступков в обеих сравниваемых группах оказалась практически одинаковой. Готовых прививаться — по 14 процентов в обеих группах. Привившихся теперь абсолютное большинство в обеих группах (у специалистов 52 процента, у рабочих 50 процентов); сохраняющих несогласие прививаться среди специалистов 33 процента, среди рабочих 35 процентов. Точность измерений, доступная нашему методу опроса, такова, что разница в 2 процентных пункта может быть и случайной, т.е. можно говорить, что структуры идентичны.

Проведенные рассуждения позволяют сделать социологически тривиальное заключение. Отношение к вакцинации в российском обществе имеет черты, характерные для большинства массовых процессов. Образцы поведения распространяются по социальной структуре в соответствии с имеющейся в ней системе реальных статусов и авторитетов. Доказывать эти вещи на животрепещущих примерах мы сочли нужным, потому что, как мы уже говорили, и в журналистской среде, и в элитах существуют во многом ложные представления о собственном народе. Откуда они взялись — сам по себе интересный и не праздный вопрос, но его надо оставить для другой статьи.

Феномен, который мы увидели на примере описанной истории с отношением к вакцинации, хорошо известен в социологии как «эффект просачивания» или «спуска образца». Он отмечается в обществах, где существуют группы, слои, различающие себя по статусу, и при этом атрибуты более высоких статусов в принципе доступны для заимствования группам с менее высоким статусом. (В кастовом обществе иерархия статусов есть, но практика заимствования отсутствует, она невозможна.) Как только атрибут переходит в пользование нижестоящей группы (присваивающей его как ценный социальный капитал), его прежние хозяева от него отказываются, потому что он перестает обозначать признак и границы их группы, отмежевывать их от нижестоящих, и потому для них он приобретает отрицательную ценность. На его месте появляется другой, которому тоже в свой час предстоит быть заимствованным, и т.д. Так работает социальный механизм, особенно ярко проявляющийся в модном

процессе. Как считают, первым его описал не социолог, а юрист фон Йеринг¹. В социологию его (со ссылкой на этого автора) ввел Дюркгейм². Его описывали Т. Веблен и Г. Зиммель. Понятен интерес социологов XIX в. к этому механизму в их обществах, переживавших тогда переход от традиционных социальных форм к более новым, от «стоячей» социальной структуры к той, где вертикальная мобильность, предусматривающая в том числе заимствование низшими классами атрибутов у высших, не исключение, а правило. Наше общество за короткий промежуток в 100 с небольшим лет пережило куда более драматичные процессы не однократного истребления (то социального, а то и физического) и высших классов, и их символических атрибутов. Но в той социальной организации, которая после очередной перетряски сейчас кое-как устанавливается, начинают работать присущие всякому социуму описанные выше элементарные социальные процессы, вроде этого заимствования дискурсов, т.е. образцов поведения, говорения и даже мышления.

В конце 2021 г. разразилась социальная буря в Интернете (и даже на улицах), связанная с возможным принятием законов о введении запретов для невакцинированных и соответствующего контроля при посредстве QR-кодов. Эти события говорят о многом, в том числе и об одном граждански важном феномене³. Речь идет о привнесении правозащитной риторики и логики в обиход тех социальных слоев, которые деятельностью Московской Хельсинкской группы или «Мемориала»⁴ не только не интересовались, но которым она была ценностно и идеологически чужда. Это были люди, чья идентичность строилась на лояльности существующему порядку вещей, верности его символам.

¹ URL: https://tftwiki.ru/wiki/Trickle-down_effect.

² *Durkheim É.* La science positive de la morale en Allemagne [1887]... P. 267–343. Об интересе Дюркгейма к Йерингу пишет наиболее авторитетный исследователь творчества Дюркгейма А.Б. Гофман. URL: https://id.hse.ru/data/2021/10/14/1461750505/%D0%94%D1%8E%D1%80%D0%BA%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf.

³ Предлагаемые далее соображения иллюстрируются примерами, произвольно взятыми из потока постов в Telegram. Набор примеров не претендует на репрезентативность. Мы знаем, что в этом потоке представлены и иные позиции, в том числе диаметрально противоположные рассматриваемым нами. Цитирование мнений из Интернета НЕ ОЗНАЧАЕТ согласия автора с этими мнениями.

⁴ Признанного иностранным агентом, затем ликвидированного.

Выше мы говорили, что общество, которое было по рассмотренным (и не рассмотренным нами) причинам настроено против вакцинации, постепенно сменило практическую установку и в нарастающем количестве соглашается на прививки. При смене установки практической идеологическое неприятие вакцинации как меры обязательной и всеобщей остается. По данным «Левада-центра»¹, за период с июня по ноябрь 2021 г. доля заявивших, что не будут вакцинироваться, упала в 1,5 раза, доля сообщивших, что они поставили себе вакцину, выросла в 2,5 раза. Но идеологическая установка осталась. Баланс поддерживающих и не поддерживающих всеобщую вакцинацию почти не изменился за этот период. Он выглядел как 38 процентов «за» и 58 процентов «против» в июне и 42 процента и 54 процента соответственно в ноябре.

В открытом вопросе представители указанного большинства приводили свои резоны. Странники конспирологических версий почти не высказывались. Каждый пятый держался известной и ранее мысли, что вакцина недостаточно опробована. Но основная группа ответов: недобровольная/обязательная прививка — это «нарушение прав человека». Вокруг этой темы множество постов в Telegram, где реагируют на посты председателя Думы В. Володина и голосование депутатов за закон о QR-кодах.

В декабре 1965 г. впервые теми, кто позже стал именоваться диссидентами (это были А.С. Есенин-Вольпин и его товарищи), был поднят плакат с лозунгом «Уважайте Конституцию!». Речь шла о Конституции СССР; вышедших с этим лозунгом в считанные минуты скрутили оперативники. Но вот прошло полвека, и лозунг замелькал в массовом канале в Рунете:

— *А я — против насилия, сегрегации здоровых и поправки Конституции.*

— *Нарушены статьи Конституции 19, 23, 24, 27, 55.*

— *Вячеслав Викторович!!! Отзовите данный законопроект!!! Следуйте статьям Конституции!!!*

Не реже, чем слово «Конституция»²,

¹ URL: <https://www.levada.ru/2021/12/07/koronavirus-vaktsinatsiya-qr-kody/>.

² Среди группы постов, пишущих о Конституции, есть в том числе группа, которая объясняет введение обсуждаемого закона навязыванием его нам со стороны Запада и требует принять дальнейшие поправки

встречаются слова о правах человека, о свободах:

— *Согласно Конституции РФ, ст. 55, не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие Права и Свободы человека и гражданина.*

— *Безусловные равные права и свободы закреплены в Конституции РФ (ст. 17, 18, 19, 21, 45), которая обладает высшей юридической силой, а это значит, что другие законодательные акты не должны ей противоречить.*

— *Я (фамилия, имя, отчество) требую отозвать находящийся на рассмотрении закон 17357-8 о QR-кодах в общественных местах! Я считаю это нарушение конституционных прав человека и не имеет места быть в демократическом государстве, я против сегрегации населения!!!*

— *Введение QR-кодов грубо нарушает принцип равенства всех перед законом независимо от наличия и отсутствия вакцинации (ст. 19 Конституции РФ), сеет рознь и вражду между привитыми и нет, владельцами бизнеса и не вакцинированными покупателями (п. 2 ст. 29 Конституции РФ), ограничивает свободу передвижения граждан (п. 1 ст. 27 Конституции РФ), нарушает право на образование (ст. 43 Конституции).*

— *Я против принуждения! Каждый должен иметь право выбора. Конституция РФ. Глава 2. Права и свободы человека.*

— *Этот закон сам по себе уже нарушение базовых прав человека.*

— *Я против QR-кодов. Права людей превыше всего.*

— *Здравствуйте! Я против введения обязательных QR-кодов в общественных местах. Я считаю их незаконными. Они ущемляют гражданские права и идут вразрез с Конституцией РФ. Гражданин России имеет право на свободу передвижения, имеет право на неразглашение личных данных, имеет право на медицинскую тайну. QR-коды лишают гражданина этих прав.*

Мы отмечали и еще раз отметим, что критика в адрес депутатов, спикера и выше исходит со стороны граждан, которые были им вполне лояльны:

— *Законопроекты о QR-кодах не должны*

в Конституцию, полностью исключая применение у нас «чуждых нам» законов.

приниматься в правовых государствах. Эти законы — верх цинизма и пренебрежения к Конституции РФ, за изменения которой проголосовала большая часть населения нашей страны.

Можно видеть, как теряет поддержку правящая партия. Большинство постов про разочарование в ней — короткие тексты с бранью в ее адрес. Но есть и обращения в другой тональности:

— Вячеслав Викторович, добрый день! Очень прискормно было созерцать принятие закона о QR-кодах. Жаль, что вы не поддержали свой народ. Мы так верили партии «Единая Россия», так надеялись на вашу осознанность и ответственность. Проблема данного закона в том, что в отличие от паспортов, СНИЛС и т.д. (у этих документов функция подтверждающая) QR-коды будут иметь функцию разрешительную. И это есть жуткий прецедент.

Этим будут пользоваться нечистые на руку и сердце чиновники-бизнесмены для решения своих задач.

Сердечно прошу Вас подумать и встать на защиту гражданского общества и нашей Родины. С уважением... (подпись).

Как мы отмечали, «тефлоновая» защита имиджа первого лица была пробита в 2018 г. подписанием закона о пенсионной реформе. Закон о кодах сравнивают с ним:

— Плохо. Я негодую. Такое разочарование второй раз в жизни (после пенсионной реформы).

Массовое сознание, одну из проекций которого демонстрирует рассматриваемый поток высказываний в Telegram, вбирает смыслы и символы из множества источников, затем контаминирует их в сочетаниях, которые этим источникам были чужды или были для них невозможны. Так, наряду с заимствованиями из дискурса правозащитников, явно отлученных от официоза, заметны следы официальной пропагандистской кампании по дискредитации политических процессов на Украине с использованием слов «фашизм» и «нацизм». Этим словам, взятым, понятно, из нарративов относительно Великой Отечественной войны, была придана новая пейоративная энергия. Теперь она обратилась против тех, кто в Государственной думе от лица правящей партии принимает закон о кодах. Вот пост, где смешались следы нескольких пропагандист-

ских кампаний с разными источниками и разными адресатами:

— Я как гражданин и избиратель требую отклонить законопроект о QR-кодах, так как он приводит к сегрегации людей по медицинскому признаку и тем способствует появлению фашизма в нашей стране, что абсолютно недопустимо. Наши деды заплатили чудовищную цену за право развиваться нашей стране так, как мы хотим, а не по западным лекалам, как этого хотели кураторы фашизма. Мы — Россия и у нас свой путь, в котором учитываются уроки истории, закрепленные Нюрнбергским процессом.

Есть впечатление, что в правящих кругах до сих пор сохраняется точка зрения на народ, которая у нас в советское время трактовалась как материалистическая или марксистская. Мол, главное, что движет массами, в частности поднимает их на восстание или бунт, — это так называемые материальные интересы (деньги). Остальное — идеология, но собственной идеологии у масс быть не может, значит, она кем-то навязана. И все равно за ней стоит «материальный интерес». Не желающие или не могущие сослаться на догмы советского марксизма-ленинизма призывают к «пирамиде Маслоу», что помогает сохранять мнение о человеке (не обо мне, а о них) как о свинье, которой только бы пожрать. При такой антропологической установке нет возможности понять, зачем людям свободные выборы и вообще свободы и права. Ясно, что это им «вдули наши враги с Запада, чующие, что у нас здесь слабое место».

Между тем, если не считать сопротивление продотрядам, действительно отнимавшим последний хлеб, и мятежи, вызванные раскулачиванием/коллективизацией с изъятием скота и т.п., прочие немирные, а затем мирные формы протеста были вызваны тем, что массы людей были возмущены нарушением со стороны властей их прав или норм, которые они считали важными или священными¹.

¹ Даже самый острый и трагический пример с демонстрациями в Новочеркасске не подтверждает обратного. Не собственно материальные вопросы — цены и зарплаты, но формы, в которых власти общались (или не общались) с протестующими, по словам свидетелей, и вызвали эксцессы, ответом на которые стали расстрелы и дальнейшие репрессии. Иванов С. Новочеркасская трагедия 1962 г. URL: https://newlit.ru/~ivanov_stanislaw/6358.htm. Как показывали исследования «Левада-центра», протесты против так называемой монетизации льгот

Протесты против упомянутых законов имели составляющую, которую можно назвать «материальной». В первоначальной редакции законопроекта, как поняли в народе, предполагалось, что не прошедшие вакцинацию граждане и те, кто не может подтвердить сделанную вакцинацию документом с QR-кодом, не будут допускаться в общественные места, в том числе в общественный транспорт. Понятно, что для большинства не имеющих этого документа такая ситуация означает невозможность прибыть к месту работы со всеми вытекающими последствиями.

Рост числа протестов (в основном в Интернете, но и на улицах), о котором явно узнала и высшая власть, заставил ее признать эти «материальные» резоны, и законопроект касательно транспорта был удален из повестки заседания, о чем спикер известил ночью (!).

Обсуждаемые протесты в Интернете, территории относительно свободной, — явление весьма сложное. Повторим, что протесты против обязательной вакцинации мотивированы, судя по всему, именно «обязательностью». Ведь фактически дело к всеобщей вакцинации движется, пусть и не так быстро, как в других странах. Есть основания предполагать, что существенным стимулом к вакцинации стала политика работодателей, требующих прививки под угрозой увольнения. Такое дисперсное принуждение не вызвало массового протеста, как мы полагаем, потому что принуждающими выступали частные субъекты, а не государство. Кроме того, роль в отказе от нежелания вакцинироваться сыграли агитация и пропаганда (мы ее роль не отрицаем, но не считаем абсолютной) и пример передовых классов (тоже не единственный, но один из важнейших факторов). Но остается, как мы показали, сопротивление обязатель-

ной, навязанной государством процедуре. Сопротивление QR-кодам — следующая тема после протестов против вакцинации как таковой, затем вакцинации всеобщей и обязательной. В сопротивлении QR-кодам этот, на вид иррациональный, компонент является, видимо, ведущим¹.

Мы предполагаем, что именно здесь скопилась нерационализируемая и невыговариваемая до конца претензия к утесняющему народ государству — оттого так много ссылок на нарушение прав, быть может, и лишь воображаемое.

Либеральный сегмент общества свои претензии к государству и действиям, совершаемым от его имени, не раз выражал в различных формах, от шуток и песен до статей и книг. Требования соблюдать законы, в частности Основной закон, требования не нарушать права и свободы — главные лозунги правозащитников. При том что к политике властей в ходе эпидемии у представителей этого сегмента было и есть немало претензий, они не касались темы QR-кодов как нарушения прав и попрания Конституции.

Но, как мы видели, именно здесь забурлило мнение другой, гораздо более массовой части общества. Его сила такова, что слушание по поводу этого болезненного вопроса перенесено на начало 2022 г. В противостоянии общества и государства последнее предпочло небольшое тактическое отступление. В нашей политической практике такое бывает крайне редко.

Автор обещал оборвать повествование, не доводя его до финала. И он его обрывает на вопросах: как поступит в конце концов власть и найдут ли друг друга разные части общества, предъявляющие ей различные претензии (но единые во мнении, что нельзя нарушать Конституцию и надо соблюдать права человека).

в 2005 г. имели не экономическую, а моральную подоплеку. И, судя по недавним исследованиям, при очевидности «материальной» составляющей недовольства пенсионной реформой 2018 г. главным ударом для негодовавших было не поведение министров и депутатов, готовивших и принимавших закон, а поведение президента, не оправдавшего возложенных на него массами надежд.

¹ Отметим, что в сопротивлении собственно вакцинации присутствовал, как многие считают, момент защиты неприкосновенности своего тела, боязнь иглы и т.п. «физические» компоненты. Этот страх преодолен. Протест против обязательной и всеобщей вакцинации, зафиксированный опросами, — это протест против принципа недобровольности и неизбирательности, притом воображаемого, потому что всеобщая прививка сделана не была. Протест против QR-кодов — это в еще большей мере протест против предполагаемых ограничений. Лучше его назвать протестом против посягательств на то, что люди считают своими неотъемлемыми правами.

Ольга ВЕНДИНА

Москва районов: местные сообщества, городская среда и озабоченность ростом этнокультурного разнообразия¹

Крупнейшие города и городские агломерации, пронизанные мириадами человеческих, экономических и транспортных связей, принято рассматривать как нечто цельное и функционально единое. Такой подход — дань аналитическим и управленческим задачам, которые невозможно решить без обобщения разнородной информации. Точно так же и городское население рассматривается как условная целостность, скрепляемая единством городского пространства. Понимание города его жителями достигается принципиально иными средствами, оно основано на повседневной практике и лишено цельности. Затрудняясь с общими определениями, горожане без труда опишут внутригородские различия, обозначат «хорошие» и «плохие» районы, охарактеризуют собственное место жительства, объяснят его недостатки и преимущества. Они не только наблюдатели и участники событий, происходящих в их доме или квартале, но и творцы порождающего их контекста. Хотя данный тезис далеко не нов, превратившись в один из постулатов урбанистики, на удивление мало работ, где средовому контексту взаимодействий разных групп городского населения уделялось бы достаточное внимание. Прежде всего это касается отношений между местными жителями и мигрантами — одной из острейших городских проблем, не имеющих однозначного решения. Вопрос, почему при сходстве

условий жизни и единстве городского пространства в одних районах города антимиграционные настроения и межэтническая предвзятость не выходят за рамки взаимного недовольства, а в других — перерастают в насилие, остается открытым. В случае Москвы ответ на него особенно затруднен. Несмотря на солидный возраст, российская столица является продуктом советского урбанизма, который обеспечил формирование этнически индифферентной и эгалитарной городской среды. В Москве нет ни трущоб, ни гетто, хотя миграционное давление последней четверти века привело к существенным изменениям в социальном и этнодемографическом составе ее населения. Ключевым трендом развития Москвы в постсоветские годы стала не этнизация отдельных жилых кварталов, а космополитизация города, принятие наиболее современных образцов обустройства городской среды и поддержка привычек, свойственных глобальному среднему классу. Термин «диаспора», который в Москве широко используется при характеристике этнических групп, имеет скорее метафорическое значение. Многие из таких диаспор образованы гражданами России, которые обладают всеми политическими, социальными и культурными правами. Если употреблять термин более корректно, то московские диаспоры сформированы преимущественно мигрантами из постсоветских стран — наследниками общей советской культуры, следы которой сохраняются до настоящего времени. Казалось бы, в такой ситуации почва для межгрупповых конфликтов практически отсутствует. Тем не менее социологические исследования неизменно фиксируют высокий уровень мигрантофобии и этнической

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН в рамках ГЗ «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008, № АААА-А19-119022190170-1 при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-18-00064 «Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России».

предвзятости в Москве, а сами москвичи оценивают риски возникновения этнических и религиозных конфликтов как высокие¹. Объяснение этого противоречия не лежит на поверхности, требуются пространственно-дифференцированные исследования, устанавливающие связь между поведенческими установками людей и средовым контекстом их жизни. Первые работы, использующие средовую оптику для анализа московской ситуации, уже появились², но они, конечно, не исчерпывают тему. Цель данной статьи — показать на примере разных районов Москвы качественное разнообразие реакции населения на изменения, вызываемые миграционными процессами.

Сверхразнообразие: концептуальная рамка исследования

«Сверхразнообразие» — термин, которым обозначают беспрецедентную этнокультурную диверсификацию глобальных миграций в крупнейшие города мира и сдвиги, происходящие в составе их населения. Резкое увеличение числа миграционных групп, имеющих самое разное происхождение, сопровождается снижением доли местного населения, постепенно утрачивающего статус статистического большинства³.

¹ См., напр.: Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и об актуальных проблемах миграционных процессов. Аналитический отчет. Деп. средств массовой информации и рекламы г. Москвы, 2013; Мнение москвичей по вопросам межнациональной и межконфессиональной ситуации в столице и о путях ее оптимизации. Информационно-аналитический отчет. М.: ООО «НИИ Социологии», 2016; Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. Научный доклад. М.: УПЧ, ЦМИ, 2014.

² Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Московский институт социально-культурных программ, 2014. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Ткаченко Н.В. Разработка и адаптация методики «шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал ГУ ВШЭ, 2018. Т. 15. № 3. С. 527–541. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253. Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Изв. Российской академии наук. Сер. географ. 2019. № 6. С. 3–17. Varshaver E., Rocheva E. Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés // Urbanities. Journal of Urban Ethnography. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 42–58.

³ Vertovec S. Superdiversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30. No. 6. P. 1024–1054. Vertovec S. Talking around super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. No. 1. P. 125–139. Meissner F., Vertovec S. Comparing super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38. No. 4. P. 541–555. Meissner F. Migration in migration-related diversity? The nexus between superdiversity and migration studies // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38. No. 4. P. 556–567.

Раньше других с ситуацией «меньшинства в большинстве» столкнулся Лондон. Согласно переписи 2011 г., доля «белых британцев» в британской столице опустилась до 44,9%⁴. Спустя десятилетие сверхразнообразие превратилось в мегатренд, затронувший все глобальные города мира и их пригороды⁵. Наблюдаемые изменения породили острые дискуссии о возможных последствиях миграционных процессов⁶.

Одна из обсуждаемых гипотез состоит в том, что сверхразнообразие способно понизить уровень конфликтности межгрупповых взаимодействий в городах и нормализовать ситуацию «обычного» разнообразия. Многочисленность этнических групп и одновременно малочисленность каждой из них снижают значение культурных различий. Использование этнической парадигмы для объяснения городских проблем утрачивает смысл, сужаются каналы выражения недовольства через этнические предубеждения⁷. Теоретически это «иссушает» источники воспроизведения межгрупповой розни и ведет к росту доброжелательных контактов⁸.

⁴ Regional ethnic diversity. Gov.UK: Ethnicity Facts and Figures. URL: <https://www.ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/uk-population-by-ethnicity/national-and-regional-populations/regional-ethnic-diversity/latest>.

⁵ Neal S., Bennett K., Cochrane A., Mohan G. Living Multiculture: Understanding the New Spatial and Social Relations of Ethnicity and Multiculture in England // Environment and Planning C: Government and Policy. 2013. Vol. 31. No. 2. P. 308–323. Tribalat M. Assimilation: la fin du modèle français. Paris: Toucan, 2013. Wessendorf S. Commonplace Diversity: Social Relations in a Super-Diverse Context. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. Schneider J. Demographic “Megatrends” and Their Implications // Siirtolaisuus/Migration. 2018. No. 3. P. 26–31. Scholten P., Crul M., van de Laar P. (eds.). Coming to Term with Superdiversity. The case of Rotterdam. Springer, IMISCOE Research series, 2019.

⁶ Tolmsa J., van der Meer T.W.G. Losing Wallets, Retaining Trust? The Relationship between Ethnic Heterogeneity and Trusting Coethnic and Non-coethnic Neighbours and Non-neighbours to Return a Lost Wallet // Social Indicators Research. 2017. Vol. 131. No. 2. P. 631–658; Laurence J., Schmid K., Hewstone M. Ethnic diversity, ethnic threat, and social cohesion: (re)-evaluating the role of perceived out-group threat and prejudice in the relationship between community ethnic diversity and intra-community cohesion // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. Vol. 45. No. 3. P. 395–418; Foner N., Duyvendak J.W., Kasinitz P. Introduction: super-diversity in everyday life // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. No. 1. P. 1–16.

⁷ Meissner, 2015. Op. cit.; Crul M. Super-diversity vs assimilation: How complex diversity in “majority–minority” cities challenges the assumptions of assimilation // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. No. 1. P. 54–68; Goodson L., Grzymala-Kazłowska A. Researching Migration in a Superdiverse Society: Challenges, Methods, Concerns and Promises // Sociological Research Online. 2017. Vol. 22. No. 1. P. 15–27.

⁸ Pettigrew T.F., Tropp L.R. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 2011; Tropp L.R. Understanding and responding to intergroup conflict: Toward an integrated analysis // The Oxford handbook of intergroup conflict. Oxford University Press,

Этнокультурный плюрализм срабатывает как условие равноправия.

Другая гипотеза развивает диаметрально противоположную точку зрения. Сверхразнообразие влечет за собой истощение социального капитала доверия и снижение уровня социального согласия в обществе¹. Привносимые этнические привычки так или иначе давят на нормативную культуру принимающего общества, коррумпируя ее и приспособлявая к иной системе ценностей². Хотя формальное количество соседских контактов в культурно-диверсифицированных социумах возрастает, позитивный эффект контактности становится менее очевидным. По мере роста числа и численности контактирующих групп он превращается в свою противоположность. Динамическое равновесие между контактностью и конфликтностью города легко нарушается внешними обстоятельствами³. Функции групповой мобилизации при этом выполняют уже не этнические факторы, а зонтичные идентичности — расовые, религиозные и территориальные, способные поддерживать позитивную самооценку человека. Этнический негативизм трансформируется в антимиграционные, антиисламские и прочие антинастроения⁴.

2012. P. 3–10; *Heerden van S., Ruedin D.* How attitudes towards immigrants are shaped by residential context: The role of ethnic diversity dynamics and immigrant visibility // *Urban Studies*. 2017. Vol. 56. No. 2. P. 317–334.

¹ *Putnam R.D.* "E Pluribus Unum": Diversity and Community in the Twenty-first Century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 137–174; *Bakker L., Dekker K.* Social trust in urban neighbourhoods: The effect of relative ethnic group position // *Urban Studies*. 2011. Vol. 49. No. 10. P. 2031–2047; *Górny A., Toruńczyk-Ruiz S.* Neighbourhood attachment in ethnically diverse areas: The role of interethnic ties // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51. No. 5. P. 1000–1018.

² *Коллиер П.* Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд. Института Гайдара, 2016.

³ *Forbes H.D.* Ethnic Conflict and the Contact Hypothesis // *Y.-T. Lee, C. McCauley, F. Moghaddam, & S. Worchel (eds.) Psychological dimensions to war and peace. The psychology of ethnic and cultural conflict.* Praeger Publishers. Greenwood Publishing Group, 2004. P. 69–88; *Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F.* Does Contact Reduce Prejudice or Does Prejudice Reduce Contact? A Longitudinal Test of the Contact Hypothesis Among Majority and Minority Groups in Three European Countries // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. No. 4. P. 843–856; *Tolsma J., van der Meer T.W.G., 2017.* Op. cit.

⁴ *Aspinall P.J., Song M.* Is Race a "Salient..." or "Dominant Identity" in the Early 21st Century: The Evidence of UK Survey Data on Respondents' Sense of Who They Are // *Social Science Research*. 2013. Vol. 42. No. 2. P. 547–561; *Bauvois G.* "France has never been and never will be a multicultural country". (Super-)diversity in Macron's France // *Siirtolaisuus — Migration*. 2019. Vol. 45. No. 2. P. 8–10.

Третья гипотеза связана с социальной поляризацией общества и также указывает на конфликтный, а не умиротворяющий потенциал сверхразнообразия. Речь идет об усилении доминирования бывшего городского большинства вопреки падению его статистического веса. Причины этого не только в лучших стартовых позициях коренных горожан — наследников материального и социального капитала, накопленного предшествующими поколениями, но и в неравном доступе к ресурсам власти, социального сервиса и самореализации⁵. Сказываются и поведенческие установки: вместо того чтобы признать ценность отличительности, представители сжимающегося большинства отказывают «другим» в качествах, которые считают нормативными и значимыми для себя⁶. Значение негативной интеграции исключения и этнокультурных иерархий непропорционально возрастает. Миграционный опыт и этничность превращаются в маркеры социального дна — бедности, неблагополучия и проблем. Разобщенность многочисленных меньшинств и необходимость решать проблемы повседневного выживания не позволяют им эффективно противодействовать прогрессирующей стигматизации⁷.

На первый взгляд приведенные рассуждения имеют косвенное отношение к Москве: статистика говорит о неприменимости к российской столице термина «сверхразнообразие». Согласно данным переписей населения 1989, 2002, 2010 гг., доля русских жителей города находится на уровне 90%. Тем не менее описанные проблемы хорошо понятны москвичам. Переписные данные воспринимаются ими с огромным недоверием, в отличие от гуляющих в Интернете оценок «неангажированных» экспертов⁸. Вообра-

⁵ *Foner N., Duyvendak J.W., Kasinitz P.* Introduction: super-diversity in everyday life // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42. No. 1. P. 1–16.

⁶ *Дальмайр Ф.* Глобальная этика: преодоление дихотомии универсализм — партикуляризм // *Сравнительная философия / Сб. статей; под ред. М.Т. Степанянц. Вып. 2. «Моральная философия в контексте многообразия культур».* М.: Восточная литература, 2004. С. 284–297; *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / Пер. с фр., под общей ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁷ *Wacquant L.* *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality.* Polity Press, 2007; *Wacquant L.* *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity* Durham: Duke University Press, 2009.

⁸ Многонациональная Москва. Сколько русских живет в Москве? Информационный портал «Яндекс. Дзен», 24.08.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/prochest_nelzya_ignorit/mnogonacionalnaia-moskva

жение людей уверенно рисует Москву как город, в котором совокупная доля этнических меньшинств близка или превышает половину населения. Живейший интерес вызывают вопросы, кто такие «настоящие москвичи» и должны ли соблюдаться их «естественные привилегии» в конкуренции за жизненно важные ресурсы — материальные (доступное жилье, работа, доходы, социальный сервис и общественные блага) и нематериальные (статус, культурные ценности и власть). Изменение паттернов городского расселения и возникновение в результате миграций непривычных и нежеланных соседств являются причиной острого беспокойства¹. На фоне относительной взаимной поддержки, существующей в среде этнических мигрантов, разобщенность москвичей начинает восприниматься как проблема, а «право на одиночество», декларируемое в качестве преимущества автономного индивида², трансформируется в ощущение беззащитности и чувство обреченности³. Появляются и новые для Москвы формы социальной сегрегации, такие как мигрантские школы, заведомо имеющие неважную репутацию и собирающие учеников, не прошедших фильтр других учебных заведений, или мигрантские клиники⁴.

Фактически, не вписываясь в концепцию сверхразнообразия по официальным статистическим показателям, Москва отвечает ей по внутреннему напряжению социальной жизни, субъективным представлениям людей и интенсивности процессов этнокультурной диверсификации. Однако предчувствия сверхразнообразия еще недостаточно, чтобы аргументированно рассуждать о его влиянии на московский социум

skolko-russkih-jivet-v-moskve-5d5e68f805fd9803e2d9649d.

¹ Механика Москвы, 2014. *Op. cit.*; *Мукомель В.И.* Свои и чужие: внутрироссийские иноэтничные мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1 (77). С. 79–92; *Вендина, Панин, Тикунов*, 2019. *Op. cit.*; *Варшавер, Рочева и др.*, 2020. *Op. cit.*

² *Куренной В.* Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press. 2017. С. 14–29.

³ *Vendina O.I.* Muscovites and Newcomers: Strategies for Mutual Adaptation // *Regional Research of Russia*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 395–403.

⁴ *Деминцева Е.* От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 152–182; *Деминцева Е.Б., Кашницкий Д.С.* Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // *Вестник российской нации*. 2015. № 4. С. 214–226.

и о перспективах реализации сценариев, условно говоря, «космополитического равноправия», «взаимного недоверия и сегрегации» и «этнокультурной иерархизации». Не хватает понимания конкретных процессов. Мы не знаем, способны ли местные сообщества поддерживать и воспроизводить объединяющие идентичности в качестве противовеса нарастающим этнокультурным различиям? Да и есть ли такие сообщества?

Из более ранних публикаций, посвященных Москве, нам известно, что численность этнических мигрантов сильно варьирует по районам города, несмотря на диффузный характер их расселения. Различается и отношение к мигрантам в диапазоне от спокойно-равнодушного до подозрительно-неприятного⁵. Эти различия объясняются не только наличием культурных дистанций и застарелых этнических предрассудков, но и «поселковостью» некоторых московских районов, ограниченностью повседневной практики их жителей пределами «своей» территории⁶. Несмотря на представление о Москве как о бурлящем мегаполисе, доля маломобильных горожан среди взрослых жителей столицы составляет порядка 40%. Эти люди предпочитают свой район всем остальным, и только внешние обстоятельства вынуждают их ездить в центр или другие районы города⁷. Поэтому выводы социологов о связи размеров населенного пункта и уровня межэтнической предвзятости справедливы и в случае Москвы, особенно районов, страдающих от транспортной изолированности и социальной замкнутости⁸.

⁵ *Деминцева Е., Пешкова В.* Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп-Weekly*, 2014. 5–18 мая. № 597–598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>; *Вендина О.И.* Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: ЦМИ, 2005; *Иммигранты в Москве / Институт Кеннана*; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: «Три квадрата», 2009.

⁶ *Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А.* Москва. Курс на полицентричность. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

⁷ *Археология периферии. Мегаполисы: развитие за пределами городского центра / Отв. ред. Ю.Э. Григорян.* М.: Изд. МУФ, 2013; *Механика Москвы*, 2014. *Op. cit.*; *Сомов Э.В., Тикунов В.С.* Геоинформационное моделирование интегральной транспортной доступности при планировании приоритетных направлений развития транспортной инфраструктуры на примере метрополитена г. Москвы // *Геодезия и картография*. 2014. № 8. С. 49–53.

⁸ ИНАБ № 2. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования. М.: Институт социологии РАН, 2016; *Кузнецов И.М.* Вариативность баланса межэтнических установок: причины и условия

Применимыми к Москве являются и выводы об амбивалентности локальных идентичностей, которые могут работать как на позитивную интеграцию включения, способствуя формированию местных сообществ, так и на негативную интеграцию исключения, препятствуя контактам между людьми¹. Переменными, определяющими характер доминирующих процессов, являются не столько индикаторы предубеждений и межэтнической предвзятости, сколько удовлетворенность жизнью, ощущение личной безопасности и вера в справедливость социального устройства². Это важный тезис, поскольку категория «недовольных москвичей», страдающих от дефицита признания и самоуважения, составляет около трети населения российской столицы, а районы выраженного недовольства имеют отчетливую локализацию, нередко совпадая с бывшими заводскими окраинами³. Наличие общей для всех горожан московской идентичности лишь отчасти компенсирует проблему соотношения позитивных и негативных оснований самоидентификации. Ощущение себя «москвичом» в той или иной мере присуще подавляющему большинству жителей столицы, однако приоритетным оно является примерно для половины ее населения⁴. Как показывают предыдущие исследования, доля лиц, ассоциирующих себя в первую очередь с москвичами, выше на окраинах города и в его проблемных зонах⁵, что косвенно указывает на компенсаторные функции московской

формирования // Горшков М.К. (отв. ред.) Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17. М.: Новый Хронограф. 2019. С. 355–374; Mulder M., Krahn H. Individual- and Community-level Determinants of Support for Immigration and Cultural Diversity in Canada // Canadian Review of Sociology / Revue Canadienne de Sociologie. 2005. Vol. 42. No. 4. P. 421–444.

¹ Pettigrew T.F., Tropp L.R. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 2011; Quillian L. Why is black–white residential segregation so persistent? Evidence on three theories from migration data // Social Science Research. 2002. Vol. 31. No. 2. P. 197–229; Варшавер, Рочева и др., 2020. Op. cit.

² Zartman W.I. Mediating [ethnic] conflicts of need, greed, and creed // Orbis. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 255–266; Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.

³ Механика Москвы, 2014. Op. cit.; Вендина, Панин, Тикунов, 2019. Op. cit.

⁴ Рыжова С. Идентичность москвичей (опыт исследования) // СОЦИС. Социологические исследования. 2008. № 8. С. 40–49.

⁵ Вендина О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Сер. географ. 2012. № 5. С. 27–39.

идентичности и наличие негативных механизмов консолидации местных жителей⁶. Поэтому вполне правомерно предположить, что реакция на сверхразнообразие жителей разных районов Москвы будет не единообразной, а зависящей от локальной интерференции средовых, культурных и социальных факторов. Каковы же эти различия?

Выбор районов и методы исследования

Административная Москва объединяет 125 городских районов, к которым в 2012 г. добавились еще два десятка муниципальных образований Московской области, включенных в городскую черту. Картина, которую мы наблюдаем сегодня, в своих основных чертах возникла в 1993 г., когда система городского управления была приведена в соответствие с пространственной структурой расселения. К тому времени жители города отчетливо различали себя по локальным именам «своих» районов, а не по их официальным названиям. Люди жили в Перове, Бирюлеве, Филях, Чертанове, на Сретенке, Арбате и в других местах, а не в Ленинском, Октябрьском, Куйбышевском или Советском районах. Маркерами социальной дифференциации городского пространства служили разнообразные признаки. «Заводские» кварталы отделялись от «партийно-номенклатурных», рабочие от интеллигентских, престижные от непрестижных, экспериментальные от типовых, давно обжитые от новостроек, сталинские от брежневских, промзоны от спальных окраин, «царские села» и «генеральские дома» от «хрущоб». В результате административной реформы 1993 г. полуформальные паттерны приобрели легитимность, но процесс дальнейшей дифференциации продолжился. В Москве появились крупные массивы новой застройки, зоны «буржуазности» и кварталы реновации, «старые» промзоны превратились в арт- и бизнес-резиденции, возникло «московское сити», районы вокруг рынков и вокзалов обрели репутацию мигрантских, а бывших заводских окраин — этнических.

Современная география Москвы представляет собой мозаику заметно различаю-

⁶ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004; Борусяк Л.Ф. Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. Т. 74. № 6. С. 58–70.

щихся ареалов. Из этого многообразия для исследования необходимо было выбрать районы, сопоставимые по количеству жителей и разнообразию их этнического состава, и одновременно обладающие выраженными особенностями. Первым шагом на этом пути стал расчет Индекса этнической мозаичности. Это один из старейших индикаторов популяционных различий и био-разнообразия, который из биологии перекочевал в социальные науки¹. Он учитывает число, численность и удельный вес этнических групп в населении конкретных ареалов и позволяет рассуждать о вероятности межгрупповых контактов. В западной литературе данный показатель обычно называют Индексом разнообразия или Индексом контактности, в российской — Индексом этнической мозаичности². В последние два десятилетия в связи с резкой интенсификацией миграционных процессов, меняющих состав населения, этот старый и многократно раскритикованный показатель³ вновь привлек к себе внимание как простой индикатор сверхразнообразия⁴.

Расчеты, проведенные на основании данных переписи 2010 г.⁵, позволили выделить 22 района Москвы, где значения Индекса этнической мозаичности превышали средний уровень ($k = 1,3$). Из их числа было выбрано четыре района, сравнимых

по численности населения и отличающихся по средовым и социальным характеристикам. Учитывались факторы местоположения, репутации, жилищных условий и уровня образования населения, стоимости недвижимости, миграционной ситуации, обеспеченности инфраструктурой, история и характер застройки, наконец, электоральные предпочтения. В выборку попали Восточное Бирюлево ($k = 2,1$), Тропарево-Никулино ($k = 1,9$), Дорогомилловский ($k = 2,0$) и Рязанский ($k = 1,7$). Для сравнения в исследование был включен пятый район — Строгино ($k = 1,1$), где значение Индекса было ниже среднего для Москвы (табл. 1).

В качестве основного метода исследования использовались фокус-группы (ФГ), позволяющие, во-первых, получать аналог коллективного мнения при небольшой численности респондентов, во-вторых, погружаться в детали каждого отдельного случая и, в-третьих, проводить межрайонные сравнения⁶. Набор респондентов и модерирование ФГ было доверено специалистам Аналитического центра им. Ю. Левады. ФГ проводились в специально оборудованной студии, велась видео- и аудиозапись. Использовался единый гайд дискуссий, который был ориентирован на выявление связи между средовым контекстом жизни людей, их восприятием культурного плюрализма и поведенческими установками в разрешении проблем повседневных взаимодействий с носителями иных культурных практик.

Гайд содержал три тематических раздела. Блок средовых вопросов раскрывал отношение людей к месту своей жизни (району и Москве), проверял знание города и района. Обсуждались персональные истории переездов, сравнительные преимущества и недостатки районов, наиболее актуальные локальные проблемы, включая преступность, безопасность, плохую инфраструктуру, мигрантов и пр. Влияние социального контекста выяснялось через характеристику персональных контактов — круга общения, повседневной мобильности, практики вза-

¹ Simpson E.H. Measurement of diversity // Nature. 1949. No. 163. P. 688. За прошедшие годы методики исследования этнической дифференциации и сегрегации населения городов значительно продвинулись, включив в себя факторы, связанные с социально-экономическими характеристиками населения, позиционными — жилых районов и уровнем развития сервиса. Однако из-за недостаточной детализации российских статистических данных они мало пригодны для анализа ситуации в Москве.

² Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.

³ Критические аргументы наиболее полно представлены в статьях: Hurlbert S.H. The Nonconcept of Species Diversity: A Critique and Alternative Parameters // Ecology. 1971. Vol. 52. No. 4. P. 577–586; Rao C.R. Diversity and dissimilarity coefficients: a unified approach // Theoretical Population Biology. 1982. No. 21. P. 24–43.

⁴ Guiasu, R.C., Guiasu, S. The Rich-Gini-Simpson quadratic index of biodiversity // Natural Science, 2010. No. 2. P. 1130–1137; Heerden van S., Ruedin D. How attitudes towards immigrants are shaped by residential context: The role of ethnic diversity dynamics and immigrant visibility // Urban Studies. 2017. Vol. 56. No. 2. P. 317–334.

⁵ Мы отдавали себе отчет в несовершенстве данных переписи, которые, мягко говоря, неточно отражают этнический состав населения районов Москвы, поэтому рассчитанный на их основе Индекс рассматривался не столько как территориальная характеристика, сколько как инструмент межрайонных сравнений.

⁶ Левинсон А.Г. Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях / Качественные методы. Полевые социологические исследования, под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя. 2009. С. 217–254; Stewart D., Shamdasani P., Rook D. Group Depth Interviews: Focus Group // L. Bickman, D.J. Rog (eds.) The SAGE Handbook of Applied Social Research Methods. AGE Publication, 2009. P. 589–616.

Таблица 1

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБРАННЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЙОНОВ*

Народные «этикетки» районов	Численность населения, 2018 г., тыс. чел.	Стесненность жилищных условий, кв. м/чел.*	Стоимость кв. м жилья, тыс. долл. США, 2020 г.**	Уровень высшего образования, 2010 г., %***	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Козф. естественного прироста / убыли населения, 2018 г., %****	Козф. миграционного прироста / убыли населения, 2018 г., %*****	Поддержка националистических настроений, выборы 2012–2018 гг., %*****	Поддержка демократических настроений, выборы 2012–2018 гг., %	Поддержка власти, выборы 2012–2018 гг., %	
Строгино	Экологичный, зеленый, спальный	160,8	16,1	3,2	48,7	73,1	-1,7	3,8	5,6	12,1	59,8
Восточное Бирюлево	Заводской, мигрантский, проблемный	155,9	17,3	2,2	37,9	71,5	0,0	21,4	6,1	8,6	63,1
Тропарево-Никулино	Интеллигентный, университетский	124,2	20,4	4,4	66,2	76,3	-0,5	-3,0	3,8	17,0	54,3
Дорогомиловский	Элитный, правительственный, дорогой	76,1	22,0	5,5	60,8	78,6	0,1	9,6	4,4	18,4	51,2
Рязанский	Бывший промышленный, рабочий	109,7	17,4	2,6	48,6	74,5	-0,6	18,6	5,4	11,2	70,3

* Средняя обеспеченность населения Москвы жилой площадью 18,7 кв. м на чел.

** Средняя стоимость кв. м жилья в Москве 3,4 тыс. долл. США (2020 г.).

*** Доля населения Москвы с высшим образованием составляет 40,1% (2010 г.).

**** Коэффициент естественного прироста населения Москвы (2018 г.) — 0,93 ‰.

***** Коэффициент миграционного прироста населения Москвы (2018 г.) — 9,98 ‰.

***** В столбцах представлены средние значения за ряд избирательных кампаний.

Источники: Муниципальная статистика районов Москвы, URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/68024>; Перепись населения 2010, URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; База данных недвижимости ЦИАН, URL: <https://www.cian.ru/>; ЦИК России, http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/.

имодействий с соседями и с мигрантами, вовлечения в конфликтные ситуации. Задавались вопросы о допустимости насилия, миграционной политике, ответственности политических элит и бюрократии за сложившуюся ситуацию. Третий блок вопросов касался идентичности как важнейшего регулятора социальных отношений, обсуждались представления о себе и о «других», точки зрения на социальное и имущественное неравенство, возможности согласованного действия, мотивы личного поведения, наличия этнокультурных и социально-эко-

номических иерархий и предубеждений, преимуществ и недостатков локальных и миграционных сообществ.

Чтобы уловить многообразие взглядов респондентов и избежать замалчивания мнений, в ходе ФГ активно использовались проективные методики: стандартные методы ассоциативных рядов, метафоризации, семантической атрибуции, рисуночные тесты. В данной статье использованы результаты теста «Дефиниции мест проживания» (ДЕМП), методика которого была разработана в «Левада-центре». Целью теста было

выявление аффективного и ценностного отношения респондентов к «своему» району и к Москве. Он был построен таким образом, чтобы стимулировать разнообразие ассоциаций участников ФГ, используя их заинтересованность в теме обсуждения. Игра останавливалась после третьего круга опроса. Достаточно большой массив ассоциаций, связанных с Москвой, позволил их систематизировать и использовать количественную оценку представленности тех или иных мнений, отражающих эмоциональный фон столичной жизни.

Исследование проводилось в три волны. На этапе апробирования гайда для участия в ФГ были приглашены респонденты из районов, наиболее различающихся по Индексу этнической мозаичности и наиболее сходных по параметрам местоположения: Бирюлево Восточное ($k = 21$) и Строгино ($k = 11$). Респондентами были местные жители в возрасте 25–60 лет; при рекрутировании учитывались структурные характеристики населения районов, контролировался уровень образования. На следующем этапе был включен фактор социальной дифференциации респондентов. В каждом из выбранных районов проводилось по две ФГ. Респондентами в Бирюлево Восточном (район испытывает сильное миграционное давление) были представители «старожилов», проживающих здесь более 25 лет, и «новоселов» — не более 5 лет. В Дорогомиловском респонденты дифференцировались по уровню достатка: «более обеспеченные», не испытывающие материальных ограничений, и «менее обеспеченные», вынужденные экономить. В Тропареве-Никулине проверялся тезис о межпоколенческой коммуникации как механизме передачи ценностных представлений. Поэтому на ФГ были приглашены молодые люди (20–35 лет) и более возрастные респонденты (45–60 лет). В районе Рязанский к поколенческой дифференциации была добавлена социально-профессиональная. В постсоветские годы промышленный и рабочий район превратился в спальный. Сокращение мест приложения труда на крупных предприятиях привело к распаду трудовых коллективов и деградации духа заводской солидарности. В индивидуальном плане это выразилось в переходе от занятости на производстве в поколении родителей к занятости в отраслях сервисной

экономики в поколении детей. Поэтому к участию в ФГ были приглашены представители былых и новых профессий — рабочие и офисные служащие. В общей сложности с москвичами было проведено 10 фокус-групп.

Завершающий этап исследования затрагивал этнических мигрантов, осевших в Москве или живущих здесь не менее 5 лет. Это та категория городского населения, рост которой, собственно, и является источником разнообразия. Нас интересовали прежде всего этнические группы, которые выделялись москвичами как отличительные. В их числе были и граждане других стран — узбеки, таджики, киргизы, и россияне — чеченцы. От строгого соблюдения принципа районной дифференциации пришлось отказаться в силу неудачи с корректным набором респондентов. Собрать группу незнакомых друг с другом представителей конкретных этнических групп, живущих в одном районе, оказалось невозможно. Поэтому ареалы рекрутирования были расширены и включали несколько соседних районов. Гайд дискуссий был адаптирован к изменившемуся составу ФГ, переносу внимания с представителей большинства на представителей меньшинств, но он по-прежнему включал блоки вопросов, связанные с условиями жизни людей (среды), социальным контекстом, персональными историями и идентичностями. Всего с этническими мигрантами было проведено восемь ФГ. Чтобы избежать замалчивания мнений, они проводились с мужчинами и женщинами отдельно. Несмотря на важность третьего этапа исследования, его результаты лишь в малой мере использованы в данной статье, нацеленной на проверку гипотез о возможном влиянии сверхразнообразия на принимающее сообщество — москвичей.

Все аудиофайлы, полученные в ходе ФГ, были переведены в текстовый формат и подвергнуты контент-анализу. В тексте статьи высказывания респондентов приводятся курсивом.

Спонтанная самоидентификация: «Кто мы?»

Вопрос о наличии различных форм групповых идентичностей задавался одним из первых; респондентам предлагалось одним

словом охарактеризовать группу, собравшуюся для дискуссии. Ценность полученных ответов состояла в их спонтанности и отсутствии предустановленных категорий выбора. Нас интересовали самые общие представления людей о себе как о некотором сообществе — реальном или воображаемом. Поскольку рекрутеры, приглашая к участию в ФГ, называли в качестве темы обсуждения проблемы района, предполагалось, что наиболее распространенным вариантом ответа станет отождествление себя с местными жителями, что позволило бы далее развивать тему локальных сообществ. Однако пальма первенства оказалась у самоидентификации «люди». Определение сколь бесспорное, столь и размытое, подчеркивающее скорее независимость индивидов и их дистанцирование от «мы-сообществ». К определению «люди» примыкали и такие позитивно окрашенные дефиниции, как человек и личность, а также обезличенные — население, жители, трудящиеся. Этот результат показал чрезмерную оптимистичность предположения о существовании в районах Москвы локальных сообществ и в очередной раз подтвердил тезис о социальном отчуждении как о тренде, типичном для крупнейших городов, и о социальной дезинтеграции как характеристике состояния российского общества.

Вторую позицию по числу упоминаемых заняла локальная самоидентификация (строгинцы, жители Бирюлева, я из Сокольников). Третью — поделили две группы ответов: москвичи и указания на ролевые идентичности — специалисты, отец, дед, фанаты, любители. Россияне и граждане страны замыкали этот коротенький список. Однако на основании ФГ было бы опрометчиво делать выводы о слабости российской идентичности как фактора интеграции московского социума, скорее этот результат говорит о спокойном социально-политическом фоне жизни в столице и «нормальности» порядка выстраивания идентичностей, начиная от локальных, связанных с повседневностью, и заканчивая национально-государственными¹.

¹ Этот вопрос детально разобран в: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2008. См., также: Дробужева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.

Межрайонное сравнение полученных ответов показало, что жители Строгина и Восточного Бирюлева в большей мере тяготели к локальной самоидентификации, жители Рязанского чаще называли себя москвичами, Дорогомиловского — россиянами, а Тропарева-Никулина — людьми. Похоже, что в таком распределении ответов просматривается влияние жизненных укладов: в бывших рабочих и заводских кварталах еще сохраняется привычка к коллективности и общению с соседями, а в районах интеллигенции предпочтение отдается эмоциональному и социальному дистанцированию от соседских отношений. Забегая вперед, заметим, что и ФГ с мигрантами показали важность для них городской анонимности как индивидуально привлекательного качества, позволяющего реализовывать личные цели. *Мне легче, когда никого не знаю. По себе можно крутиться. А там [дома] всех знаешь, чуть заработал — зовут в гости, либо друзья, либо... также проблема...* (ФГ, киргизы, муж.).

Этот результат скорректировал оптику дальнейшего анализа и заставил обратить большее внимание на взаимосвязь анонимности и разнообразия. Многие авторитетные социологи связывают с нарастанием городской анонимности серьезные социальные издержки, такие как оскудение общественной жизни, снижение доверия, разрастание страхов и фобий, превращение близких соседей в чужаков, живущих по соседству². Однако в последние годы становится все больше публикаций, авторы которых трактуют тот же феномен в более позитивном ключе. Они обращают внимание на изменение принципов социальной организации в условиях информационного общества и замещение прежних соседских отношений «лицом к лицу» сетевыми взаимодействиями, позволяющими каждому человеку контактировать с другими, оставаясь при этом

² Темы социального отчуждения и его антипода социальной солидарности являются центральными для городской социологии, см., напр.: *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011; *Putnam*, 2007. Op. cit.; *Dunkelman M.J.* Next-door strangers: The crisis of urban anonymity // *The Hedgehog Review*. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 44–57; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. Farrar, Straus and Giroux, 2012; *Ваштайн В.* Воображая город. Введение в теорию концептуализации. М.: НЛО, 2022.

анонимным¹. В этом контексте анонимность прочитывается как опора безличного доверия и драйвер трансформации гражданского общества. Обе точки зрения содержат аргументацию, позволяющую говорить как о преимуществах, так и об издержках анонимности в связи с растущим плюрализмом социума². Поэтому важно понять, в какой мере принципиально различные модели локальной самоорганизации — местные сообщества, основанные на соседских контактах, и (или) безличные сетевые коммуникации — характеризуют разные районы Москвы.

Местные сообщества и группы интересов

Обращаясь к теме местных сообществ как проводника общих интересов, мы исходили из представления о наличии значимой связи между демократическими убеждениями людей и их склонностью к совместным практическим действиям. Эти ожидания не оправдались. Ощущение локальной общности было наименее выражено у респондентов из Тропарева-Никулина — района, который рассматривался нами как своего рода школа самоорганизации и гражданских инициатив. Вопрос группового самоопределения вызывал у респондентов из Тропарева-Никулина такие затруднения, что возникало впечатление отсутствия способности мыслить в категориях «мы». Да и результаты теста ДЕМП показали, что при характеристике своего района участники ФГ использовали преимущественно эпитеты, отсылающие к потребительским качествам среды, которые несложно найти в рекламных объявлениях: академический, доступный, комфортный, спокойный. В остальном они подчеркивали

¹ Nissenbaum H. The Meaning of Anonymity in an Information Age // The Information Society. 1999. Vol. 15. No. 2. P. 141–144; Vertovec S., Cohen R. (eds). Conceiving cosmopolitanism: theory, context and practice. Oxford: Oxford University Press, 2003; Schocken H. Intimate anonymity: breaking the code of the urban genome // INTBAU. 2013. Vol. 1. No. 5. URL: <https://www.intbau.org/wp-content/uploads/2014/10/IntimateAnonymity.pdf>; Куренной, 2017. Оп. cit.

² Дискуссия на тему природы, организационных форм и изменчивости институтов гражданского общества представлена в следующих публикациях. Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. ГУ ВШЭ, 2011; Walzer M. Education, Democratic Citizenship and Multiculturalism // Journal of Philosophy of Education. 1995. Vol. 29. No. 2. P. 181–189; Nussbaum M., LeVmore S. The Offensive Internet: Speech, Privacy, and Reputation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011; Ponesse J. The Ties That Bind: The Moral Value (and Disvalue) of Anonymity // The Canadian Society for Study of Practical Ethics / Société Canadienne Pour L'étude De L'éthique Appliquée. 2017. No. 1. P. 125–146.

его окраинность, скуку и утомительность. Никто не упомянул гражданственность, демократичность или плюралистичность.

Искомое локальное сообщество было обнаружено там, где его не ожидали встретить, — в Строгине. Незнакомые друг с другом люди, собравшиеся для участия в ФГ, не сговариваясь, называли себя строгинцами. Как оказалось, это слово имеет хождение и в повседневной жизни, а жители района проявляют чувствительность к грамотному его называнию (*и живем мы в Строгино, а не Строгине*). Причин выраженного чувства локальной принадлежности несколько. Во-первых, относительная стабильность состава населения, хотя все и жалуются на большое количество приезжих (табл. 1). Во-вторых, особенности данной территории, ценные для подавляющего большинства москвичей: обилие зелени, близость Москвы-реки, наличие городского пляжа — основного места непосредственных локальных коммуникаций. В-третьих, ощущение относительной изолированности района от «города» (*мы же живем на полуострове*). Река позволяет мысленно отграничить «свое» место от непрерывно тянущейся многоэтажной застройки Москвы. Но главное — людей объединяет страх потерять эти преимущества.

— *Какая-то возня там идет через речку, где был Тушинский аэродром, и все с тревогой вглядываются, не хотят ли они бросить мостик к нам в Строгино.*

— *Построят мост через Тушино, и все! И еще платную трассу на Звенигородку.* (Строгино, пилотная ФГ).

Как место жизни Строгино в глазах обитателей обладает ценностью источника радости. Район характеризуется как веселый, ветреный, классный, круглый, пляжный, свежий, современный и довольно неожиданно, но индикативно — христианский.

Совсем другая ситуация в Восточном Бирюлеве, где активно идут процессы миграционного замещения населения. Это один из наиболее периферийных и густонаселенных районов Москвы с плохой транспортной доступностью и отсутствием метро. Наличие железнодорожной станции и пригородных электричек не компенсирует эту проблему. Район считается неблагополучным. Поэтому неудивительно, что при описании своего района жители Восточного

Бирюлева использовали такие определения, как неразвитый, забытый, глухой, бестранспортный, большой аул и одновременно большая деревня. Подчеркивалось обилие алкашей, мрачность, пыльность и неухоженность. Но все-таки главное — ощущение оторванности от «нормальной» жизни: Бирюлево — это некий отшиб. Один из рисунков, изображающих Восточное Бирюлево, был интерпретирован его автором следующим образом:

— *Необитаемый остров, который является по-прежнему необитаемым. Люди какие-то есть, есть одна пальма с тремя бананами [в районе находится крупный дендропарк, ОВ]. Но остров все-таки является необитаемым...* (Бирюлево В., пилотная ФГ).

Однако негативные оценки не мешали респондентам считать Бирюлево родным и любимым. Нелицеприятные эпитеты звучали не только как приговор, но и как критические проявления локального патриотизма, поскольку «мы» — земляки и односельчане. Характерное высказывание: *Вы задаете вопрос «в Москве жить хорошо?». Скажу: в Москве нет, но в Бирюлево мне лично — да* (Бирюлево В., ФГ: старожилы).

Разобраться в двойственности эмоций позволяет отношение местных жителей к соседнему Западному Бирюлеву, которое ассоциируется с этническими беспорядками¹. Если старожилы не видят особой разницы между двумя районами, то для новоселов кварталы по другую сторону от железной дороги — ужасное, необустроенное, бандитское место. *<...> Там по башке дадут бутылкой. Если с нашей стороны [район] многонациональный, то там живут одни, можно сказать, ... нерусские* (Бирюлево В., ФГ: новоселы).

Контрастность оценок указывает на глубокие различия двух живущих по соседству социумов. Собственно, этот фактор был изначально заложен в подбор респондентов. Но ситуация оказалась иной, чем ожида-

лось, исходя из гипотезы о постепенном вхождении новоселов в местное сообщество по мере адаптации и расширения круга знакомств. Как показали ФГ, мы имеем дело не с эволюционными процессами нивелирования различий, а с нарастанием неравенства и сегрегацией, отсутствием социальных контактов между группами, проживающими на одной территории. И дело здесь не столько в длительности проживания, сколько в различиях жизненных укладов и установок.

— *Представьте, пятиэтажный дом без лифта. Когда люди спускаются с пятого этажа, друг с другом здороваются. А я спускаюсь на подземный паркинг, никого не вижу и уезжаю.* (Бирюлево В., ФГ: новоселы).

«Старое» Бирюлево еще сохраняет остатки прежней советской коллективности и атмосферу сообщества, а «новое» нацелено совсем на другие приоритеты. Бирюлево для «новых» бирюлевцев отчасти вынужденный выбор, это «дешевая» Москва, порог приобщения к столичности. Большое количество приезжих облегчает этот вход, никто не чувствует себя здесь чужим в соответствии с концепцией «Москва — город мигрантов», но наличие локального сообщества — *колхоза и большой деревни* (Бирюлево В., ФГ: старожилы) — мешает обрести искомое ощущение москвича. Оно портит картину личной успешности, за что подвергается вербальной стигматизации. Непростые отношения между «старым» и «новым» еще более усложняет наличие этнических мигрантов, живущих своей отдельной жизнью и отвергаемых как новоселами, так и старожилами.

— *С мигрантами даже на контакт идти не хочется, потому что ты понимаешь, что это другое. <...> Главное, они нас чужаками считают. Потому что обмануть чужака — круто.* (Бирюлево В., пилотная ФГ).

Фактически мы имеем дело с социумом, расколотым по линиям укорененности, имущественного положения, этнической принадлежности и общественного уважения. Местное сообщество, сложившееся в советские годы, выглядит уходящей натурой, его воспроизводство, ранее поддерживаемое индустриальным коллективизмом, сегодня лишилось этой опоры, а новых горизонтальных связей соседского уровня не возникает. Против местного сообще-

¹ Поводом для массовых беспорядков в октябре 2013 г. стала стычка местного жителя Егора Щербакова и мигранта «неславянской внешности», закончившаяся дракой и убийством Егора. Это событие было использовано радикально настроенными русскими националистами для мобилизации своих сторонников и организации погромов. Беспорядки продолжались три дня и были подавлены полицией. См.: Бирюлево Погромное. Окраина Москвы нелегально выступила против мигрантов // Коммерсантъ, 14.10.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2319430>.

ства играет и фактор репутации района, поскольку наиболее благополучная часть новоселов дистанцируется от «местных», наделяя их качествами маргиналов. Опасаясь оказаться в той же роли по отношению к жителям других районов Москвы, они рассматривают варианты переезда или же укрываются в пространстве сетевых коммуникаций, избегая дискомфорта контактов с соседями. В результате все жители района оказываются в роли «чужих». Для старожилов ими являются и трудовые мигранты, и новоселы, покупающие квартиры в новостройках, а для новоселов местные жители — «чужие» в столице, а еще более «чужие» — мигранты.

Еще один вариант устройства локального социума можно наблюдать в районе Рязанский, который характеризуется как депрессивный, грустный, отсталый и надоевший. Городская среда района несет на себе отпечаток индустриального прошлого. Рязанский — скученный и скучный, запыленный и шумный. Здесь много детей и много мигрантов. Видимо, это связанные факты: постоянное население района прогрессивно стареет, коэффициент естественного прироста уже много лет находится в зоне отрицательных значений. Отличительной чертой местного социума, как и в случае старожилов Бирюлево, является привычка к мышлению о себе в категориях коллективности. Ни в одном из других районов так охотно и разнообразно не рассуждали об атрибутах различных социальных групп. Но все эти «мы-идентичности» выстраивались вокруг небольших социальных платформ — любители, фанаты, специалисты, позволяющих человеку быть членом многих сообществ одновременно. На эту роль могла бы претендовать и локальная самоидентификация, но название района оказалось непреодолимым препятствием для ее выражения, а возможно, и формирования. Жители Москвы никак не могли назвать себя «рязанскими» или «рязанцами». Если учесть, что идентичность — объект постоянного осмысления и переосмысления, то отсутствие возможности адекватного описания своих ощущений лишает конструкцию элементов конкретности. Думается, что именно семантический фактор повлиял и на более частый выбор жителями района самоопределения «москвичи» как ясной

для всех формы саморепрезентации. Фактически в Рязанском мы столкнулись с социумом, который имеет слабую локальную опору и постоянно переформатируется в зависимости от множественности социальных ролей, обстоятельств и взаимодействий.

Наконец, Дорогомиловский: район — центральный, быстрый, дорогой, исторический, многолюдный, бестолковый, обустроенный, сталинский, статусный и элитный. Местные жители ощущают престижность домашнего адреса как частицу собственной репутации. *Ну, если, допустим, идти домой по Кутузовскому, то я чувствую себя... я высокого уровня* (Дорогомиловский, ФГ: менее обеспеченные). Как известно, «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», однако связанный с ним душевный комфорт нарушается осознанием иллюзорности впечатления. Большинство местных жителей, по выражению другого респондента, живут «за углом» наблюдаемого благополучия. Раздражение усиливает большое количество приезжих...; *житья от них нету никакого. Мигранты в Дорогомиловском не такие, как везде, как в ближайшем Подмосковье, либо в тех же Черемушках или Жулебине. <...> Они не работают на рынках, у них доход большой и деньги есть однозначно* (Дорогомиловский, ФГ: менее обеспеченные). Эти высказывания респондентов указывают не только на неприятие факта большого количества «чужих», но и на возмущение, вызываемое нарушением «правил», согласно которому мигрантам полагается жить в общежитиях, снимать вскладчину комнаты или дешевые квартиры и заниматься «черной» работой. В этих голосах слышится и неприязнь людей, не способных добиться успехов в нынешнем социальном порядке с его низкой вертикальной мобильностью, к тем, кто в тех же условиях поднимается вверх. Их успехи объясняются не личными усилиями и достижениями, а сомнительно нажитым богатством.

— *Мы работали, мы строили Москву. <...> Все это досталось своим личным трудом. Сейчас это... Сейчас за рубли, грубо говоря, за бабки* (Дорогомиловский, ФГ: менее обеспеченные).

Описанные эмоции удобряют почву фрустрации. Дорогомиловцы ощущают себя одновременно причастными к Дорогомилову и исключенными из ассоциируемого с

ним социального контекста. Основная проблема в том, что коренные жители не чувствуют себя как дома. *То есть с какого-то времени это уже по нарастающей идет...* (Дорогомиловский, ФГ: более обеспеченные). Атмосфера тревоги и отчужденности разрушает саму возможность формирования локального сообщества. Снижение уровня базового доверия негативно влияет на субъективные оценки экзистенциальной безопасности, что, в свою очередь, влечет за собой разрастание страхов и ксенофобии.

— *Вот я живу в районе Дорогомиловского рынка. <...> Я помню рынок еще давным-давно, там, скажем, моя бабушка еще капусту продавала. Я его помню совершенно другим. Там любой человек из любого места Москвы мог прийти и знать, что там такие же люди. <...> А сейчас... вы приходите и чувствуете, что вы в какую-то черную комнату зашли, и тут... сейчас динамит какой-то взорвется* (Дорогомиловский, ФГ: менее обеспеченные).

На слабость локального сообщества указывает и отсутствие дефиниции «дорогомиловцы» для его обозначения. Несмотря на позитивные исторические ассоциации, она встречается преимущественно в официальных документах и публичных обращениях, а в обычной жизни не используется. Если дорогомиловцы и существуют как воображаемая общность, то, по мнению респондентов, друг друга в лицо они не знают. Это всего лишь лейбл, используемый политическими и коммерческими агентами для имиджевых целей.

Результаты ФГ с москвичами показали, что наличие местных сообществ не является повсеместным явлением в районах Москвы. Гражданские убеждения, предполагающие апелляцию к общественному благу и солидарности, играют в их формировании незначительную роль. Местный патриотизм в основном проявлялся на фоне тревог по поводу утраты локальных преимуществ. Куда большее значение имела относительная транспортная изолированность районов и наличие «островного сознания». Слабость местных сообществ и дефицит соседских отношений на индивидуальном уровне компенсировались включенностью в нетерриториальные сетевые структуры — группы интересов. Локальная неоднородность социума, порождающая дискомфорт от стол-

кновения с чужими привычками и мнениями, нивелировалась однородностью круга общения, освобождающего от этого неудобства. Предпочтение размежеванию как модели социальной самоорганизации отдавали многие респонденты, видя выход из ситуации нарастающего плюрализма в уклонении от нежелательных контактов или смене места жительства.

Наиболее сложным устройством социума отличались районы Дорогомиловский и Восточное Бирюлево, которые, с нашей точки зрения, могут рассматриваться в качестве московского полигона изучения противоречий, связанных с ситуацией сверхразнообразия. Речь прежде всего идет об утрате местными жителями статуса главной референтной группы и устаревании поддерживаемых ими стандартов поведения. Однако Дорогомиловский и Восточное Бирюлево — только яркие примеры, тревога по поводу инерционного угасания прошлого и привнесения мигрантами своих привычек и идентичностей, воспроизводилась на каждой ФГ. Респонденты сетовали на бездействие властей, миграционную политику и собственную неспособность противостоять изменениям. Откровенно выражался страх оказаться жертвами обстоятельств: высказывания респондентов варьировали в диапазоне от «обращения всех в ислам» до «они скоро нас выгонят из Москвы». Несмотря на всю фантастичность, подобные вымышленные сценарии воспринимались серьезно. Если учесть, что современные коммуникационные технологии позволяют осуществлять одномоментную мобилизацию и направлять смутное недовольство людей на конкретные цели, а социум, сплывающийся по линиям групповых интересов, утрачивает общие ориентиры, то вопрос о перетекании диффузного недовольства в открытое насилие не является праздным даже в сравнительно благополучной ситуации.

Допустимость насилия

Чтобы оценить, как далеко были готовы зайти наши респонденты, защищая позиции местных жителей, им предлагалось воспользоваться гипотетической возможностью улучшить жизнь в своем районе, описав необходимые для этого действия. Несмотря на солидарную поддержку мнения о кошмарном количестве мигрантов, с

которыми нужно что-то делать, мало кто из респондентов был готов принимать участие в протестных акциях и антимиграционных рейдах, делегируя эту обязанность силовым структурам и органам власти. Причины такой неготовности были разнообразны: принципиальное неприятие насилия, особенно в его нелегитимных формах, неверие в эффективность социально-политических протестов и гражданского общества, страх административного и даже уголовного преследования и еще более сильный страх получить ответку в случае конфликта. Приводились и цинично-прагматичные аргументы в пользу примирения с неприятными, по мнению респондентов, обстоятельствами.

— Я думаю, что большинство людей у нас агрессивные в Москве и, не осознавая последствий, орут, причем эмоционально это делают — «выгнать всех на фиг, и все!». Мне кажется, это получается Москва как барыня без слуг. Понимаете, в чем суть? Мы сейчас выкидываем всех людей, которые нам прислуживали, остаемся — и что же барыня? Самой, что ли, унитаза чистить? (ФГ, Дорогомиловский: менее обеспеченные).

Иначе говоря, желание изменить что-то «к лучшему» сопровождалось констатацией невозможности повлиять на ситуацию из-за социальной разобщенности и откровенно выражаемого нежелания участвовать в совместной деятельности, тратя на это свои силы и время. Факторы мотивации и демотивации гасили друг друга. Устойчивость социального равновесия такого рода весьма проблематична, особенно если учесть, что в фокусе обсуждения возможностей улучшения жизни в районе постоянно находился вопрос об «избавлении от мигрантов», и ни разу не возникла тема поиска компромисса в ситуации, чреватой конфликтами. Поэтому, несмотря на рассудительность, продемонстрированную респондентами, и неодобрение насилия, вопрос о средствах поддержания социального порядка остался открытым. Косвенный ответ на него дают смысловые нюансы, содержащиеся в высказанных мнениях.

Во-первых, чем менее дестабилизированным в результате миграций был локальный социум, тем более сдержанным было отношение местных жителей к этническим мигрантам. Так, в Строгине, несмотря на общее недовольство и желание выселить всех при-

езжих, неважно, кавказцев или славян, господствовала умиротворяющая точка зрения:

— Ну ... переделывать этих людей мы не можем, соответственно, нам надо вырабатывать в себе толерантность, терпимость и шире смотреть на вещи. (Строгино, пилотная ФГ).

Во-вторых, у возрастных респондентов с более высоким уровнем образования проявлялось нечто вроде двусмысленной стыдливости в отношении насилия и ксенофобии.

— Вы знаете, я не считаю, что они [этнические мигранты] ущерб какой-то несут... <...> Но то, что вот... их засилье, что их очень много, к сожалению, вот это мне не нравится. (Тропарево-Никулино, ФГ: старшее поколение).

Молодое и столь же образованное поколение было более категорично в своих суждениях. Так, жители «интеллигентного» Тропарева-Никулина предлагали всех выселить, причем участников беседы не смущали даже собственные оценки масштабов операции: по их мнению, на долю мигрантов в Москве приходится более 40% населения! Однако произойти подобная депортация должна по мановению волшебной палочки, поскольку мало кто готов участвовать в конкретных действиях, а если готов, то воспринимает свое участие скорее как экшн, нежели полицейское действие.

— А я пойду рейд проводить. ... С барабаном (смех).

Модератор: А зачем с барабаном?

— Ну не знаю... Ну не с ружьем же. На самом деле тема такая, что привлекать к ней внимание нужно (ФГ, Тропарево-Никулино: молодежь).

В-третьих, высказывания респондентов из бывших промышленных районов подтверждали тезис о ключевой роли социально-экономических, а не этнокультурных причин возникновения межгрупповых конфликтов¹. Для них было характерно, с одной стороны, неприятие отношения к лю-

¹ ИНАБ, 2016. Op. cit.; Кузнецов, 2019. Op. cit.; Flint J., Powell R. (eds.). Class, Ethnicity and State in the Polarized Metropolis: Putting Wacquant to Work. Palgrave Macmillan, 2019; Meuleman B. Perceived Economic Threat and Anti-Immigration Attitudes: Effects of Immigrant Group Size and Economic Conditions Revisited // E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds.) Cross-cultural analysis: methods and applications. London: Routledge, 2011. P. 281–310. Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: A dynamic group conflict theory approach // Social Science Research. 2009. Vol. 38. No. 2. P. 352–365.

дям исходя из принципа этнического или расового превосходства, а с другой — предметное обсуждение конкуренции на рынке труда, поскольку многие из них с ней сталкивались. Основными виновниками сложившейся ситуации выступали не собственно мигранты, к какой бы этнической группе они ни принадлежали (им скорее сочувствовали), а власти, чиновничество и прочее руководство, устанавливающее и поддерживающее порядок, позволяющий процветать теневой экономике и нелегальной миграции. Борьба с властью люди не решались, выплескивая свое негодование на мигрантов как «козлов отпущения».

В-четвертых, расхождение персональной самооценки и статусных характеристик, приписываемых локальному социуму, негативно отражалось на восприятии растущего этнокультурного разнообразия. Наиболее эмоционально и нетерпимо к этническим мигрантам относились образованные, сравнительно обеспеченные и успешные респонденты. Им хотелось бы ассоциировать себя с «богатыми», но они вынуждены были жить по соседству с «бедными». Их раздражали этнические мигранты, но откровенно и даже агрессивно выражаемая антипатия только подчеркивала их страхи и незащищенность социальных позиций. Попытки решить эту проблему с помощью сегрегационных жилищных стратегий рассматривались как чреватые большими материальными издержками. Будучи индивидуалистами, не склонными примыкать к каким бы то ни было формам коллективности, они сталкивались с проблемой утраты опознавательных знаков, обретаемых благодаря конкретности групповых ассоциаций. Именно эта категория респондентов предлагала наиболее радикальные меры в отношении мигрантов и была готова их одобрять, ссылаясь на международные стандарты.

Таким образом, можно сделать вывод, что, на взгляд москвичей, основными стратегиями поддержания социального порядка являются минимизация межкультурных контактов, сдерживание собственных импульсивных реакций (терпимость) и уклонение от потенциально конфликтных ситуаций в сочетании с явной или неявной поддержкой дискриминационных мер в отношении мигрантов. Вполне очевидно, что данный способ сохранения мира и согла-

сия в обществе достаточно хрупок и несет в себе потенциал сегрегации и межэтнических столкновений. Однако, вопреки данному тезису и несмотря на инцидент 2013 г. в Западном Бирюлеве, московская жизнь мало напоминает кипящий котел противоречий. Значит, действует фактор «третьей силы», позволяющий поддерживать условный баланс персональных обид и радостей, надежд и разочарований и снимать стресс, связанный с миграционным давлением.

Притягательность Москвы как сила баланса

Чтобы составить мнение о факторах, примиряющих с московской жизнью, и об особенностях восприятия представителями принимающего сообщества и мигрантами окружающего их мира, использовался тест «Дефиниции мест проживания» (ДЕМП). Эпитеты, которыми респонденты награждали российскую столицу, рассматривались нами как персональная реакция на проблемы повседневной жизни и одновременно смысловой каркас дискурсивного пространства мышления о Москве. В общей сложности было получено 215 определений города, данных москвичами (10 ФГ), и 164 — мигрантами (8 ФГ). Все полученные ответы были разбиты на несколько обобщающих категорий: Москва — «город возможностей», «своя и родная», «чужая и неприветливая», «большая и динамичная», «красивая», «многонациональная» и «разная». Это позволило судить об особенностях возникающих смысловых ассоциаций, о различиях аффективных реакций и провести сравнение двух массивов данных (табл. 2).

Первое, что обращает на себя внимание при взгляде на полученную таблицу, — это сбалансированность позитивных и негативных оценок города в случае и москвичей, и мигрантов. Сравнительная удовлетворенность существующим положением, надежды на его улучшение и прагматизм повседневной жизни позитивно влияют на отношение к Москве.

Несмотря на восприятие российской столицы как огромного конгломерата людей, домов и машин, ее образ соответствует не Метрополису¹ — гигантскому Молоху,

¹ «Метрополис» — фильм Фрица Ланга, вышедший в 1927 г. и ставший одновременно классикой псевдодокументального научно-фантастического кино и урбанистических проектов будущего.

Таблица 2
ОТВЕТЫ УЧАСТНИКОВ ФГ НА ВОПРОС: «МОСКВА КАКАЯ?»

Дефиниции места проживания (ДЕМП)			
Москвичи	Количество эпитетов-ассоциаций, включая повторения	Мигранты: узбеки, таджики, киргизы, чеченцы	Количество эпитетов-ассоциаций, включая повторения
Город возможностей, Активно развивающаяся, Быстро обновляющаяся, Деловая, Динамичная, Занятая, Круглосуточная, Развитая, Быстрая, Спешащая, Торопливая, Шумная, Инновационная, Передовая, Современная, Технологичная, Многогранная, Разносторонняя, Разноплановая, Разнообразная, Искусшенная	50	Чужая, Напрягающая, Стремная, Непощадимая, Бессердечная, Жадная, Жестокая, Злая, Сложная, Трудная, Серьезная, «Слезам не верит», Неудобная, Неуютная, Грязная, Болото, Холодная, Хаотичная, Непредсказуемая, Шумная, Город контрастов	36
Чужая, Плохая, Негатив, Негостеприимная, Опасная, Серая, «Слезам не верит», Тяжелая, Угнетающая, Ужасная, Утомительная, Холодная, Гастарбайтеры, Не резиновая, Приезжая какая-то, Резиновая, Грязная, Загаженная, Неубранная, Пыльная, Не родная, Не зеленая, Для туристов, Перенаселенная, Переполненная, Перегруженная, Тесная, Очень много времени ехать на работу	45	Красивая, Очаровательная, Уютная, Просто нравится, Отличный город, Хорошая, Чистая, Зеленая, Златоглавая, Веселый город	32
Красивая, Прекрасная, Чудесная, Благоустроенная, Комфортная, Уютная, Функциональная, Чистая, Веселая, Вкусная, Интересная, Модная, Праздничная, Яркая, Культурная, Зеленая, Прогулочная, Златоглавая, Старинная, Просторная	41	Много возможностей, Развивающаяся, Будущее можно построить, Перспективная, Передовая, Интересная, Насыщенная, Неожиданная, Новые открытия, Быстрая, Быстротечная, Всегда в движении, Живая, Жизненная	30
Большая, Высотная, Длинная, Крупная, Масштабная, Многолюдная, Много машин, Мегполис, Огромная, Густонаселенная, Выходит за границы уже, Застроенная	39	Большая, Большой мегаполис, Мегполис, Крупный конгломерат, Просторная, Машин много, Много народу, Много работы, Много транспорта	21
Родная, Домашняя, Задумчивая, Хорошая, Гостеприимная, Дружелюбная, Лучшая, Один из лучших городов мира	14	Родная, Родина, Семья здесь уже, Свой город, Уже любимая, Люди добрее, Добрая, Дружелюбная, Духовная	16
Столица, Богатая, Дорогая, Процветающая, Сытная, Коррупцированная, Мэровская, Собянинская,	13	Столица, Великая, Сильная, Современная, Богатая, Шикарная, Дорогая	14
Для каждого своя, Очень разная, Сложная, Иллюзорная, Обманчивая, Пыль в глаза	7	Для разных людей по-разному, Нормальная, Разная, Такая, какая есть, Работа — и все, Индустриальная	11
Многонациональная	6	Многонациональная, Интернациональная	4
Всего	215	Всего	164

постоянно требующему новых человеческих жертв, а представлениям о «нормальности». Москва — это город, где, несмотря на все издержки, человек имеет возможность найти жилье, получить образование

и медицинскую помощь, найти работу, сделать карьеру и радоваться жизни. Хотя эпитет «родная» в отношении Москвы использовался сравнительно редко, к нему прибегали обе категории респондентов.

Для москвичей Москва являлась родной и домашней в смысле обжитого, пережитого и осмысленного пространства, что, вопреки суете и ритму жизни, делало ее медленной, задумчивой и дружелюбной. Для приезжих — потому что семья уже здесь. Узкий семейный мирок переместился на новое место, и ощущение одиночества в большом и чужом городе преодолено. Общую картину дополняют и такие определения, как красивая, уютная, веселая и пр., которые отражают ощущение жизненного комфорта. Комфортная городская среда — понятие, которым широко оперируют урбанисты, означает сочетание удобства, безопасности, контактности и приватности. Фактически это общественный институт, опирающийся на базовое доверие и обеспечивающий многообразие взаимодействий с окружающим миром. Городское благоустройство в этом смысле — не только вопрос плитки, цветников и велосипедных дорожек, но и реализации потребности в социальном приобщении. Москва создает такую возможность (или иллюзию такой возможности), очаровывая не только москвичей, но и мигрантов. Значит, идеи нового урбанизма с его ориентацией на социальное равенство, развитие публичных пространств и обустройство городской среды работают.

Несмотря на сказанное, смысловые различия эмоциональных оценок Москвы, даваемых москвичами и приезжими, велики: для первых — она прежде всего город возможностей, а для вторых — чужая. Оценка мигрантами своей жизни в столице после обретения опыта переезда сводилась к формуле: *здесь зарплата больше, а там жить легче, ... там все «свои», а здесь все люди ... разные* (ФГ, киргизы, м.). Если в лексиконе москвичей дефиниция «чужая» соседствует с такими эпитетами, как плохая, опасная, перенаселенная, утомительная, то в лексиконе приезжих — злая, бессердечная, жесткая, непощади́мая. Возможности развития и самовыражения, которые Москва предлагает своим жителям, связываются москвичами с динамичностью, инновационностью, многогранностью и современностью города, а приезжими — с гипотетической сферой будущего и бытовыми удобствами.

Обращает на себя внимание и весьма незначительное количество эпитетов, характеризующих Москву как многонациональный

и интернациональный город, а также полное отсутствие определений — «русская» и «для русских». Несмотря на то что все эти сюжеты давно стали темой широких обсуждений, они не нашли отражения в спонтанных высказываниях респондентов ни на одной из проведенных ФГ. Невольно возникает мысль о незначительном проникновении политизированных дискурсов, связанных с глобализацией, космополитизмом и национализмом, в сферу повседневных жизненных забот людей, формирующих эмоциональный контекст их жизни. Хотя это наблюдение нуждается в более основательном подтверждении, можно высказать несколько предположений, позволяющих объяснить данный результат.

Первое — инерция и наличие исторически выработанных навыков взаимодействия групп с различающимися этнокультурными идентичностями, в рамках как городского пространства, так и трудовых коллективов. Унифицированные паттерны поведения, привнесенные советской моделью индустриального города, индифферентной к межэтническим различиям и размеру населенного пункта, оказались достаточно устойчивыми. Мигранты — выходцы из постсоветских государств и этнических республик РФ их легко воспроизводят в новой для себя обстановке, что компенсирует значительную неоднородность московского социума. В результате влияние иных культурных стандартов поведения на повседневную жизнь редко ощущается москвичами, хотя визуальные маркеры различий налицо.

Второе — низкая значимость ценностей культурного плюрализма и разнообразия, точно так же как и русского национализма, в системе жизненных координат московского общества. Возможно, это тоже часть советского наследия и коммунистической идеологии, согласно которой все культуры равны, а структурирующей социальной силой обладают классовые и имущественные признаки. Хотя в постсоветские годы возникший идеологический вакуум активно заполнялся идеями этнического национализма, они в глазах московского большинства выглядели ретроградными и откровенно расистскими, вызывая неодобрение.

Третье — отношение к Москве с позиции центр-периферийных отношений. То, что Москва сильная, великая, богатая и сто-

лица для москвичей, как и для приезжих, эмоционально более значимо, чем ее интернациональность и многонациональность. Иначе говоря, подчинение установленному порядку вещей рассматривается как более приемлемый принцип адаптации культурного плюрализма и вхождения в новый социум, нежели оспаривание сложившихся правил, авторитета большинства и борьба за соблюдение прав меньшинств.

С нашей точки зрения, перечисленные факторы обеспечивают нынешнюю устойчивость московской конструкции межэтнического согласия и позволяют Москве играть роль «третьей силы», уравнивающей противоречия, связанные с миграцией. Одновременно они указывают и на ее уязвимость. Образ Москвы как главного фокуса постсоветского пространства явно тускнеет, а приоритеты моделей советского и постсоветского общества — кардинально разнятся. Идеализированное представление о городской самоорганизации, предполагающей «единство в разнообразии», не находит достаточной поддержки ни со стороны системы ценностей принимающего сообщества, ни новых практик сетевых взаимодействий.

Сверхразнообразие и вариативность его следствий для Москвы

Выбор концепции сверхразнообразия в качестве теоретической рамки анализа миграционной ситуации в городе, где 90% населения относит себя к этнокультурному большинству, может показаться некритичной экстраполяцией западных трендов. Но, приступая к исследованию, мы исходили не из представления об универсальности урбанистических процессов, которые с неизбежностью достигнут российские города, а из важности учета субъективных представлений и установок людей для адекватного понимания тенденций городского развития. Этот подход оправдал себя. Проведенный анализ показал несводимость социальных процессов, спровоцированных миграцией в Москве, к простому изменению состава населения.

В районах, где статистически был зафиксирован высокий уровень этнокультурной мозаичности, многообразие практик повседневной жизни постепенно трансформируется в многообразие референтных

групп, с которыми человек может себя ассоциировать. Это облегчает вхождение мигрантов в московский социум и даже способствует тому, что Москва становится для них «родной» и «любимой», но одновременно ведет к размыванию монополии принимающего сообщества на культурное производство и создание образцов поведения. Данный тезис наглядно подтверждают примеры Дорогомиловского и Бирюлева Восточного, жители которых, еще недавно уверенные в себе и своих соседях, выражали тревогу по поводу непрочности своих позиций, угрозы вытеснения на периферию социальной жизни и экзистенциальное беспокойство о будущем. Учитывая, что изменение социокультурной позиции и роли «большинства» — главный вызов сверхразнообразия — затрагивает сегодня районы, находящиеся на разных полюсах московской шкалы благополучия, можно утверждать, что влияние миграционных процессов на московский социум будет лишь в малой мере опосредовано факторами статуса, образования и доходов населения. Главную роль сыграют ошибки восприятия и страхи, вызываемые ситуацией «меньшинства в большинстве», в неизбежности которой были уверены практически все респонденты и которая рисовалась в черных тонах. Такие настроения не позволяют рассчитывать на своего рода автоматизм городской жизни и на такие средства преодоления взаимных предубеждений, как время, привычка и соседские контакты¹.

Данный тезис подтверждается и современным состоянием московского социума, далекого от классических представлений о сообществе, скрепленном идентичностью и единством интересов. Сегодня вполне очевидно, и проведенное исследование это также показывает, что люди отдают предпочтение множеству индивидуальных принадлежностей, а не коллективным аффилиациям. Роль низовых социальных

¹ Полагаем, что данный фактор будет серьезным препятствием и для формирования общегражданской идентичности как ценности, препятствующей избыточной этнокультурной дифференциации, на что возлагали надежды многие исследователи. См., напр.: *Bouchard G., Taylor Ch. Building the Future: A Time for Reconciliation. Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences. Quebec: Government of Quebec, 2008; Дробужева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.*

структур, ориентированных на локальные проблемы, снижается и становится все более консервативно-охранительной, а ориентированных на сетевые взаимодействия — растет. Оба тренда отражают стремление людей к жизни в однородной социокультурной среде и компенсируют ощущение неопределенности, создаваемое плюрализмом повседневных практик. Однако конкуренция за социальное влияние между устаревающими «территориальными общинами» и современными «группами в контакте» препятствует выработке нового дискурса, основанного на общих смыслах.

Каждый из обсуждаемых в научной литературе сценариев влияния сверхразнообразия на реструктурирование социальных отношений в городах имеет шансы реализоваться в Москве. Наименее вероятным представляется прогноз трансформации этнокультурного плюрализма в толерантность, обусловленную глобализацией и космополитизмом. В российской столице, несмотря на наличие многочисленных признаков космополитичного стиля жизни и значительный контингент «номадов глобализации» — от экспатов до трудовых мигрантов, сохраняется восприятие миграции как проекции центр-периферийных отношений, что предполагает следование культурным образцам метрополии. Легитимность такой модели определяется мерой согласия миграционных меньшинств на то место и роль, которые им отводятся в обществе, а ее уязвимость — противоречием между нарастающим плюрализмом социума и монокультурностью принципов его функционирования. Достаточно очевидно, что в перспективе неизбежно возникнет вопрос пересмотра социальных статусов и отношений. Разрешение этого городского противоречия связано с уровнем развития гражданских институтов и осознанием общности интересов. Однако продемонстрированная москвичами слабость гражданских установок одновременно с уклонением от общественной деятельности, недоверием людей друг к другу и институтам власти не позволяет рассчитывать на то, что этнокультурный плюрализм сработает как условие равноправия. Скорее следует ожидать обострения конкуренции за право на общезначимое культурное производство.

Сценарий усиления доминантных позиций сжимающегося московского большинства также выглядит сомнительным. В отличие от советского времени, когда социальные позиции каждого измерялись приближенностью к партийно-хозяйственной верхушке или властителям дум¹, сегодня в роли значимого «другого» выступает не только власть, но и трудовые мигранты. Рассуждения наших респондентов о структуре московского социума и своем месте в нем отражали стремление отмежеваться и от тех, и от других. Участники дискуссий прибегали к логике культурной депривации, подчеркивая несоответствие культуры чиновных и миграционных меньшинств культуре «настоящих» москвичей. Коллективное выражение этих эмоций объединяло людей, наполняя их чувством правоты, от которого, однако, веяло пессимизмом. В хоре респондентов отчетливо звучали ноты уныния, обреченности и страх нисходящей мобильности. В какой мере такой антиэлитарный и антиплюралистический нарратив является проявлением моральной компенсации, а в какой — заявкой на социальное доминирование, большой вопрос. С одной стороны, результаты исследования показали существенное различие восприятия москвичами и мигрантами Москвы как «города возможностей». Эта разница в значительной мере была обусловлена лучшими стартовыми позициями москвичей и преимуществом поколений, что можно трактовать в пользу тезиса об укреплении их доминантной роли. С другой — обесценивание достижений родителей, произошедшее в постсоветские годы, поставило права их наследников под вопрос. Сочетание разнонаправленных трендов позволяет предположить, что в ситуации сверхразнообразия скорее следует ожидать не усиления гегемонии москвичей в пространстве социальных отношений, а ослабления их центральных функций в процессе становления нового социального порядка и рост значения норм и поведенческих паттернов, находившихся ранее на социальной периферии.

Наиболее вероятным сценарием влияния сверхразнообразия на жизнь московского

¹ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1. С. 8–13; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛО, 2016.

социума станут социальное расслоение и межгрупповое размежевание. Учитывая, что очевидных предпосылок трансформации нарастающего этнокультурного плюрализма в условие социального равноправия пока не проглядывает, проблема конкуренции различных ценностных установок скорее всего на уровне самоорганизации населения будет решаться с помощью минимизации межкультурных контактов и пространственной сегрегации. Данный сценарий, будучи, с нашей точки зрения, основным, не исключает две другие возможности, а предполагает их локализацию в пределах некоторых ареалов и социальных страт. Пространственная вариативность сочетания различных трендов реагирования на сверхразнообразие объясняет, почему при сходстве условий жизни в одних районах Москвы возросшая интенсивность этнокультурных взаимодействий будет способствовать росту контактности социума, а в других — конфликтности.

Несмотря на опрометчивость попыток давать какие-либо прогнозы, опираясь на результаты десятка ФГ, можно предположить, что в ситуации «меньшинства в большинстве» социальная стратификация московского социума заметно усилится. Противоречие между сравнительной пространственной эгалитарностью современной Москвы и укреплением сегрегирующих поведенческих установок разрешится «привязкой» разных частей города к разным системам социокультурных координат. Космополитичный центр, где гетерогенность жителей и посетителей будет до некоторой степени компенсироваться однородностью благоустройства городской среды и унификацией форматов потребления, опояшут сравнительно однородные в культурном отношении районы, привлекательные для большинства москвичей. Наиболее фрагментарными и сегрегированными окажутся кварталы спальных окраин, где не исключено формирование специфической культуры пригородов как антитезы космополитизму центра. Локальные сообщества в процессе социально-пространственной стратификации Москвы будут выполнять амбивалентные функции. В случае наличия территориальных преимуществ, физических и символических, они будут способствовать валоризации соседских отношений и адаптации изменений, нарастающих в обществе под влиянием миграций,

а в случае их отсутствия — девалоризации, оттоку наиболее мобильной и благополучной части жителей, аккумуляции проблем бедности и маргинальности.

Заключение

Проведенное исследование показало многообразие социальных процессов, идущих в районах Москвы, и несходство реакции их жителей на рост культурного плюрализма, подтвердив предположение о необходимости использования средовой оптики для анализа межгрупповых взаимодействий. Эта необходимость определяется двойственностью роли средового контекста: как ситуативный локальный фактор он является ключом к пониманию вариативности пространственных проявлений сходных социальных процессов, а как смыслообразующий принцип структурирования социальной реальности — к выявлению социальных предписаний, санкционирующих участие человека в коллективных действиях, иногда противоречащих его персональным взглядам и установкам. Если обобщить результаты проведенного анализа, то их можно свести к следующим положениям, дающим пищу для дальнейших размышлений.

1. Сверхразнообразие в случае Москвы является воображаемым феноменом, но от этого его последствия для города не делаются менее реальными. Наиболее значимыми, с нашей точки зрения, являются: а) исчерпание Москвой преимуществ эгалитарной городской среды, унаследованной от советского времени, и нарастающая сегрегация, которая наиболее отчетливо будет выражена в спальных кварталах города; б) высокая вероятность переосмысления отношений между большинством и меньшинствами в терминах социокультурной иерархии, превращающей этничность в маркер бедности и неблагополучия.

2. Воображаемое сверхразнообразие как феномен, маркирующий общественное сознание, влечет за собой укрепление представлений о своем антиподе — воображаемом сообществе москвичей как однородном и довольно закрытом социуме, в распоряжении которого находятся имущественные и символические ресурсы. Однако реальные москвичи мало напоминают существующих в воображении. Они не являются ни однородной массой, ни тем более кастой на

вершине социальной пирамиды, а находят себя на разных этажах социальной лестницы между властями, которые над ними, и мигрантами, которые под ними. Такое расхождение имеет разные следствия для «новых» и «старых» москвичей. Среди первых утверждается взгляд на Москву как город мигрантов и москвичей как вымышленную группу, что фактически аннулирует идею принимающего сообщества и мотивы интеграции. Среди вторых нарастает ощущение обиды, неравной и несправедливой конкуренции за доступ к ресурсам и возможностям города. Принцип «мы работали, а они пользуются» обосновывает правомерность негативной интеграции исключения, приводящей к углублению социальных расколов и дискриминации.

3. Несмотря на сложность этнического состава населения Москвы и испытываемое миграционное давление, ценности культурного плюрализма недостаточно осмыслены городским социумом, они не освоены ни на уровне принимающего сообщества, ни на уровне мигрантов. Москвичи, сталкиваясь в своей повседневной жизни с мигрантами, практически не сталкиваются с поведенческими проявлениями их отличительности. Мигрантофобия, отмечаемая в российской столице, скорее объясняется не этнокультурными, а социально-демографическими причинами, скоростью перемен и нарастающей неуверенностью в завтрашнем дне. Помимо «обычной» дозы подозрительности, сопровождающей любые контакты с «чужими» в любом городе, этническая предвзятость москвичей подпитывается неприязнью живущих в застойном социальном порядке с его невысокой социальной мобильностью, к тем, кто в тех же условиях поднимается вверх благодаря собственным усилиям.

4. Локальные сообщества не являются широко распространенным феноменом в Москве. Но даже там, где они сложились, приоритетной является их консервативно-охранительная, а не интеграционная функция. Способность локальных сообществ отвечать на вызовы этнокультурной дифференциации весьма проблематична. Эрозия соседских отношений заставляет обратить внимание на прямо противоположный феномен — роль анонимности в адаптации возрастающего разнообразия. Имеет смысл обратить внимание не только на связь ано-

нимности и оскудения общественной жизни, но и на ее преобразующие функции в условиях плюрализма. Дробление социальных платформ выстраивания персональных идентичностей, групповых лояльностей и межгрупповых взаимодействий влечет за собой рост потребности в определении более широкого контекста социального приобщения, уверенности, что анонимное соседство не несет в себе неожиданностей. В этом смысле не только разделяемые идентичности, но и контактная городская среда, обеспечивающая многообразие индивидуальных и групповых взаимодействий с окружающим миром, становится регулятором социальных отношений. Ее роль в конфигурации социального пространства заметно возрастает.

5. Насилие является малопривлекательным способом разрешения конфликтных ситуаций для большинства москвичей. Проведенный анализ показал, что даже вербальная агрессия в адрес мигрантов чаще всего ограничивается руганью в среде «своих». Люди предпочитают уклоняться от непосредственных контактов с теми, кто рассматривается как «чужие», либо, если в этом есть необходимость, сводят их к прагматике конкретных дел. Тогда атрибуты отличительности трансформируются в полезные свойства мигрантов. Тем не менее стресс, спровоцированный миграциями, замещением населения и утратой привычного социального окружения, породил ощущение беспомощности перед лицом неотвратимых перемен, которое резко контрастирует с оптимизмом мигрантов, обживающихся на новом месте. Глубокая неуверенность в себе и будущем, поразившая значительную часть москвичей, сформировала запрос на авторитарную политику в отношении мигрантов и силовые меры ее осуществления. Поэтому многие люди, не поддерживая насилие как таковое, готовы его оправдывать, если оно обосновано аргументами безопасности и воспринимается как отвечающее их личным интересам. Это латентная ситуация, скрывающаяся за внешним благополучием возможность конфликтов. Наибольшему риску их возникновения подвержены те районы Москвы, где локальный рост плюрализма сопровождается накоплением неблагополучия и отсутствием адекватного средового ответа на многообразие запросов людей.

Список литературы

1. Археология периферии. Мегалополисы: развитие за пределами городского центра / Отв. ред. Ю.Э. Григорян. (2013). М.: Изд. МУФ. 488 с.
2. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* (2011). Новый дух капитализма / Пер. с фр., под общей ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение.
3. *Борусяк Л.Ф.* (2004). Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 74. № 6. С. 58–70.
4. *Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М.* (2020). Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 225–253.
5. *Вендина О.И.* (2005) Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: ЦМИ.
6. *Вендина О.И.* (2012). Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Сер. географ. № 5. С. 27–39.
7. *Вендина О.И., Панин А.Н., Тикуннов В.С.* (2019). Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Сер. географ. № 6. С. 3–17.
8. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.
9. *Дальмайр Ф.* (2004). Глобальная этика: преодоление дихотомии универсализм — партикуляризм // Сравнительная философия / Сб. статей; под ред. М.Т. Степанянц. Вып. 2. «Моральная философия в контексте многообразия культур». М.: Восточная литература. С. 284–297.
10. *Деминцева Е.* (2020). От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* Т. 12. № 1. С. 152–182.
11. *Деминцева Е.Б., Кашицкий Д.С.* (2015). Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // Вестник Российской нации. № 4. С. 214–226.
12. *Деминцева Е., Пешкова В.* (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп-Weekly*, 5–18 мая. № 597–598. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>.
13. *Джекобс Дж.* (2011). Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство. 460 с.
14. *Дробижева Л.М.* (2017). Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России. Социология. Этнология.* Т. 26. № 1. С. 7–31.
15. *Дробижева Л.М.* (2020). Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования.* № 8. С. 37–50.
16. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. (2014). Научный доклад. М.: УПЧ, ЦМИ.
17. Иммигранты в Москве / Институт Кеннона; под ред. Ж.А. Зайончковской. (2009). М.: «Три квадрата». 272 с.
18. ИНАБ № 2. (2016). Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования. М.: Институт социологии РАН.
19. *Капустин Б.* Гражданство и гражданское общество. (2011). М.: Изд. ГУ ВШЭ. 223 с.
20. *Коллиер П.* (2016). Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд. Института Гайдара.
21. *Кузнецов И.М.* (2017). Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // *Мир России. Социология. Этнология.* Т. 26. № 1. С. 58–80.
22. *Кузнецов И.М.* (2019). Вариативность баланса межэтнических установок: причины и условия формирования // *Горшков М.К.* (отв. ред.) *Россия реформирующаяся: ежегодник.* Вып. 17. М.: Новый Хронограф.
23. *Кузнецов И.М., Филь М.С.* (2016). Мониторинг проблем безопасности в контексте социально-политических процессов в столичном мегаполисе. М.: Университет «Синергия». 152 с.

24. Куренной В. (2017). Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press. С. 14–29.
25. Левада Ю. (2006). Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1. С. 8–13.
26. Левинсон А.Г. (2009). Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях / Качественные методы. Полевые социологические исследования; под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя. С. 217–254.
27. Механика Москвы. Исследование городской среды. (2014). М.: Московский институт социально-культурных программ. 68 с.
28. Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и об актуальных проблемах миграционных процессов. (2013). Аналитический отчет. Москва: Деп. средств массовой информации и рекламы города Москвы. [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/8263/Migration.pdf>.
29. Мнение москвичей по вопросам межнациональной и межконфессиональной ситуации в столице и о путях ее оптимизации. (2016). Информационно-аналитический отчет. Москва: ООО «НИИ Социологии». [Электронный ресурс]. Доступ: [https://www.mos.ru/upload/documents/files/3643/Mezhnac\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/files/3643/Mezhnac(1).pdf).
30. Мукомель В.И. (2015). Свои иные: внутрироссийские иноэтнические мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. № 1 (77). С. 79–92.
31. Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А. (2016). Москва. Курс на полицентричность. М.: Изд. НИУ ВШЭ. 34 с.
32. Рыжова С. (2008). Идентичность москвичей (опыт исследования) // СОЦИС. Социологические исследования. № 8. С. 40–49.
33. Сомов Э.В., Тикунов В.С. (2014). Геоинформационное моделирование интегральной транспортной доступности при планировании приоритетных направлений развития транспортной инфраструктуры на примере метрополитена г. Москвы // Геодезия и картография. № 8. С. 49–53.
34. Хантингтон С. (2008). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ. 635 с.
35. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Ткаченко Н.В. (2018). Разработка и адаптация методики «шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 15. № 3. С. 527–541.
36. Эккель Б.М. (1976). Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. № 2. С. 33–42.
37. Юрчак А. (2016). Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛО. 662 с.
38. Aspinall P.J., Song M. (2013). Is Race a “Salient...” or “Dominant Identity” in the Early 21st Century: The Evidence of UK Survey Data on Respondents’ Sense of Who They Are // Social Science Research. Vol. 42. No. 2. P. 547–561.
39. Bakker L., Dekker K. (2011). Social trust in urban neighbourhoods: The effect of relative ethnic group position // Urban Studies, Vol. 49. No. 10. P. 2031–2047.
40. Bauvois G. (2019). “France has never been and never will be a multicultural country”. (Super)-diversity in Macron’s France // Siirtolaisuus — Migration. Vol. 45. No. 2. P. 8–10.
41. Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F. (2009). Does Contact Reduce Prejudice or Does Prejudice Reduce Contact? A Longitudinal Test of the Contact Hypothesis Among Majority and Minority Groups in Three European Countries // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 96. No. 4. P. 843–856.
42. Bouchard G., Taylor Ch. (2008). Building the Future: A Time for Reconciliation. Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences. Quebec: Government of Quebec.
43. Bynner C. (2019). Intergroup relations in a super-diverse neighbourhood: The dynamics of population composition, context and community // Urban Studies. Vol. 56. No. 2. P. 335–351.

44. *Crul M.* (2016). Super-diversity vs assimilation: How complex diversity in “majority–minority” cities challenges the assumptions of assimilation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 54–68.
45. *Dunkelman M.J.* (2017). Next-door strangers: The crisis of urban anonymity // *The Hedgehog Review*. Vol. 19. No. 2. P. 44–57.
46. *Flint J., Powell R.* (eds.). (2019). *Class, Ethnicity and State in the Polarized Metropolis: Putting Wacquant to Work*. Palgrave Macmillan.
47. *Foner N., Duyvendak J.W., Kasinitz P.* (2019). Introduction: super-diversity in everyday life // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 1–16.
48. *Forbes H.D.* (2004) *Ethnic Conflict and the Contact Hypothesis* // Y.-T. Lee, C. McCauley, F. Moghaddam, & S. Worchel (eds.) *Psychological dimensions to war and peace. The psychology of ethnic and cultural conflict*. Praeger Publishers. Greenwood Publishing Group. P. 69–88.
49. *Goodson L., Grzymala-Kazłowska A.* (2017). Researching Migration in a Superdiverse Society: Challenges, Methods, Concerns and Promises // *Sociological Research Online*. Vol. 22. No. 1. P. 15–27.
50. *Gyrny A., Toruńczyk-Ruiz S.* (2014). Neighbourhood attachment in ethnically diverse areas: The role of interethnic ties // *Urban Studies*. Vol. 51. No. 5. P. 1000–1018.
51. *Guiasu R.C., Guiasu S.* (2010). The Rich-Gini-Simpson quadratic index of biodiversity // *Natural Science*. No. 2. P. 1130–1137.
52. *Heerden van S., Ruedin D.* (2017). How attitudes towards immigrants are shaped by residential context: The role of ethnic diversity dynamics and immigrant visibility // *Urban Studies*. Vol. 56. No. 2. P. 317–334.
53. *Hurlbert S.H.* (1971). The Nonconcept of Species Diversity: A Critique and Alternative Parameters // *Ecology*. Vol. 52. No. 4. P. 577–586.
54. *Laurence J., Schmid K., Hewstone M.* (2019). Ethnic diversity, ethnic threat, and social cohesion: (re)-evaluating the role of perceived out-group threat and prejudice in the relationship between community ethnic diversity and intra-community cohesion // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 3. P. 395–418.
55. *Meissner F.* (2015). Migration in migration-related diversity? The nexus between superdiversity and migration studies // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 556–567.
56. *Meissner F., Vertovec S.* (2015). Comparing super-diversity // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 541–555.
57. *Meuleman B.* (2011). Perceived Economic Threat and Anti-Immigration Attitudes: Effects of Immigrant Group Size and Economic Conditions Revisited // E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds.) *Cross-cultural analysis: methods and applications*. London: Routledge. P. 281–310.
58. *Meuleman B., Davidov E., Billiet J.* (2009) Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: A dynamic group conflict theory approach // *Social Science Research*. Vol. 38. No. 2. P. 352–365.
59. *Mulder M., Krahn H.* (2005). Individual- and Community-level Determinants of Support for Immigration and Cultural Diversity in Canada // *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. Vol. 42. No. 4. P. 421–444.
60. *Neal S., Bennett K., Cochrane A., Mohan G.* (2013). *Living Multiculture: Understanding the New Spatial and Social Relations of Ethnicity and Multiculture in England* // *Environment and Planning C: Government and Policy*. Vol. 31. No. 2. P. 308–323.
61. *Nissenbaum H.* (1999). The Meaning of Anonymity in an Information Age // *The Information Society*. Vol. 15. No. 2. P. 141–144.
62. *Nussbaum M., Levmore S.* (2011). *The Offensive Internet: Speech, Privacy, and Reputation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
63. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* (2011). *When groups meet: The dynamics of intergroup contact*. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press.
64. *Phillips D., Robinson D.* (2015). Reflections on Migration, Community, and Place // *Population, Space and Place*. No. 21. P. 409–420.

65. *Ponessa J.* (2017). The Ties That Bind: The Moral Value (and Disvalue) of Anonymity // The Canadian Society for Study of Practical Ethics / Société Canadienne Pour L'étude De L'éthique Appliquée. No. 1. P. 125–146.
66. *Putnam R.D.* (2007). “E Pluribus Unum”: Diversity and Community in the Twenty-first Century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. Vol. 30. No. 2. P. 137–174.
67. *Quillian L.* (2002). Why is black–white residential segregation so persistent? Evidence on three theories from migration data // Social Science Research. Vol. 31. No. 2. P. 197–229.
68. *Rao C.R.* (1982). Diversity and dissimilarity coefficients: a unified approach // Theoretical Population Biology. No. 21. P. 24–43.
69. *Robinson D.* (2010). The neighbourhood effects of new immigration // Environment and Planning A. Vol. 42. No. 10. P. 2451–2466.
70. *Schneider J.* (2018). Demographic “Megatrends” and Their Implications // Siirtolaisuus/Migration. No. 3. P. 26–31.
71. *Schocken H.* (2003). Intimate anonymity: breaking the code of the urban genome // INTBAU. Essays. Vol. 1. No. 5. URL: <https://www.intbau.org/wp-content/uploads/2014/10/IntimateAnonymity.pdf>.
72. *Scholten P., Crul M., van de Laar P.* (eds.). (2019). Coming to Term with Superdiversity. The case of Rotterdam. Springer, IMISCOE Research series.
73. *Sennett R.* (2012). Building and Dwelling: Ethics for the City. Farrar, Straus and Giroux.
74. *Simpson E.H.* (1949). Measurement of diversity. Nature. No. 163. P. 688.
75. *Stewart D., Shamdassani P., Rook D.* (2009). Group Depth Interviews: Focus Group // L. Bickman, D.J. Rog (eds.) The SAGE Handbook of Applied Social Research Methods. AGE Publication. P. 589–616.
76. *Tajfel H., Turner J.C.* (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict // W.G. Austin, S. Worchel (eds.) The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks-Cole. P. 33–47.
77. *Tolsma J., van der Meer T.W.G.* (2017). Losing Wallets, Retaining Trust? The Relationship between Ethnic Heterogeneity and Trusting Coethnic and Non-coethnic Neighbours and Non-neighbours to Return a Lost Wallet // Social Indicators Research. Vol. 131. No. 2. P. 631–658.
78. *Tribalat M.* (2013). Assimilation: la fin du modèle français. Paris: Toucan.
79. *Tropp L.R.* (2012). Understanding and responding to intergroup conflict: Toward an integrated analysis // The Oxford handbook of intergroup conflict. Oxford University Press. P. 3–10.
80. *Varshaver E., Rocheva E.* (2018). Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés // Urbanities — Journal of Urban Ethnography. Vol. 8. No. 2. P. 42–58.
81. *Vendina O.I.* (2018). Muscovites and Newcomers: Strategies for Mutual Adaptation // Regional Research of Russia. Vol. 8. No. 4. P. 395–403.
82. *Vertovec S.* (2007). Superdiversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. Vol. 30. No. 6. P. 1024–1054.
83. *Vertovec S.* (2019). Talking around superdiversity // Ethnic and Racial Studies. Vol. 42. No. 1. P. 125–139.
84. *Vertovec S., Cohen R.* (Eds.). (2003). Conceiving cosmopolitanism: theory, context and practice. Oxford: Oxford University Press.
85. *Wacquant L.* (2007). Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Polity Press.
86. *Wacquant L.* (2009). Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity Durham: Duke University Press.
87. *Walzer M.* (1995). Education, Democratic Citizenship and Multiculturalism // Journal of Philosophy of Education. Vol. 29. Iss. 2. P. 181–189.
88. *Wessendorf S.* (2014). Commonplace Diversity: Social Relations in a Super-Diverse Context. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
89. *Zartman W.I.* (2000). Mediating [ethnic] conflicts of need, greed, and creed // Orbis. Vol. 44. No. 2. P. 255–266.

Лев ГУДКОВ

Эстония и эстонское общество в глазах россиян 2018–2021 гг.

Образы «других» (стран, обществ, людей) являются важнейшими компонентами национальной или групповой идентичности. «Левада-центр» ведет систематические исследования подобного рода начиная с 1989 г. Это не только анализ распространенности и динамики ксенофобии, расизма и антисемитизма в советском и российском обществе, но и фиксация меняющихся представлений о различных странах, выступающих в амбивалентной роли ценностных ориентиров или моделей желаемого устройства, дружественных или враждебных государств¹. Задача подобных исследований заключается не только в описании массовых установок по отношению к тем или иным странам (например, к Германии, Польше, Израилю, США, Швеции, Финляндии или Китаю), но и в выявлении факторов (текущих событий, политики российского руководства, пропаганды, деятельности СМИ), обуславливающих изменение их функциональной роли в структуре коллективной идентичности. В данном случае мы публикуем результаты опроса общественного мнения об Эстонии².

¹ Общественное мнение — 2020. Ежегодник «Левада-центра». М., 2020. С. 139–144. Результаты исследований такого рода были многократно представлены в публикациях нашего центра. См., напр., статьи в выпусках журнала 2006, № 2; 2007, № 1; 2008, № 3; 2009, № 3–4; 2011, № 3; 2012, № 3–4; 2015, № 3–4 и др.

² Опрос проходил 23–29 сентября 2021 г. по стандартной общероссийской репрезентативной выборке городского и сельского населения, отражающей социально-демографическую структуру России по полу, возрасту, образованию и т.п. характеристикам. Число опрошенных составляло 1634 человека от 18 лет и старше. Часть вопросов повторяет вопросы, задаваемые в аналогичном исследовании 2018 г., что позволяет сравнивать полученные данные и фиксировать изменения в массовых установках населения. В некоторых рисунках для сравнения указываются данные отдельного исследования, охватывавшего население северо-западных регионов России. Результаты опроса представлены в процентах ко всем опрошенным, если не указано иное.

Отношение россиян к Эстонии. Чтобы адекватно оценивать восприятие Эстонии российским населением, следует, прежде всего, подчеркнуть сам контекст массового восприятия этой страны. За постсоветское время Эстония, как и другие балтийские или восточноевропейские страны бывшего соцлагеря (Польша, Чехословакия, Венгрия), утратила у населения образ «ближнего Запада», который имела ранее. В глазах закрытого, дефицитного и репрессивного общества такие страны служили функциональным заместителем, или суррогатом, западной культуры. Крах СССР резко раздвинул горизонты существования, впервые за 80 лет сделав доступными страны Европы и Америки для посещения с разными целями. Тем самым изменилась система координат, в первую очередь для более молодых, образованных, предприимчивых и мобильных групп населения. Туристические и деловые потоки изменили направление. Поездки в Эстонию сохраняют значимость и актуальность преимущественно для жителей регионов, граничащих или расположенных недалеко от Эстонии (рис. 1).

Те, кто бывал Эстонии (преимущественно в советское время), это сегодня главным образом пожилые и образованные люди, жители столиц или крупнейших городов, т.е. слой населения, который в советские годы назывался «интеллигенция» (табл. 1). Причины того, почему не были в Эстонии после 1991 г., сводятся к двум основным ответам: «*Меня не интересует Эстония*» (59%) и «*Слишком дорого*» (28%). Другие мотивы отказа от посещения этой страны: «*Пугает враждебное отношение к русским*» и «*Сложно получить визу*», — характерны для незначительной части респондентов, соответственно для 7 и 2% опрошенных.

Рисунок 1
БЫВАЛИ ЛИ ВЫ В ЭСТОНИИ?

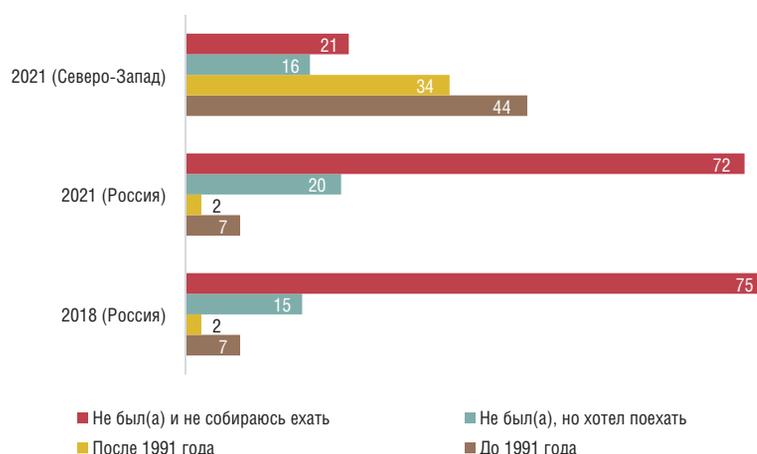

Таблица 1
БЫВАЛИ ЛИ ВЫ В ЭСТОНИИ? (данные 2021 г., общероссийская выборка; распределение по основным социально-демографическим характеристикам)

	До 1991 г.	После 1991 г.
В среднем	7	2
Пол		
Мужчины	6	1
Женщины	8	2
Возраст		
18–24 года	-	2
25–39 лет	1	3
40–54 года	5	1
55 лет и старше	15	1
Образование		
Высшее	10	3
Среднее специальное	6	1
Среднее общее	5	1
Ниже среднего	5	1
Тип поселения		
Москва	11	1
Большой город	10	4
Средний город	6	1
Малый город	5	1
Село	6	1

Установки и стереотипы людей старших возрастов в большой степени определяют сегодняшнее отношение к Эстонии, представления о ней, ее истории, взаимосвязи обеих стран. В целом в общественном мнении России преобладает позитивное отношение к Эстонии (52%; рис. 2). Крайние

позиции («очень хорошо» и «очень плохо») отражают мнения незначительного меньшинства (по 6%). Но отметим необычно высокий уровень «затруднившихся ответить»: почти треть опрошенных не имеют мнения или оно не может быть выражено в силу отсутствия какого-либо интереса к Эстонии.

Это неудивительно, если учесть, как мало россияне знают об Эстонии.

Мнения молодежи об Эстонии в целом более позитивны, чем у других возрастных групп (65% против 38% у людей предпенсионного и пенсионного возраста, табл. 2). Но они складываются не из реального знания о стране, а из общих симпатий ко всем странам Северной Европы, воплощающим идеальные представления о демократии, высоких стандартах потребления, правовом государстве, развитом гражданском обществе, проецируемые на Эстонию.

Пожилые мужчины заметно более негативно относятся к Эстонии (25% против 8% у молодых людей). Такое же отношение проявляется и к другим балтийским или восточноевропейским странам, поскольку мужчины старшего возраста отличаются большим идеологическим консерватизмом, находятся под более сильным влиянием пропаганды Кремля, чем женщины, гораздо более равнодушные к политике и враждебным кампаниям на российском телевидении.

Преобладание позитивного отношения над негативным сохраняется на фоне большого числа затрудняющихся с ответом (34–32% ничего не знающих об Эстонии, индифферентных или незаинтересованных в информации об этой стране), хотя удельный вес негативных установок и идеологических предубеждений в разных социально-демографических группах меняется незначительно. При этом респонденты северо-западных областей России, чаще бывающие в Эстонии, не только реже затрудняются с ответом, но и в целом заметно более доброжела-

тельно воспринимают Эстонию и относятся к ней (в среднем на 20 процентных пунктов: 50–52% населения России в целом и 72% жители граничащих с Эстонией областей).

Можно указать на явное противоречие или расхождение в оценках и в отношении к Эстонии, выявленное в ходе исследования: собственное отношение респондента к Эстонии заметно лучше, чем восприятие отношений между Россией и Эстонией как государствами. Если в индивидуальном плане преобладает позитивное отношение (проявляется партикуляристское восприятие страны, положения ее жителей с точки зрения отдельного человека и его ценностей и интересов повседневного существования, не идеологизированное под влиянием пропаганды), то межстрановые отношения оцениваются теми же людьми скорее негативно, хотя интенсивность негативных моментов не слишком высока.

Вполне хорошими (дружественными, добрососедскими) их считают всего 8% (рис. 3), еще 22% называют их «нормальными» (что бы это ни значило, к какой «норме» это ни возводится — к критерию взаимной выгоды, полезности этих отношений друг для друга или терпимости к неизбежным конфликтам и противоречиям интересов). Но почти половина, а именно 48%, расценивают их сдержанно-негативно («напряженными» и «враждебными» называют их 19% опрошенных, «прохладными» — 29%). В сумме это самая большая доля ответов, задающих тон для остальных. Кроме того, 22% затруднились оценить их или уклоняются от необходимости высказывать отрицательные суждения.

Рисунок 2

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЭСТОНИИ?

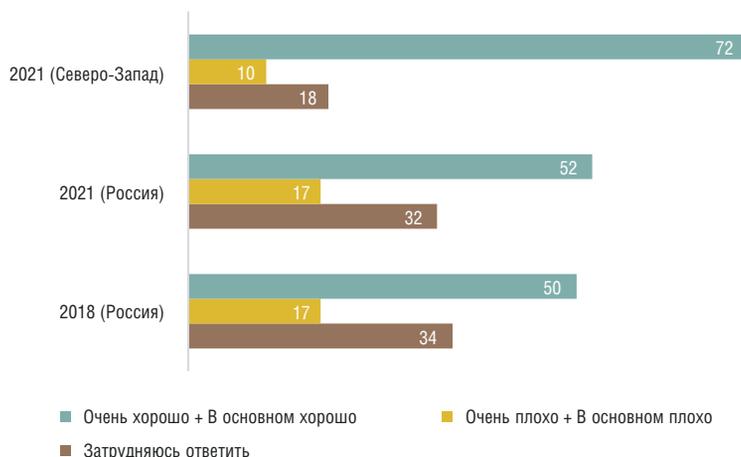

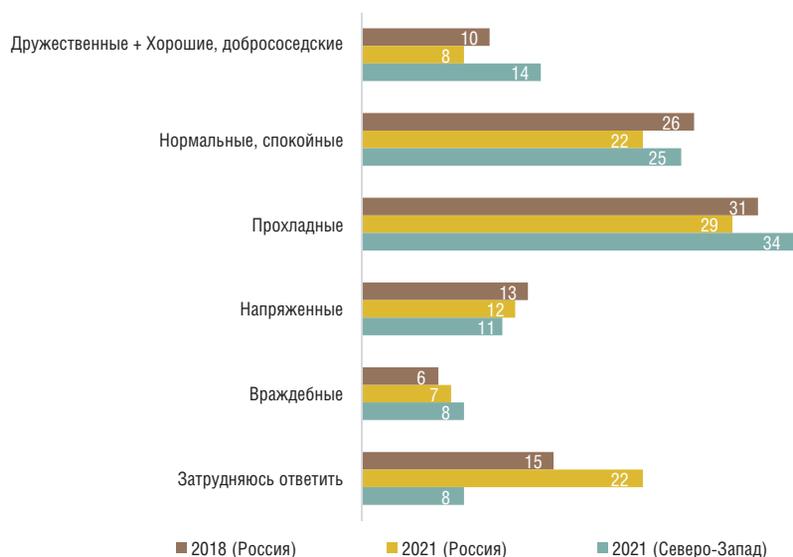
Таблица 2

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЭСТОНИИ? (данные 2021 г., общероссийская выборка; распределение по основным социально-демографическим характеристикам)

	Очень хорошо + скорее хорошо	Очень плохо + в основном плохо	Затруднились ответить	Соотношение +/-
В среднем	52	17	32	3,0
Пол				
Мужчины	47	23	31	2,0
Женщины	56	12	32	4,7
Возраст				
18–24 года	65	8	27	8,1
25–39 лет	52	10	31	5,9
40–54 года	45	19	31	2,0
55 лет и старше	38	25	34	1,7
Образование				
Высшее	56	16	28	3,5
Среднее специальное	52	17	31	3,0
Среднее общее	46	18	37	2,5
Ниже среднего	26	23	51	1,1
Тип поселения				
Москва	62	23	15	2,7
Большой город	47	16	37	2,9
Средний город	54	19	28	2,8
Малый город	52	14	34	3,7
Село	49	17	33	2,9

Рисунок 3

КАК БЫ ВЫ ОХАРАКТЕРИЗОВАЛИ СЕГОДНЯШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЭСТОНИЕЙ?

С возрастом удельный вес негативных оценок заметно растет: с 33% у самых молодых до 62% у самых пожилых. Обратная зависимость наблюдается со снижением уровня образования: образованные и политически ангажированные группы населения чаще всего указывают на плохие взаимоотношения между нашими странами (53% респондентов с высшим образованием, 68% москвичей). В то же время малообразованные респонденты в гораздо меньшей степени склоняются к таким оценкам (30%), жители периферии — села и малых городов — 35%, но среди них резко увеличивается доля затруднившихся с ответом: с 17% у людей с университетским образованием до 37% с образованием ниже среднего.

Из самого факта негативных оценок взаимоотношений между Россией и Эстонией трудно сделать вывод о том, солидарны ли опрошенные с официальной, государственно-пропагандистской позицией по отношению к Эстонии или нет, имеем ли мы дело с согласием с официозом (скрытым обвинением Эстонии в ухудшении отношений между нашими странами) или речь должна идти о простой констатации, признании фактического положения дел, что не предполагает обязательного согласия с политикой российского руководства. Для выяснения этих нюансов нужны дополнительные вопросы.

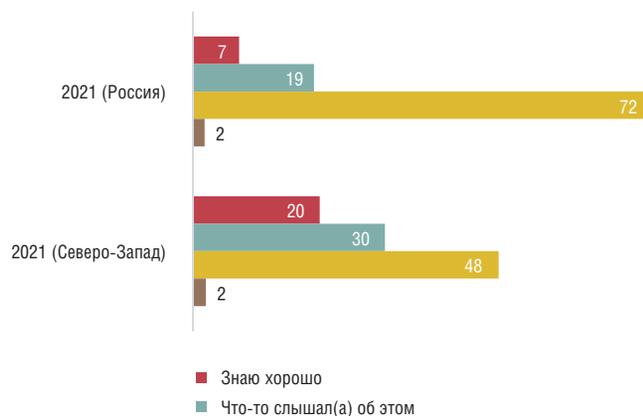
Знание об Эстонии. Россияне в массе своей мало знают о жизни в Эстонии, ее политическом устройстве и истории и не проявляют интереса к подобным предме-

там. Всего 7% (рис. 4) знают, что между нашими странами до сих пор не заключен договор о границе (среди людей старшего возраста таких 10–11%, среди руководителей — 15%). Еще 19% что-то слышали об этой проблематике, но ясного понимания о причинах и сложностях, связанных с этим обстоятельством, у них нет. Основная масса россиян (74%) впервые слышат об этом в ходе самого опроса, их явно не интересуют эти вопросы, а потому они затрудняются сказать что-то определенное и содержательное. Но жители близких к Эстонии регионов информированы о характер этих проблем иначе: 20% знают об отсутствии договора о границе между Эстонией и Россией, 30% слышали об этом, но не вдавались в подробности и детали существующих противоречий между государствами в этом плане (50% ничего не знают об этом).

Источники сведений об Эстонии. Структура восприятия Эстонии задана сочетанием школьных знания (рис. 5) и содержанием федеральных каналов российского ТВ (как правило, весьма тенденциозно настроенных по отношению к Эстонии, постоянно занижающих успехи этой страны в демократическом транзите). Незначительные изменения, произошедшие за последние три года, сводятся к уменьшению объема информации об Эстонии в российских средствах массовой коммуникации (российское ТВ как источник сведений об этой стране называли на 7% меньше в 2021 г., чем в 2018-м, газеты и журналы — на 6%), поэтому относительно выросла доля знаний,

Рисунок 4

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ ЭСТОНИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЭСТОНИЕЙ ДО СИХ ПОР НЕ ЗАКЛЮЧЕН ДОГОВОР О ГРАНИЦЕ?

полученных во время обучения в средней школе, — на 10%. Но большой удельный вес школьных знаний означает в социальном плане консервацию массовых представлений, полученных в прежние годы, и явный дефицит или отсутствие знаний о современной жизни в Эстонии, тех изменениях, которые произошли в постсоветский

период, и сведений об актуальной политике этой страны.

Отношение к Эстонии в значительной мере определяется источником сведений или постоянными каналами информации, которыми пользуются и которым доверяют опрошенные (табл. 3). Так, среди тех, кто ограничивается исключительно российски-

Рисунок 5

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ПОЛУЧИЛИ ИНФОРМАЦИЮ, СФОРМИРОВАВШУЮ ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭСТОНИИ? (на рис. представлены варианты ответов, набравшие 10% и более)

Таблица 3

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ПОЛУЧИЛИ ИНФОРМАЦИЮ, СФОРМИРОВАВШУЮ ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭСТОНИИ? (данные 2021 г., общероссийская выборка; распределение по основным социально-демографическим характеристикам)

	ТВ	Интернет	Пресса	Школа	Социальные сети
В среднем	29	26	10	26	13
Пол					
Мужчины	28	32	13	25	14
Женщины	30	21	8	27	12
Возраст					
18–24 года	20	39	11	23	22
25–39 лет	23	38	8	29	20
40–54 года	33	27	11	28	12
55 лет и старше	34	13	10	23	7
Образование					
Высшее	31	34	12	27	17
Среднее специальное	29	26	9	27	14
Среднее общее	27	19	9	30	7
Ниже среднего	27	8	6	6	7
Тип поселения					
Москва	34	27	13	30	9
Большой город	27	27	7	23	13
Средний город	30	31	12	26	13
Малый город	31	29	11	25	18
Село	29	20	9	30	11

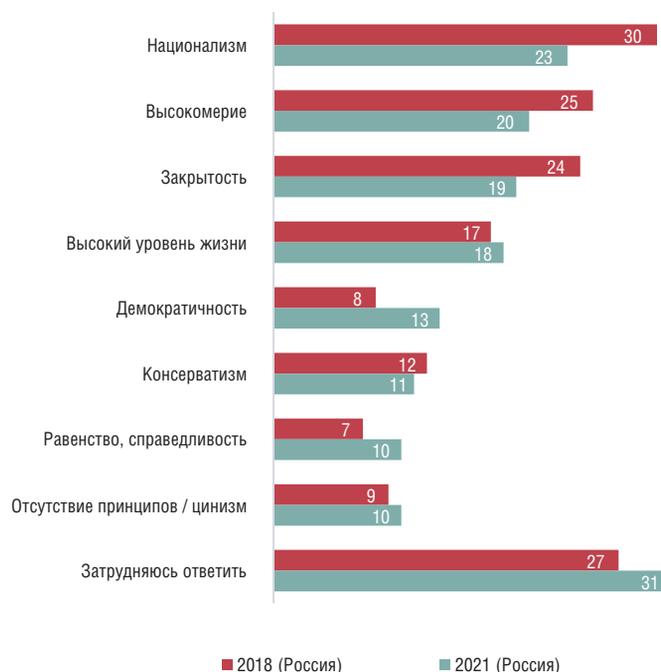
ми федеральными каналами ТВ, позитивные и благожелательные установки в отношении Эстонии демонстрируют 46–49%, что ниже средних показателей; 22–23% — негативные, что выше среднего. В то же время среди пользователей социальных сетей и телеграм-каналов эти показатели составляют 61 и 65% соответственно, отрицательно относятся к Эстонии от 8 до 15% из этих групп пользователей, что ниже среднего.

Ассоциации, связанные с Эстонией. Соотношение негативных и позитивных ассоциаций за последние три года незначительно меняется в лучшую сторону (рис. 6). Суммы негативных и позитивных ответов на этот вопрос составляли в среднем в 2018 г. 111:80 (= 1,39), в 2021 году — 93:100 (= 0,87). Стереотипы восприятия Эстонии заметно различаются в разных социально-демографических группах. Рассмотрим эти различия на примере наиболее общих (чаще всего называемых респондентами) характеристик эстонского общества (данные 2021 г.).

Из табл. 4 видно, что более негативно воспринимают Эстонию пожилые, образованные респонденты, живущие в сто-

Рисунок 6

КАКИЕ ЧЕРТЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ ЭСТОНСКОГО ОБЩЕСТВА? (на рис. представлены варианты ответов, набравшие 10% и более)

це России и сохраняющие по максимуму комплекс идеологических («постимперских») установок и взглядов, переносящие на эстонское общество свой ресентимент и обиды, приписывающие эстонцам дистанцированность по отношению к прежнему центру империи, закрытость и высокомерие. В минимальной степени эти взгляды и мнения присущи молодым респондентам и жителям социальной периферии, существенно менее ангажированным по сравнению с населением Москвы и больших городов.

Если рассматривать соотношение негативных и позитивных ответов в плане возрастных различий, то картина предстает очень выразительной: сумма позитивных суждений об Эстонии у респондентов 18–24 лет составляет 152% (негативных — 70%), среди людей в возрасте 55 лет и старше — 66% (негативных — 112%), т.е. соотношение переворачивается: в первом случае 2:1, во втором почти 1:2. Это значит, что ресентиментные переживания по поводу распада СССР и вступления Эстонии в ЕС и НАТО слабеют с течением лет и со вступлением в жизнь новых поколений, несмотря на все усилия антизападной пропаганды.

По другим нашим опросам видно, что уровень неприязни по отношению к Эстонии последовательно снижался с 60% (2007 г.) до 11% (2020 г.)¹. Сказывается ослабление или прекращение антиэстонской пропаганды и истерии, поднятой в середине 2000-х в связи с вступлением Эстонии, Латвии и Литвы в ЕС и НАТО и достигшей пика в 2007 г. (история с «Бронзовым солдатом»).

Соотношение позитивных и негативных суждений, воспроизводящих устойчивые этнические и социально-идеологические стереотипы, составляет 28:13 (или 2:1, при 31 ответе с нейтральными ассоциациями).

Вопрос, насколько действенна антизападная, имперская или, точнее, «великодержавная» пропаганда и риторика кремлевских политиков и функционеров, остается крайне неоднозначным: доверяют информации об Эстонии, которую транслируют российские средства массовой информации, 38% (в том числе 8% «полностью доверяют», рис. 7). Но «не доверяют» и критически оценивают ее существенно меньше опрошенных — 25%. Более трети опрошенных (37%) либо не замечают ее, поскольку сама тематика для них неважна, либо воспринимают ее как фоновый информационный шум, либо затрудняются ответить на этот вопрос, поскольку просто не сталкивались с тенденциозно негативной

информацией подобного рода. Большим недоверием к ней отличаются две группы опрошенных — предприниматели (43%) и руководители, менеджеры (36%). Напротив, с наибольшим доверием к сведениям об Эстонии, поступающим из российских СМИ (находящихся под контролем администрации президента и ФСБ), относятся специалисты и служащие, среди которых преобладают женщины.

Интерес к Эстонии. Интерес к Эстонии определяется преимущественно рекреационно-туристическими мотивами (природа, достопримечательности, культура, шопинг и т.п.; рис. 8). Географическое расположение, близость к России, транспортная доступность этой страны делают поездки сюда осуществимыми при прочих равных ограничениях на зарубежный туризм. Но падение железного занавеса после 1991 г. сделало поездки в другие европейские страны (Германию, Италию, Францию, Великобританию, Испанию, Турцию или Грецию) более привлекательными, в том числе по соображениям климата, музеев и шопинга. Особенности демократического государственного устройства, политика, вопросы правовой системы или политика в социальной сфере привлекают внимание крайне незначительного меньшинства.

Таблица 4

КАКИЕ ЧЕРТЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ ЭСТОНСКОГО ОБЩЕСТВА?

	%, в среднем	Максимальные значения показателя, %	Минимальные значения показателя, %
Национализм	23	Москва — 41; 55 лет и старше — 30; высшее образование — 24	25–39 лет — 15; образование ниже среднего — 13; село — 17
Высокомерие	20	Москва — 38; 55 лет и старше — 30	18–24 года — 11; образование ниже среднего — 7
Закрытость	19	Москва — 29; высшее образование — 23; 55 лет и старше — 21	18–24 года — 16; среднее образование — 13; село — 13
Высокий уровень жизни	18	18–24 года — 23; высшее образование — 20	55 лет и старше — 17; образование ниже среднего — 8
Демократичность	13	18–24 года — 16; высшее образование — 15	55 лет и старше — 9
Равенство, справедливость	10	18–24 года — 20	55 лет и старше — 6

¹ Общественное мнение — 2020. Ежегодник «Левада-центра». М., 2020. С. 136–144. Табл. 18.11. Распределение ответов на вопрос: «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественными, враждебно настроенными по отношению к России?».

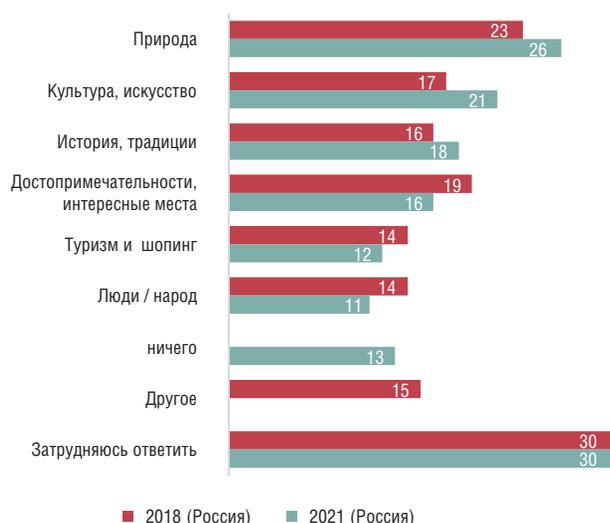
Рисунок 7

НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ ЭСТОНИИ, КОТОРАЯ ДОСТУПНА В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ?

Рисунок 8

ЧТО ВАС БОЛЕЕ ВСЕГО ИНТЕРЕСУЕТ В ЭСТОНИИ?

За прошедшее с момента опроса 2018 г. время структура интересов к Эстонии не изменилась (колебания в пределах допустимых статистических параметров измерения).

Сравнение жизни в России и Эстонии. 45% россиян убеждены, что качество жизни в Эстонии выше, чем в России, 11–12% — что хуже, и 19–21% полагают, что оно примерно одинаково в обеих странах (23–25% опрошенных затруднились ответить; рис. 9). Среди людей, обладающих большими социальными ресурсами (образованием, более широким кругом информационных источников), более активных в жизни (предпринимателей, специалистов и т.п.), доля уверенных в лучшем качестве жизни в Эстонии в сравнении с Россией выше среднего (50–56%), среди учащихся или пенсионеров — 34–38%.

Но предварительное информирование респондента о фактическом положении дел в Эстонии (например, о величине среднемесячной зарплаты) вызывает реакцию, близкую к шоку (рис. 10): 53% думали, что она меньше, чем то, что называл интервьюер (1515 евро, или 130,3 тысячи рублей; средняя зарплаты в России, по данным наших опросов, составляет 40–42 тысячи рублей). 23% опрошенных ответили, что так и думали, еще 6% полагали, что средняя зарплата в Эстонии выше названной величины (16% затруднились ответить, не располагая никакими сведениями на этот счет). Сильнее всего были поражены этой информацией специалисты (59%), менеджеры (55%), учащиеся (63%) и домохозяйки (66%).

Ввиду этого вряд ли может удивить мнение, разделяемое абсолютным большин-

ством опрошенных, что экономику Эстонии следует считать «одной из наиболее развитых» (с этой оценкой согласны 54%, не согласны 28%, остальные затруднились с ответом; рис. 11). Среди занятого населения этого мнения придерживаются от 56 (рабочие) до 61% (специалисты). Не согласны с этим главным образом пенсионеры и государственные служащие (32%).

Оценка событий 1940 г. Вместе с тем на отношение к Эстонии влияют массивные пласты советских представлений, слабо рационализируемых и практически не осознаваемых большинством российского

населения. Это своего рода коллективное «подсознание» российского общества, проявляющееся в инерции давно усвоенных идеологических стереотипов советской пропаганды 1940–1970-х гг. Люди помнят, что балтийские страны в недавнем прошлом были частью единого союзного пространства, республиками в составе СССР (рис. 12). Почти три четверти россиян (74%) не знают, что Эстония с 1918 (1920) по 1940 г. была независимым государством (47% вообще не слышали об этом, 27% имеют туманные сведения об этом). Лишь у 26% опрошенных есть определенное представление об истории независимости Эстонии

Рисунок 9

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ЭСТОНИИ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ В РОССИИ? (данные 2021 г., общероссийская выборка)

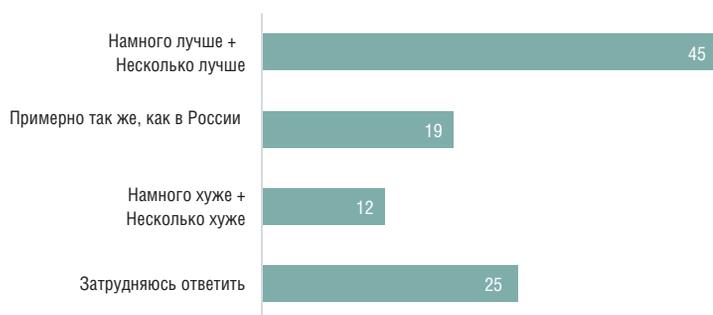

Рисунок 10

В IV КВАРТАЛЕ 2020 Г. СРЕДНЯЯ МЕСЯЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В ЭСТОНИИ СОСТАВЛЯЛА 1515 ЕВРО (130 290 РОССИЙСКИХ РУБЛЕЙ), А СРЕДНЯЯ ПЕНСИЯ ПО СТАРОСТИ – 559 ЕВРО (47 558 РОССИЙСКИХ РУБЛЕЙ) (данные 2021 г., общероссийская выборка)

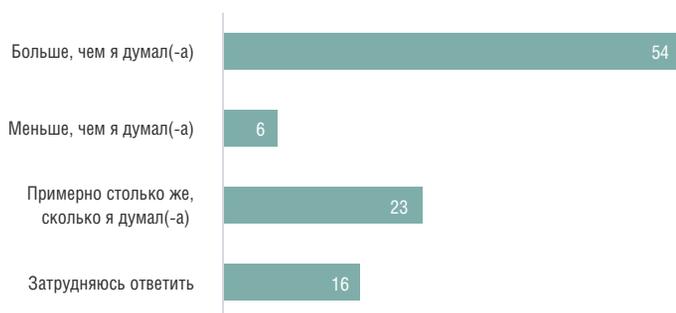

Рисунок 11

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО ЭСТОНИЯ СЕГОДНЯ – ЭТО СТРАНА, ЭКОНОМИКА КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ? (данные 2021 г., общероссийская выборка)

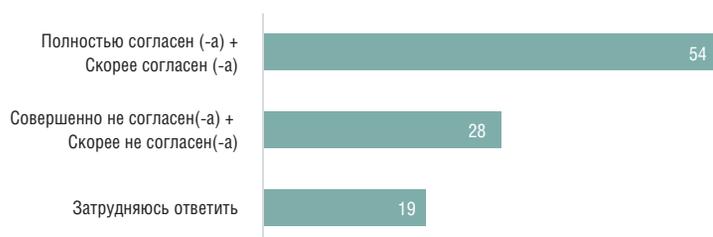
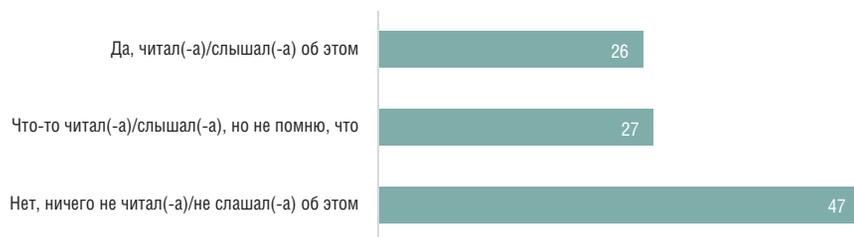

Рис. 12

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ПЕРИОД ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ ЭСТОНИЯ БЫЛА НЕЗАВИСИМОЙ РЕСПУБЛИКОЙ? (данные 2021 г., общероссийская выборка)

и контексте взаимоотношений с Советской Россией и СССР по этому поводу.

Однако трактовка событий 1940 г. — аннексия Эстонии, Литвы и Латвии, по-прежнему сохраняет всю советскую версию (табл. 5): 58% считают, что это было добровольное присоединение к СССР. Лишь 20% опрошенных (т.е. меньше, чем тех, кто помнит, что Эстония была независимым государством в межвоенный период) с большей (8%) или меньшей («скорее оккупирована» — 12%) определенностью утверждают, что Эстония была оккупирована в июне 1940 г. войсками Красной Армии.

Консервативные идеологические представления о событиях 1939–1940-х гг. преобладают в общественном мнении России, в большей степени они характерны для пожилых мужчин (пенсионеров), а также для респондентов, занимающих более вы-

сокие социальные позиции (прежде всего управляющих, служащих в государственных организациях), для жителей Москвы (взгляды последних выражены в более категорической форме, чем у других групп, доля затруднившихся с ответом здесь минимальна). Напротив, мнения об оккупации и аннексии Эстонии чаще разделяют учащиеся, предприниматели, менеджеры и руководители. В рассматриваемом плане важна их приобщенность к альтернативным источникам информации — Интернету, социальным сетям, телеграм-каналам. Однако и в этих аудиториях воспроизводятся и доминируют советские идеологические установки по отношению к балтийским странам, в числе и к Эстонии, что следует рассматривать как результат школьного обучения, не изменившегося с советских времен.

Таблица 5

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЭСТОНИЯ, ЛИТВА И ЛАТВИЯ В ИЮНЕ 1940 Г. БЫЛИ ОККУПИРОВАНЫ ИЛИ ОНИ ДОБРОВОЛЬНО ВСТУПИЛИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ? (данные 2021 г., общероссийская выборка; распределение по основным социально-демографическим характеристикам)

	Были оккупированы	Добровольно вступили	Затруднились с ответом
В среднем	20	58	22
Пол			
Мужчины	20	61	18
Женщины	20	55	26
Возраст			
18–24 года	22	47	32
25–39 лет	23	52	26
40–54 года	18	61	21
55 лет и старше	19	63	18
Образование			
Высшее	24	58	19
Среднее специальное	19	60	21
Среднее общее	18	52	31
Ниже среднего	12	56	32

Продолжены табл. 5

	Были оккупированы	Добровольно вступили	Затрудились с ответом
Тип поселения			
Москва	23	69	8
Большой город	16	59	25
Средний город	22	57	21
Малый город	24	53	23
Село	16	57	27
Социальный статус			
Предприниматель	29	51	20
Руководитель	25	62	13
Специалист	23	57	20
Служащий	19	64	17
Рабочий	15	57	28
Учащийся	34	41	25
Пенсионер	16	64	20
Домохозяйка	20	49	31
Не работает	18	46	35
Источники информации, пользующиеся доверием			
ТВ	16	65	19
Друзья, родственники, знакомые, соседи	19	63	17
Интернет-издания	19	62	20
Социальные сети	26	55	19
Телеграм-каналы	28	50	22
Никому не доверяют	20	48	32

Выводы. Результаты исследования позволяют утверждать, что подавляющее большинство россиян относится к Эстонии преимущественно положительно, разделяя давнее представление об этой стране как об обществе западной / европейской культуры. Высокий уровень жизни и демократическая система делают ее образ позитивным, особенно для молодых людей, в меньшей степени зависящих от влияния государственной, антизападной, антилиберальной пропаганды. Однако интерес к этой стра-

не слабый, информированность и знания о ее особенностях, политической системе, об общественных процессах, происходящих в последнее десятилетие, невысоки и скорее снижаются из-за ограниченности информационного потока сведений о повседневной жизни эстонцев. В то же время сохраняет инерция ресентиментных переживаний, вызванных распадом СССР, особенно ошутимых в старших возрастах. Ощущается явный дефицит информации об Эстонии в системах массовой коммуникации и Интернете.

ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ: РЕСУРСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ульрих ШМИД

Анатомия одной дискредитации

Российские государственные медиа и «Мемориал»¹

Запрет российской правозащитной организации «Мемориал» заранее готовился близкими к государству медиа России. Телеканалы НТВ и «Россия 1» атаковали проекты и представителей «Мемориала» в пропагандистских материалах. Они использовали при этом многочисленные манипулятивные средства из арсенала политического пиара. Инструменты эти происходят из универсального набора, используемого во многих странах мира, будь то демократические или авторитарные режимы. Но в данном случае транслируемые содержания все же специфичны именно для российской исторической политики. Речь идет о прерогативе толкования героического образа истории, который должен утвердиться всеми средствами искусства пропаганды.

В 2005 г. в Москве вышло пособие «Операции в психологических информационных войнах». С обезоруживающей открытостью издательство предлагает это руководство соответствующей читательской аудитории, среди прочих «государственным служащим, принимающим участие в разработке и практическом применении государственной информационной политики, сотрудникам спецслужб, полицейским и следственным органам». Отдельные главы описывают воз-

можные стратегии в информационных войнах. При этом авторы подчеркивают, что распространенная информация действует как «невидимое излучение». Мол, население даже не замечает, что на него влияют, и поэтому не включает защитные механизмы. Тем временем книга вышла четвертым изданием².

Изданное в Москве пособие презентуется как руководство к действию в борьбе за души граждан. Британский медиаэксперт Питер Померанцев описывает этот же феномен с аналитической точки зрения. В книге «Это не пропаганда» (*This is not propaganda*) он показывает, как в постмодерном информационном потоке пропаганда как таковая становится все менее опознаваема и как действительность исчезает за картинкой, которую рисуют отдельные информационные каналы. Померанцев предостерегает от повсеместного медийного воздействия на население. «Мы живем в мире взбесившихся систем массового убеждения, в котором плодятся и множатся средства манипуляции, в мире скрытой рекламы, психологических операций, хакеров, ботов, субъективных фактов, дипфейков, фейковых новостей, ИГИЛ, Путина, троллей, Трампа...»³.

¹ Статья печатается с любезного разрешения Манфреда Заппера, главного редактора журнала OSTEUROPA. Schmid U. Anatomie einer Diskreditierung. Russlands Staatsmedien und Memorial// OSTEUROPA, 71. Jg., 8–9/2021, S. 225–240.

² Вепринцев В.Г., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны. Краткий энциклопедический словарь-справочник. М., 2005.

³ Pomeranzen P. This is not propaganda. Adventures in the war against reality. New York, 2019. P. XI. В России книга была опубликована издательством Individuum в 2020 г. (пер. П. Миронова, А. Финогеновой).

Без сомнения, сегодня в российской публичной сфере царит информационная война. Близкие к власти телеканалы помещают стареющую публику в осажденную крепость. Медиа показывают образ вселяющего беспокойство агрессивного Запада, который хочет навязать России собственные ценности и интерпретации истории. Эта эксплицитная защита от якобы чуждого влияния скрывает тот факт, что действительная манипуляция идет от собственного правительства.

Николас О'Шонесси различает в политической пропаганде три измерения: риторику, миф и символизм¹. Риторические фигуры служат тому, чтобы приблизить публику к эмоционально нагруженному пониманию некоего содержания. Концентрированный ввод в бой риторических средств должен достичь таких эмоциональных эффектов, как возмущение или отвращение. Часто употребляемая сквозная метафора может определить общее предпонимание события. Когда, например, в освещении событий верными Кремлю медиа регулярно идет речь о «скандале вокруг “Мемориала”», происходит внушение, что «скандал» имеет место в поведении правозащитной организации «Мемориал», а не в преследовании его государственными органами². Политически нагруженная риторика создает собственный идеологический язык, лексикон которого точно передает определенные ценности. Тем самым критический анализ при оценке конкретного случая отступает на задний план. Гораздо чаще публика твердо уверена в привычном языковом порядке. Это позволяет фрагментировать представляемую медиа политическую реальность: удобное подается в знакомых риторических категориях, неудобное скрывается. Риторические формулы смещения (*Versatzformeln*) соединяются в миф, который выражается в новых актуализациях и вариациях, но в основе своей демонстрирует константную структуру.

Ни одна нация не обходится без мифов. Особенно явственно это проявляется, например, в США, где одна из базовых форм национального мифа запечатлена в киножанре

¹ O'Shaughnessy N.J. Politics and Propaganda. Weapons of Mass Seduction. Manchester, 2004. P. 65–109.

² Скандал вокруг «Мемориала». За что Генпрокуратура требует ликвидации НКО-иноагента. 12.11.2021. URL: <www.ntv.ru/novosti/2633102/>.

вестерна. Американский миф рассказывает об утверждении правопорядка в либерально-демократических и капиталистических условиях. При этом нецивилизованный герой должен превратиться в гражданина, заплатив значительную психологическую цену³. В России уже более двух десятилетий путинского правления на первом плане стоит следующий миф: русская нация имеет за собой тысячелетнюю историю славных достижений. Внутренние и внешние враги бросают вызов этому основополагающему представлению. Следовательно, надо защищаться от таких нападений.

Риторическая презентация мифа должна создать для пропагандистских целей легко опознаваемые символы. Символы экономят когнитивную энергию, поскольку они, будучи самодостаточными репрезентациями содержания, не должны больше соизмеряться с реальным опытом. Символы связывают множество значений, логическая связь которых между собой не развернута. Наконец, символы функционируют в политической пропаганде как коммерческий бренд, который демонстрирует определенное эмоциональное содержание. Для героического образа истории в России есть целый ряд подобных символов. Так, уже несколько лет 9 мая, в День Победы, строем идут потомки солдат Красной Армии с портретами отцов и дедов, это «Бессмертный полк». Они превращают улицы столицы в море флагов⁴. Другой сюжет о памятном месте павшим солдатам в Кронштадте, где горит Вечный огонь. Святость этого места подчеркивается через контраст показа осквернения молодыми людьми мемориала. Сворачиваемые Западом, якобы в шутку они жарили над Вечным огнем сосиски⁵.

Тем временем на российском телевидении выработалось разделение труда. «Первый канал» подает себя как серьезный информационный канал. Вечерние новости все еще зачитываются в советском стиле. Кампании травли и дискредитации преимущественно происходят на других каналах.

³ Pippin R.B. Hollywood Westerns and American Myth. The importance of Howard. Hawks and John Ford for Political Philosophy. New Haven, London, 2010. P. 20.

⁴ Fedor J. Russlands „Unsterbliches Regiment“. Der Staat, die Gesellschaft und die Mobilisierung der Toten, in: OSTEUROPA. 5/2017. S. 61–85.

⁵ ЧП. Расследование. Падшие против павших. 29.05.2020. URL: <www.youtube.com/watch?v=dZ1ibzfwbs> (0:30).

Разумеется, и «Первый канал» представляет пропагандистский миф, но в смягченной форме. Канал «Россия 1» утвердился как место показа тенденциозных документальных фильмов и дискуссий «без пиджаков». Нападками на «Мемориал» прежде всего отличился НТВ. Между тем в российском медиаландшафте НТВ считается каналом жестким. Это тем более примечательно, поскольку НТВ в 1990-е отличала критическая и независимая повестка вещания¹.

Как бы то ни было, собственник Владимир Гусинский был арестован в 2000 г., незадолго до вступления Владимира Путина на пост президента, и его незаконным образом заставили продать свои доли в НТВ². С тех пор НТВ держится правительственного курса и борется на переднем фронте за консервативные ценности и интересы Кремля. Писатель Виктор Пелевин в романе «Generation P» (1999 г.) ввел понятие «черный пиар». Под этим подразумевается целенаправленное распространение негативной информации о персонах или содержательных вещах³. Цель черного пиара состоит непосредственно в дискредитации вражеской персоны и опосредованно в укреплении собственной позиции. Пиар-фирмы быстро подхватили это доходчивое определение и интегрировали его в свой пакет услуг⁴.

Существует ряд приемов для дискредитации отдельных персон и организаций, которые противостоят официальному образу истории. Пропаганда при этом должна быть громкой, быстрой, навязчивой и стереотипной. 4D-стратегии: *dismiss the critic* (обесценивание критики), *distort the facts* (переворачивание фактов), *distract from the issue* (отвлечение от проблемы), *dismay the audience* (шокирование публики). Отдельные средства отражают объективную реальность, но очень избирательно, и мало заботятся о логической консистентности⁵. Ниже мы сначала изложим суть каждого

инструмента в его риторической функции, а затем проясним это на примере их использования. Отдельные пиар-инструменты, которые в основном происходят из западных контекстов, мы даем на английском как *termini technici*.

Dead Cat

Метафора «дохлой кошки» восходит к избирательным кампаниям Бориса Джонсона 2008 и 2012 гг. за место мэра Лондона. Он объяснил свой успех следующей стратегией: когда во время ужина всплывает неудобная тема, достаточно «бросить на стол дохлую кошку». Все тут же начинают говорить о дохлой кошке, а прочие пункты обсуждения отходят на задний план. Дохлая кошка может принимать разные облики. Важно только, чтобы показанное шокировало, было тошнотворным и отталкивающим⁶.

Примером *Deadcatting* служит передача о правозащитнике и сотруднике «Мемориала» Юрии Дмитриеве, которая транслировалась 10 января 2017 г. по каналу «Россия 1». Дмитриев в 1997 г. обнаружил в Карелии в местном урочище Сандармох массовые захоронения множества жертв сталинского террора, позже он занимался реконструкцией и документацией этого преступления. В свете ползучей реабилитации Сталина в последние пять лет подобные исторические разыскания стали неудобной темой. Кремль долгое время держал осторожную дистанцию по отношению к кровавому тирану. В фильме Оливера Стоуна «Интервью Путина» (2017) Владимир Путин впервые предостерег от демонизации Сталина и сравнил историческую память о нем с исторической памятью в западных странах о диктаторах, таких как Наполеон и Кромвель.

Дмитриев был арестован на основании анонимного доноса в конце 2016 г. В его компьютере нашли фотографии его раздетой приемной дочери, которые он делал для медицинской документации. Дмитриева арестовывали несколько раз и наконец приговорили к 13 годам исправительной колонии⁷.

¹ Mickiewicz E. *Television, Power, and the Public in Russia*. Cambridge, 2008. P. 43.

² Schmid U. *Technologien der Seele. Vom Verfertigen der Wahrheit in der russischen Gegenwartskultur*. Berlin, 2015. S. 18.

³ Ledeneva A. *How Russia Really Works. The Informal Practices That Shaped Post-Soviet. Politics and Business*. Ithaca, London, 2006. P. 28–50.

⁴ Гугнин А. Русский черный пиар // *Humanities and Social Sciences*. 24/2017. P. 75–84. P. 76.

⁵ Paul C., Matthews M. *Defending against Russian Propaganda*. In: Paul Baines, Nicholas O'Shaunessy, Nancy Snow (Hg.): *The SAGE Handbook of Propaganda*. London, 2020. P. 286–302. P. 288–290.

⁶ Cowley Ph., Kavanagh D. *The British General Election of 2015*. Basingstoke, 2016. P. 178.

⁷ *Der Fall Jurij Dmitriev*. Eine Dokumentation, in: OSTEUROPA, 12/2019. S. 71–75. — *Sergej Lebedev: Das Zeugnis der Toten*. Jurij Dmitriev, Wanderer im Archipel, in: OSTEUROPA, 9–10/2017. S. 3–15.

Передача на «Россия 1» длится почти 14 минут. Якобы порнографические фотографии девочки в ней показывают 4 раза, при этом камера, меняя расстояние, драматически движется по линии затемненных половых признаков. Комментатор в первом кадре сразу же задает модальность восприятия: «По понятным причинам мы не можем показать эти фотографии без затемнения, но они не могут вызвать у здорового человека ничего, кроме отвращения или, возможно, сочувствия»¹. Многократно показанные фотографии нагой девочки выполняют функцию дохлой кошки. Настоящая тема — критика Дмитриевым советской спецслужбы НКВД и официальной политики памяти сегодня — спрятана за сильно воздействующую образность, которая навязчиво сталкивает зрителя с шокирующей темой детской порнографии.

Rotten Fish

Излюбленная техника дискредитации в черном пиаре — «бросить в лицо тухлую рыбу». Даже если обвинения не подкреплены свидетельствами, к получившему ее пристанет определенный запах. В программе о Дмитриеве комментатор бросает в лицо обвиняемому «три тухлых рыбы». Он говорит как бы из ниоткуда, в то время как Дмитриева показывают закованным в наручники:

«Курсировали слухи, что Дмитриев выложил фотографии в Интернет, точнее — в полностью анонимный даркнет, где такие фотографии пользуются большой популярностью у платежеспособных педофилов. Хотя эти слухи и не подтвердились, но выяснилось, что Дмитриев после развода с женой оставил собственных детей и вместо этого очень плотно занялся своей приемной дочерью»².

Упоминание слуха о том, что Дмитриев предложил в даркнете фотографии для продажи, выполняет здесь исключительно функцию тухлой рыбы. Если эта информация, как замечает комментатор, фальшива, нет никакой другой причины это вообще произносить.

Вторая тухлая рыба — личная информация о распаде брака Дмитриева, которая сводится к его собственным детям. Третья в

конечном счете сводится к логическому утверждению, что Дмитриев педофил.

Чеховское ружье

Сделанное Антоном Чеховым замечание: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать» — стало знаменитым.

Инкриминированные Дмитриеву фотографии приемной дочери могут быть интерпретированы и в этом аспекте. В короткой врезке к сюжету на мгновение показывают первую фотографию обнаженной девочки. В конце всплывает та же фотография в комбинации со сценой из суда над Владимиром Буковским. Бывший советский диссидент также, мол, сохранил порнографические детские фотографии в своем компьютере, а теперь утверждает, что ему их подsunул давно уже не существующий КГБ. Модератор добавляет иронично, что, вероятно, теперь и Дмитриев будет утверждать, что КГБ внедрил в его компьютер. Модератор продолжает: как бы абсурдны ни были подобные уловки, всегда найдется кто-то, кто им поверит. На этом сюжет заканчивается.

Псевдоэксперты

Излюбленный метод верификации показанного — задействовать мнимых экспертов. Чаще всего этих персон показывают с помощью дешевого включения по скайпу. Их профессии, обозначенные на врезке внизу кадра, простираются от «активиста», «адвоката» до «журналиста» или «политолога», вплоть до «историка». Но чаще всего это «блогер». Дополнительное подтверждение определенного нарратива, которое дает за кадром независимый голос, как бы должно повысить легитимность показанного.

В сюжете НТВ о «Мемориале» с программным названием «[морально] Падшие против павших [на войне]» широко используются такие псевдоэксперты. Так, адвокат Илья Ремесло выступает с критикой того, что Запад присваивает себе победу над гитлеровской Германией. Ведь ясно: «Кто владеет прошлым, владеет и настоящим»³. Правда, то, что эта банальность значима и для России, от внимания большинства зрителей ускользает. Как правило, псевдоэк-

¹ Virus 10.01.2017. URL: <www.vesti.ru/video/1617098> (1:00).

² Virus [см. 15], (1:40).

³ Падшие против павших [см. 7], (12:30).

сперты относятся к заядлым представителям близкой Кремлю политики. Кроме того, они часто бывают активны в деятельности по защите государства. Так, Ремесло был членом карманной Общественной палаты РФ. Он относится к наиболее активным критикам оппозиционного политика, борца с коррупцией и критика Путина Алексея Навального. В 2017 г. он создал сайт NavalnyLeaks, а в 2018-м донес в Роскомнадзор на сайт Навального «Умное голосование»¹.

Похожим образом высказывается о выставке «Мемориала» «Разные войны» «историк» Алексей Плотников (на выставке представлены западные книги по истории Второй мировой войны): «Эти учебники отвратительны. Они намеренно написаны так, чтобы совсем замолчать победы в Великой Отечественной войне или исказить их»².

С этим высказыванием соотносится и незадолго до того затронутая тема судьбы итальянских солдат, которые сражались в Советском Союзе на стороне вермахта. Комментатор саркастически добавляет: «Несчастливые жертвы, достойные нашего сочувствия»³.

False Dilemma

Ложная дилемма налицо, когда зрителю предлагаются только две опции оценки проблемы. Но обычно существует целый спектр других возможных оценок. Посредством редукции многослойной проблемы к ложной дилемме суждение зрителя можно направить в определенном направлении: легко совершаемая дискредитация одной опции заставляет видеть другую как вынужденное решение проблемы. Примером служит высказывание «блогера» Романа Романова, которым он поддерживает героизирующую официальную политику исторической памяти: «Важно понять, что Вторая мировая война, Великая Отечественная война провели четкую границу. Как можно действовать и как нельзя действовать. Кто преступник и кто справедливый хранитель истории»⁴.

Ложная дилемма состоит здесь в том, что Гитлер репрезентируется как абсолют-

ное зло. Каждый, кто борется с Гитлером, оправдан уже благодаря данному факту. Здесь это относится к Сталину, которого чествуют как победителя гитлеровской Германии.

Критика персоны красного диктатора выглядит в этой перспективе как предательство «исторической правды», которая после референдума 2020 г. записана в Конституцию как подлежащий охране объект права.

Reductio ad Hitlerum

Сравнение с Гитлером часто используется для дискредитации противника. Как провокационно утверждал публицист Майк Годвин, каждая онлайн-дискуссия рано или поздно приходит к сравнению с Гитлером (закон Годвина). Правда, большинство сравнений с Гитлером демонстрирует логическую ошибку, названную Леви-Строссом *Reductio ad Hitlerum*. Только потому, что Гитлер представлял определенный взгляд, этот взгляд не должен быть *per se* неприемлемым⁵. Логическая ошибка может быть продемонстрирована на простом примере. Первое утверждение звучит так: «Гитлер плохой». Второе предложение звучит: «Гитлер — защитник животных». Логическое заключение звучит: «Защита животных — плохое дело».

Reductio ad Hitlerum может рассчитывать в России на успех прежде всего у старшего поколения. Победа Советского Союза над гитлеровской Германией стабильно занимает первое место среди самых важных исторических событий XX в. В исследовании «Левада-центра» (сентябрь, 2020 г.) 89% опрошенных заявили, что испытывают гордость за победу в Великой Отечественной войне. На втором месте с большим отрывом следует «освоение космоса» (43%), а на третьем — «присоединение Крыма» (30%)⁶.

Передача НТВ о предполагаемой разрушительной деятельности правозащитной организации «Мемориал» делает большую ставку на *Reductio ad Hitlerum*. В передаче показывают молодых обвиняемых, которые на интернет-сайте «Бессмертный барак» выложили фотографии генерала Власова, Гимmlера, Геббельса или Гитлера. Цель этого веб-сайта состояла в том, что-

¹ Колисниченко П. Кто такой Илья Ремесло, который регистрирует слоган Навального «Прекрасная Россия будущего» на себя. 27.7.2021. URL: <<https://mbk-news.appspot.com/korotko/remeslo-registriruet/>>.

² Падшие против павших [см. 7], (24:00).

³ Virus [см. 15], (6:00).

⁴ Падшие против павших [см. 7], (11:00).

⁵ Strauss L. Natural Right and History. Chicago, 1953. P. 42.

⁶ Гордость и идентичность. 19.10.2020. URL: <www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>.

бы близкие могли выкладывать фотографии членов своих семей, которые боролись во время Второй мировой войны с нацистской Германией. В резком контрасте с этой виртуальной площадкой памяти возникает селфи-кадр, на котором один из молодых обвиняемых позирует с усами Гитлера на фоне флага ЛГБТ. В том же контексте показывается профиль в социальной сети другого молодого обвиняемого, в котором он определяет себя как «оппозиционера» или сторонника Навального.

«Блогер» Роман Романов разъясняет политическую подоплеку виртуального оскорбления памяти защитников родины: «Надо понимать, что все эти люди в основном являются сторонниками либеральных идей». Сразу вслед за этим комментатор говорит за кадром, когда сначала показывают салютующего Гитлера, а затем проезжающий мимо советский танк: «Как недорого стоит стереть границу между нацизмом и героизмом». *Reductio ad Hitlerum* заключается здесь в том, что любая отличающаяся от официальной точка зрения на действия Советской армии во Второй мировой войне расценивается как «фашистские» симпатии. Далее «эксперт» Илья Ремесло излагает, что молодые люди, выложившие на сайте «Бессмертного барака» нацистских деятелей, симпатизируют Алексею Навальному. Затем из сюжета следует, что Навальный и его сотрудники, так же как правозащитная организация «Мемориал», находятся под влиянием «зарубежных кураторов»¹.

Ложное логическое заключение, которое предлагается зрителю, звучит так: юные правонарушители выложили фотографии нацистских деятелей и коллаборационистов на сайте «Бессмертный барак». Одновременно с этим они симпатизируют деятельности Алексея Навального. С применением *Reductio ad Hitlerum* это означает: симпатизирующий Навальному — нацист.

White Jamming

Иногда утверждения псевдоэкспертов переходят в так называемый белый шум². Под этим подразумевается информационный шум, который сводит на нет все отличающиеся способы рассмотрения про-

¹ Падшие против павших [см. 7], (7:30–10:00).

² Термин введен Василием Гатовым. *Pomerantsev P.*: This is not propaganda. Adventures in the war against reality. New York, 2019. P. 49.

блемы. При этом передается большое количество различной информации, которая релятивизирует каждую изложенную деталь, в том числе и ту информацию, которая это прикрывает. *White Jamming* функционирует, по сути, как *DDoS*-атака. Отдельными пакетами данных бомбардируются не определенные серверы, а публика, на которую нужно повлиять. То, что некоторые высказывания абсурдны или бессмысленны, не играет роли. Решающим является только чистое множество выданной информации, которая подбрасывается публике на различных каналах.

НТВ использует эту технику в программе от 15 ноября 2021 г. о выдвинутом Генеральной прокуратурой запрете правозащитной организации «Международный Мемориал». Тут вступает верный генеральной линии журналист Артур Гаспарян: «Разумеется, теперь из этих кругов приходит обычная вонючая бурда типа “Je suis Memorial”. [...] Если кто-то вроде “Мемориала” вел бы себя в США, эти люди были бы уже за решеткой. Американцы не шутят, когда речь идет о соблюдении их законов. Так же как немцы, и англичане, и французы»³.

Гаспарян принадлежит к истеблишменту нового консерватизма. Он заседает в центральном совете могущественного Российского военно-исторического общества, которое на государственные деньги определяет историческую политику нынешней России. Он — руководитель во влиятельном информационном агентстве «Россия сегодня». Его очевидная некомпетентность при оценке западной правовой системы — это не просто персональный дефицит. То, чем потчует здесь Гаспарян, очевидно, относится к сценарию, который задает «эксперту» отправные точки (*Talking points*). Так, уже в передаче НТВ 29 мая 2020 г. историк Алексей Плотников заявлял: «Если бы похожая организация [в США] делала бы то, что она делает у нас, она сразу бы была запрещена и закрыта. Ее члены были бы объявлены врагами американского государства — я заверяю вас, — они получили бы конкретные жесткие сроки заключения»⁴.

³ Skandal вокруг Memoriala. Mit deutschen Untertiteln: URL: <https://zeitschrift-osteuropa.de/blog/hetzkampagne_gegen_memorial_dokumentation/> (0:24–0:51).

⁴ Падшие против павших (13:00).

Chewbacca Defense

В 14-й серии второго сезона «Южно-го парка», которую показывали 7 октября 1998 г., есть известная пародия на защиту О.Дж. Симпсона перед судом присяжных. Защитник Симпсона выступил в «Южном парке» с такой речью:

«Леди и джентльмены, Чубакка* — это вуки с планеты Кашиик, но Чубакка живет на планете Эндора. Подумайте об этом, в этом нет смысла! С чего бы вуки ростом два с половиной метра жить на Эндоре с 60-сантиметровыми эвоками? В этом нет смысла! Но что еще более важно, вы должны спросить себя, а при чем тут данное дело? Да ни при чем, леди и джентльмены, это не имеет никакого отношения к данному делу. В этом нет никакого смысла! [...] Нет, в этом нет смысла! Итак, леди и джентльмены, если Чубакка живет на Эндоре, вы обязаны вынести оправдательный приговор!»¹

Защита Чубакки используется в программе НТВ «Падшие против павших» о «Мемориале». В эпизоде о выставке «Разные войны» сначала показывают многолетнего председателя «Мемориала» Арсения Рогинского, умершего в 2017 г. Он говорит, что в европейских странах существуют совсем разные исторические нарративы о Второй мировой войне. Потом камера движется по письменному столу, на котором лежат книги по истории многих наций. Из одной из этих книг дается кадр с известной карикатурой Дэвида Лоу о пакте Сталина и Гитлера. Сразу за этим следует фотография времен блокады Ленинграда, которой, как саркастически замечает комментатор сюжета, «может, вообще и не было». Затем он продолжает в том же тоне: «Советский Союз оккупировал Европу»².

В этом конкретном случае речь идет о том, чтобы отодвинуть на задний план сколь бесспорный, столь и неудобный факт сговора коричневой и красной диктатур 1939–1941 гг. В этом эпизоде различные аргументы приводятся в сомнительной и мнимой логике. Смещение корректных, абсурдных и тенденциозных высказываний инсинуирует, будто официальная историческая политика есть единственный допустимый нарратив.

¹ *Чубакка — персонаж «Звездных войн», который вместо разговоров все время воет. *Arp R. The Chewbacca Defense: A South Park Logic Lesson*, in: *Arp R. (Hg.): South Park and philosophy. You know, I learned something today*. Malden, 2007. P. 40–53.

² Virus [см. Fn. 15], (6:00).

Моральная недостойность пакта Гитлера — Сталина релятивизируется фальшивой информацией, что, может быть, блокады Ленинграда вообще не было. Серия аргументов завершается ироничным комментарием о том, что Советский Союз «оккупировал» Европу — с точки зрения программы речь, естественно, идет об освобождении.

То, что для жертв пакта Гитлера — Сталина, например балтийских республик и Польши, существовали «разные войны» и что национальная память о Второй мировой войне, соответственно, отличается для одних и других, очевидно. Против этого неперенного понимания в медийной кампании можно применить лишь словоблудие *Защиты Чубакки*. Аргументы сюжета бессвязно скачут от исторических фактов к фейкам, а затем переходят в пропагандистский дискурс. А у ошарашенного зрителя остается впечатление, что выставка «Мемориала» о «различных» войнах недопустимым образом релятивизирует героическую «Великую Отечественную войну».

Think of the children!

Предполагаемая защита детей представляет одну из самых действенных стратегий эмоционального воздействия в политической риторике. «Подумайте о детях!» — это аргумент, который может быть вброшен в любую дискуссию и вызвать моральную панику. Действенность этого приема заключается в том, что никто не решается ставить под сомнение, что дети достойны защиты, даже если в конкретном случае защита не нужна. Фраза *Think of the children!* происходит из диснеевского фильма «Мэри Поппинс» (1964 г.). В нем расстроенная мать высказывает этот аргумент няне, которая только что уволилась. Популярным выражение стало благодаря пресловутой болтунье Элен Лавджой из мультфильма «Симпсоны», которая в критических ситуациях восклицает: «О, подумайте же, пожалуйста, о детях!» (*Oh, won't somebody please think of the children!*). Наконец, в американской публицистике появляется определение в качестве морального аргумента о детях «Закон Лавджой» (*Lovejoy's law*)³.

В репрессивной политике Кремля этот аргумент входит в широкое употребление,

³ *Keenan E.* „Won't somebody please think of the children!“ The Simpsons has taught us not to trust anyone who stoops to use the corruptibility of children to advance a political argument. *The Toronto Star*, 26.4.2014. P. 2.

самое позднее с введения Закона о гомосексуальной пропаганде в 2013 г. При наличии несовершеннолетних детей гомосексуалы больше не могут быть представлены в позитивном свете. Поскольку при любом публичном поводе едва ли можно отрицать присутствие несовершеннолетних, этот закон подобен введению общего табу на гомосексуальность¹.

В ходе дискредитации «Мемориала» государственным медиа ничего не стоит применить аргумент о детях и против бросающих вызов официальной политике памяти. В сюжете НТВ речь идет и о конкурсе школьников по истории. Комментатор показывает договор о сотрудничестве «Мемориала» с фондом «Память. Ответственность и будущее», который предполагает грант в 30 тысяч евро. Грант должен быть использован, «чтобы поддержать детей». Диктор злобно добавляет: «Или, точнее, чтобы привить ученикам западные взгляды на русскую историю»². Комментатор дважды использует в этом сюжете понятие «промывка мозгов». «Эксперт» Алексей Плотников добавляет: «[марионеточная оппозиция Запада] пытается любыми способами показать подрастающему поколению, что наша страна плохая, варварская, дикая и нецивилизованная. Таким путем хотят привлечь “граждан”, которые не хотят нашей стране ничего хорошего»³.

Подразумевается, что только правительство России «думает о детях», в то время как «Мемориал» подрывает основы общества своими историко-дидактическими инициативами.

Whataboutism

Понятие *Whataboutism* (букв. Какнасчетизм) именуется риторическую стратегию отвлечения, благодаря которой собственное неверное поведение релятивизируется посредством указания на чужое неверное поведение. Это было распространенной стратегией еще в Советском Союзе. Так, например, сложное положение советских евреев парировалось указанием на тяжелые условия жизни черных в США⁴.

¹ Spektralanalyse. Homosexualität und ihre Feinde. Berlin, 2013 [= OSTEUROPA, 10/2013].

² Падшие против павших [см. 7], (14:00).

³ Падшие против павших [см. 7], (26:00).

⁴ Lucas E. The New Cold War. How the Kremlin menaces both Russia and the West. London, 2009. P. 307.

Уже при введении закона об «иностранных агентах» в 2012 г. критика часто отвергалась указанием на похожую обязанность регистрации в США. Позже добавились оправдательные аргументы, которые обращали внимание на ограничения вещания российских медиа на Западе. В июне 2021 г. пресс-секретарь Министерства иностранных дел Мария Захарова заявила, что надо сражаться тем же оружием, и выступила в защиту действий России против законодательных предложений в Великобритании и Австралии⁵.

Dog Whistle

Собачий свисток — риторический инструмент, с помощью которого некорректные политические послания распространяются с неслышной для широких кругов слушателей высотой звука. Он действует на тех воспринимающих его, которые готовы слышать, в сущности, возмутительные в общественном смысле послания. Как и у собак, проблематика послания не подвергается критической рефлексии. Они следуют за свистком⁶.

Зачастую таким *собачьим свистком* вносятся националистическое содержание. В сюжете НТВ об исторической политике нападают на одну московскую учительницу истории, Тамару Эйдельман. В коротком эпизоде на 2 минуты она дважды называется полным именем. Под прицел комментатора попадает «очень странная тема» одного из ее докладов. Она рассказывает о мятежах отдельных оппозиционеров против государства в различных исторических контекстах.

Прямо после эпизода о Тамаре Эйдельман комментатор еще раз обращается к саботажу виртуальной акции «Бессмертный барак». Одного из обвиняемых зовут Мухаммед Аль-Аюби, и именно он выложил на сайт фотографию Гитлера. Далее перечисляются другие обвиняемые по этому делу с русскими именами.

Red Herring

Выражение «*Красная селедка*» предположительно восходит к технике охоты, с которой конкурирующие между собой охотники отвлекают собак от правильного следа сле-

⁵ М. Захарова опровергла сообщения об ограничении прав СМИ-иноагентов в России. Ntv.ru, 03.06.2021.

⁶ López I.H. Dog Whistle Politics. How coded racial appeals have reinvented racism and wrecked the middle class. Oxford, 2014. P. 4.

дом, оставшимся от проташенной селедки¹. Медийная техника *Красная селедка* находит широкое употребление, когда должны быть дискредитированы определенные персоны или позиции. С помощью *Красной селедки* происходит отвлечение от линии аргументации, и в дискурс вступает чуждый содержанию элемент. Так, например, в одном сюжете НТВ от 19 января 2018 г. шельмуют одного из организаторов школьного конкурса по советской истории, эксперта по образованию Исаака Фрумкина из московской Высшей школы экономики. Сначала комментатор критикует Фрумкина за недостаток патриотизма. Далее следуют кадры, снятые скрытой камерой, показывающие его с более молодым мужчиной в гомосексуальной любовной сцене. Съемки, как говорит комментатор, «всплыли в Интернете»². Кадры частной дискредитации Фрумкина имплицитно обесценивают и его историко-образовательную позицию.

Невидимая пропаганда и власть смотрения (Viewing Power)

Российские государственные и близкие к ним медиа с техническим мастерством используют набор инструментов дискредитации. В легко варьирующиеся контексты вновь и вновь задействуют отдельные части декорации. Благодаря этому для зрителей становятся привычными основные аргументы. В конечном счете все приемы служат подтверждению основополагающих пропагандистских мифов: Россия — сильная страна с героическим прошлым, которая вынуждена защищаться от злобных нападок Запада.

Насколько успешна такая медийная дискредитация правозащитных организаций в России? На этот вопрос сложно ответить. Правда, есть качественное исследование 2002 г., давшее на различных фокус-группах сведения о потреблении телевидения. Разумеется, тогдашняя медийная система еще не развила такое разделение труда, как сегодня, но основные установки зрителей с тех пор мало изменились. Эллен Мицкевич говорит о *Viewing Power* российских потребителей медиа. Она при этом имеет в виду самовольное присвоение властных полномочий потребителями российских медиа, которое отмечено глубоким недо-

верием медиа. Такой навык позволяет зрителям судить о потребляемых программах, сравнивая их. Точкой опоры для сравнения служит программа «Время» на «Первом канале», определяющая предпонимание политических событий. Другие медийные содержания, в зависимости от соответствующего канала, как бы сопоставляются с этим предпониманием. Правда, Мицкевич указывает на то, что каждая общественная когорта претендует на развитые когнитивные навыки, одновременно отказывая в критическом восприятии информации группе, которая стоит на ступеньку ниже ее на лестнице социального престижа. Так, молодые представители (столичной) интеллигенции утверждают, что могут, в отличие от поколения своих родителей, правильно ранжировать медийные содержания. Последние, в свою очередь, подчеркивают, что у них есть критический взгляд на медиа, тогда как в случае жителей провинциальных городов это не так. Наконец, жители провинциальных городов так же приписывают себе эту способность, тогда как на сельское население легко повлиять³. Кроме того, техники медийной дискредитации наблюдаются на фоне публичного невежества или равнодушия. Репрезентативный опрос «Левада-центра», проведенный 3 декабря 2021 г., показывает, что 70% опрошенных никогда ничего не слышали о «Мемориале», а в возрастной группе 18–24-летних — даже 84%. При этом 58% тех, кто знает о «Мемориале», поддерживают деятельность правозащитной организации. Высокая доля (30%) не имеет мнения по поводу объявленного запрета «Мемориала»⁴.

Используемые близкими к власти медиа техники дискредитации действуют подспудно. Транслируемые пропагандистские содержания как таковые не опознаваемы. Необходима значительная медийная компетенция, чтобы критически судить о выборе и переплетении транслируемой информации. Впрочем, слепота к влиянию пропаганды у зрителей как раз стимулируется приписыванием себе медийной компетенции.

«Общественность» в понимании Хабермаса с трудом может утвердиться в такой ситуации.

³ Mickiewicz El., Television [см. Fn. 8], P. 179, 193.

⁴ Общественное мнение о ликвидации Мемориала. 03.12.2021, URL: <www.levada.ru/2021/12/03/obshhestvennoe-mnenie-o-likvidatsii-memoriala/>.

¹ Van Fleet J.E.: Informal logical fallacies. A brief guide. London, 2021. P. 34.

² Падшие против павших [см. 7], (15:00).

Лев ГУДКОВ

«Национальный лидер»: квазидиагноз массового сознания

Льстивые, как всегда, крики и рукоплескания толпы были преувеличенно громки и неискренни. <...> Стараясь превзойти друг друга, все наперебой желали Отону удачи и призывали на него благословения богов, не из страха или особой преданности, а как бы наслаждаясь собственным пресмыкательством...

Тацит¹

Предварительные замечания

Этот текст был закончен перед самым началом войны В. Путина с Украиной. На фоне последних событий, антивоенных протестов и массы антипутинских блогов в соцсетях, включая попытки психоанализа личности президента, он кажется запоздавшим. Вероятность того, что военная авантюра закончится провалом и крахом экономики России, социальной катастрофой, быстро повышается. Но, даже если эти события завершатся политической смертью Путина, все равно рано или поздно придется разбираться с особенностями политической культуры России, которые ведут к персонификации власти. Сведение интерпретаций к темной проблеме «авторитарного режима» может удовлетворить разве что «пикейных жилетов» и политологов.

Сам титул «национальный лидер» по отношению к Путину был преподнесен придворными подхалимами на съезде «Единой России» 7 ноября 2007 г. Он должен был закрепить особый статус Путина после планируемой на следующий год рокировки с Д. Медведевым, обеспечить сохранение у него реальной власти и высшего авторитета в структуре политической номенклатуры после формального ухода с поста президента. Идеологической основой «нацлидерства» стали тезисы выступления Путина на мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г., где он представил свою доктрину антизападной российской политики. Начиная с этого времени, выражение «национальный лидер» стало появляться в окологремлевских СМИ и пропаганде и

жить собственной жизнью новообретенного символа суверенной, не ограниченной какими-либо конституционными и правовыми рамками власти. Постепенно комплекс представлений «национальный лидер» был принят лояльной к власти частью российского общества.

Понятия «лидер», «вождь», «фюрер», «дуче», «каудильо» для обозначения персонифицированной власти диктатора, независимой от других институциональных образований, являются одними из центральных в парадигме тоталитаризма. При привязанности любых текущих дискуссий (как сторонников режима, так и противников) о политических событиях в России к фигуре Путина отсутствует какой бы то ни было содержательный анализ его образа и роли, функций в социально-политической системе.

О восстановлении в России тоталитарной системы можно судить по целому ряду произошедших за последние 20 лет институциональных изменений. К ним относятся:

— фактическая ликвидация правовых (конституционных) оснований государства и обретение полного суверенитета власти по отношению к обществу;

— трансформация самой организации власти (ее самовоспроизводство, превращение выборов в фикцию);

— доминирование политической полиции в вопросах кадрового назначения, идеологического надзора, ее влияние на полити-

¹ К. Тацит. История // Историки античности. Т. 2. Древний Рим. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 245.

ческий курс руководства страны, произвол и репрессии;

— полная зависимость судов от администрации президента;

— превращение СМИ в мощную машину консервативной имперской пропаганды и насаждения антилиберальной и антизападной идеологии, восстановление идеологической цензуры в СМИ и Интернете, уничтожение альтернативной или независимой публицистики и системы коммуникаций в обществе;

— постепенное оформление единой и общеобязательной идеологии — «государственного патриотизма», включая обоснование защиты «традиционных ценностей», отказ от моральных и правовых оценок преступлений, совершенных Советским государством¹, реабилитация советского прошлого;

— установление, исходя из этой идеологии, контроля над сферами образования, культуры, науки, искусства, религии, деятельностью организаций гражданского общества, морали;

— расширение зоны репрессий и рост интенсивности полицейского насилия;

— контроль над ключевыми позициями в экономике и подчинения их целям и задачам режима, милитаризация политики и общества.

Многие из этих процессов были предметом описания и анализа в исследованиях «Левада-центра»². Но одна из составляющих «тоталитарного синдрома», как он сформулирован К. Фридрихом и З. Бжезинским, а именно феномен «вождя», по существу, оставался за рамками анализа³. Ю. Левада умер до того, как путинский режим полностью развернулся в своем своеобразии, но он успел отметить некоторые важнейшие моменты этих усилий по возвеличиванию

главы государства (феномен «наведенной харизмы», имитация «большого имперского стиля», особенности «доверия» к президенту и др.)⁴.

Задача этой статьи — раскрыть смысловые механизмы авторитетности действующего президента в общественном мнении. Недостаточно указать на его безальтернативность, физическое устранение любых его оппонентов и конкурентов. Поиски ее решения сводятся к возможностям объяснения соответствия типа человека, воплощаемого в коллективном образе В. Путина, массовым представлениям о власти, а значит, и российской социальной системе.

Основой для анализа служат материалы регулярных опросов общественного мнения, проводимых коллективом «Левада-центра» с начала 2000-х гг. по настоящее время. Мы постарались собрать все важнейшие результаты исследований, но, чтобы не загромождать текст таблицами, не затруднять рассмотрение проблемы, большую их часть вынесли в приложение.

Постановка проблемы: социальные изменения и смена человеческих типов во власти

Правление В. Путина — одно из самых продолжительных в новейшей истории России. Весьма вероятно, что оно продолжится и после 2024 г. Другими словами, он может оставаться у власти неопределенно долго, вплоть до физической смерти. Для сохранения его режима созданы все институциональные условия, закрепленные октроированным правом (принудительными изменениями в Конституции 2020 г.). Дольше, чем он, во главе государства находился лишь И. Сталин (26 лет, 1927–1953), при котором советский тоталитаризм приобрел свои классические формы и державному стилю которого Путин пытается подражать.

Как бы ни протестовало моральное и эстетическое чувство многих россиян по отношению к этой персоне, занимающей сегодня высшую позицию в иерархии государственной власти России, сам факт столь длительного господства требует социологического объяснения. В общем виде оно сводится к тому, что политика Путина, как и само его появление в высшем эшелоне власти, является консервативной реакцией на

¹ В нее входят следующие постулаты, мифы и идеологемы: «Россия как Великая держава», милитаризм, «особый путь», «православие» и производное от них обоснование неприятия политики приоритетности «прав человека», пересмотр принципов сложившегося после Второй мировой войны межгосударственного порядка, учитывающего трагический опыт тоталитаризма и порожденных им войн.

² Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2012; Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. М.: НЛЮ, 2021. Т. 1 и 2.

³ Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2-ed., rev. by C.J. Friedrich. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1965; Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // ИБМ. 2001. № 5. С. 19–29; № 6. С. 20–29; опубликовано в кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. М.: НЛЮ, 2004.

⁴ Левада Ю. Ищем человека. М., 2006.

институциональные реформы 1990-х. Последовавшие после краха советского тоталитаризма социальные изменения воспринимаются массовым сознанием (примерно с середины 1990-х и до настоящего времени) как вынужденные, принудительные, неоправданные, приведшие к разрушению государства и падению жизненного уровня населения¹. Дискурс Путина, его риторика, образ действия отвечают как корпоративным интересам бюрократии, так и массовым потребностям российского общества в стабильности, стремлении выйти из состояния институциональной дезорганизации и аномии.

Концептуальными рамками подобной интерпретации могут быть любые версии и теории процессов рутинизации господства, начиная от социологии М. Вебера или «железного закона олигархии» Р. Михельса и заканчивая новейшими теориями революции и контрреволюционного «термидора». Мне ближе М. Вебер, чьи работы позволяют объяснять не только условия и обстоятельства прихода к власти таких деятелей, как Путин, но и условия сохранения ими позиций господства.

Устойчивость нынешнего режима держится не только на усилении влияния репрессивного аппарата, но и на способности власти добавлять новые значения в структуру собственной легитимности. Применительно к Путину эти изменения были малозаметными (с трудом фиксируемыми и сознаваемыми публицистами и обществом), но они происходят на всем протяжении существования режима, следуя за очередным кризисом. Каждому изменению легитимности (бюрократического обоснования и массового признания права на господство, авторитет или оправдания безальтернативной власти) предшествуют изменения в групповых интересах ближайшего окружения президента (его «штаба управления»), влияющих на механизмы массовой мобилизации и идеологического

¹ В октябре 1995 г. 53% опрошенных были согласны с тем, что «лучше бы все оставалось так, как было до 1985 г., до перестройки», не согласных с ними — 35%, в 2019–2020 гг. аналогичные мнения высказывали 47–48 и 39% соответственно. См.: Общественное мнение — 2020. М.: Левада-центр, 2020. С. 146. Табл. 19.3, далее сокр. — ОМ. На вопрос (сентябрь 2020 г.): «Как вы считаете, 90-е годы принесли стране больше хорошего или больше плохого?» — 62% отвечали «больше плохого», 19% — «больше хорошего».

обеспечения власти, со временем закрепляемые институционально.

Когда-то, очень давно, Ю.А. Левада в разговоре со мной сравнил советское общество с перевернутой пирамидой (поставленной на острую вершину). В сверхцентрализованной системе, которую последовательно выстраивал Путин и его сподвижники, отсутствует свободная политическая конкуренция, а значит, и представительство многообразных социальных интересов, идей и автономных интеллектуальных групп. Сфера публичной рефлексии стерилизована и подавлена, наука, искусство, экспертиза заняты обслуживанием власти, прежде всего сохранением контроля и обеспечением лояльности населения. Наверх (в том числе к структурам символической репрезентации социального целого — коллективного, национального) пропускаются, поднимаются и там оседают самые примитивные в культурном, ценностном и интеллектуальном плане представления и типы человека, несущие их. Если, как говорил Ю. Левада незадолго до смерти в одном из интервью, во главе государства стоит «питерская шпана»², то именно нормы этой среды будут задавать планку и тональность коллективным представлениям, навязываясь всем другим социальным группам, слоям и образованиям в качестве обязательных, принудительных определений реальности, неизменных компонентов структуры общественного двоемыслия.

Даже принимая во внимания институционализацию этих норм «понижения» и адаптации к «низости»³, все равно необходимо объяснить смысловую значимость и притягательность образцов подобного по-

² Юрий Левада. Московские петербуржцы. Чужие среди своих // Дело. 05.12.2005. — URL: <http://www.idelo.ru/401/12.html>. Перепечатано (09.11.2015): Коцюбинский Д. Юрий Левада: «Россией правит питерская шпана...» (2005 г.). — URL: <https://alexei-grunin.livejournal.com/415889.html>. Много позже руководитель Центра исследований идеологических процессов ИФ РАН А. Рубцов сравнил механизмы отрицательной селекции во власть с «мусоропроводом, обращенным вверх»: Рубцов А. Власть в России: люди, лифты, коридоры // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). — URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/vlast-v-rossii-lyudi-lifty-koridory>: «Если в ранний ельцинский период социальный, точнее, кадровый, лифт возносил на верхние этажи людей идейных, то при нынешней власти он действует скорее как восходящий мусоропровод. То есть поднимет исключительно тех, кто мало на что способен, зато не просто лоялен режиму, а лоялен истово и демонстративно».

³ «Применительно к подлости», если вспомнить знаменитое выражение М.Е. Салтыкова-Щедрина.

ведения. Чем-то они подкупают значительную часть людей. Не все может объясняться принуждением.

В более общем плане возвратное движение России обусловлено длительным состоянием подавления процессов структурно-функциональной и групповой дифференциации, уплощения социальной структуры общества, «социальной однородностью» как реализации одного из фундаментальных идеологических принципов социализма¹. Состояние общественной «плазмы», аморфности групповых различий стало следствием командно-директивной экономики и устройства тоталитарного социума, не допускавшего артикуляции и публичного представительства социально-групповых и личностных интересов, автономии различных общественных образований (классовых, сословных, цеховых, региональных, местных, отраслевых и т.п.). Искусственная однородность (одномерность, примитивность) преперестроечного советского общества могла уравниваться только вертикально выстроенной структурой власти, неизбежно стерилизовавшей любые импульсы морфологического разнообразия и самостоятельности².

Концептуальную рамку анализа циркуляции власти образуют следующие аспекты проблемы.

1. Какова система отбора во власть: идет ли речь о свободной политической конкуренции партийных лидеров и внепартийных демагогов за влияние и популярность (можно ли говорить о честных и прозрачных выборах) или действует закрытая система внутрикорпоративной и бюрократической кооптации во власть.

2. Каковы личные качества претендентов на высшую власть в государстве, идет

ли речь о «подлинной харизме» политиков, т.е. о массовом признании особых качеств политика (его идей, целей, дара вести за собой массы), или о каких-то иных «достоинствах» и качествах государственных руководителей, функционеров, признаваемых достаточными, необходимыми или терпимыми для получения этого статуса и роли; другими словами, каковы основания легитимности данного типа господства.

3. Каковы формы передачи властных полномочий (свободные и открытые выборы населением, выборы внутри правящей корпорации, клановые соглашения, назначение и аккламация преемника, заговор, переворот или захват власти и т.п.).

4. Какова политика правителя после прихода к власти — достигаются ли компромиссы с оппонентами, устанавливаются ли соглашения о разделении власти и сфер влияния или идет подавление и устранение конкурентов, уничтожение противников, не говоря уже о систематических репрессиях, терроре и т.п.

5. Каковы формы идеологического обоснования политики при смене власти, есть ли четко выраженная программа деятельности президента (которую он должен был бы обнародовать перед получением власти), насколько последовательно она выполняется.

Формирование консервативного социального порядка: редукция сложности общества

К концу 1990-х гг. массовое недовольство и разочарование результатами «демократических» реформ, последовавших после краха СССР, вылились в ожидание или даже призыв авторитарного лидера, способного вывести страну из продолжительного кризисного состояния экономики и социального порядка, падения жизненного уровня большей части населения. Будущий президент, по мнению большинства россиян, должен был вернуть уважение населения к стране и к себе, восстановив привычные формы национальной идентичности («авторитет Великой державы»³). Эти иллюзии и инфантильные социальные упования на то, что следующий, избранный народом, руководитель страны обеспечит стабильность,

¹ Оглядываясь назад и по-другому прочитывая результаты самого первого большого исследования, проведенного рабочей группой Ю. Левады в 1988 г. (Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под общей ред. Ю.А. Левады. М.: Прогресс, 1990), понимаешь, что уже тогда эта одномерность была существенной характеристикой ментальности общества, но для нас не слишком очевидной, значимость ее мы тогда недооценивали, слишком близко все это было. См. также: Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 95–125.

² Совсем свежий пример политики негативной селекции приводит А. Минкин в своей статье «Держиморды строят нам культурную казарму. О безумном проекте, который вот-вот станет мудрым законом» // МК. 2022. 12. февр. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/14/derzhimordy-stroyat-nam-kulturnuyu-kazarmu.html>.

³ Гудков Л. Структура и функции российского антиамериканизма / Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. М.: НЛО, 2021. Т. 1. С. 346–347.

предсказуемость, упорядоченность повседневной жизни, стали политическим капиталом доверия и поддержки Путина.

Раздражение по отношению к «разочаровавшим нас» демократам и реформаторам, агрессия и ненависть к прежним лидерам (Горбачеву, Ельцину и др.) способствовали распространению цинизма и ценностно-нормативного релятивизма, в свою очередь активировавших слежавшийся оппортунизм и опыт безнадежности и насилия, пронизывавших весь строй советской жизни. Подчеркну: утрата идеализма, веры в возможность другой жизни, иной модели отношений общества и государства, недовольство положением вещей стали фактором смиренного и покаянного сожаления об ушедшем Советском Союзе и о советской повседневности. Социальная действительность резко усложнилась, появились новые, непривычные, формы социального поведения и организации, сделавшие чересполосицу формальных и неформальных норм взаимодействия пространством постоянных конфликтов и напряжений, зоной моральной и правовой эрозии. Другими словами, затянувшаяся фаза социальной дезорганизации, неизбежная в процессах институциональной трансформации, провоцировала обращение массового сознания к самым «простым» способам объяснения происходящего, в качестве которых принимались лишь редуцированные до банальности стереотипы прошлой идеологии и модели человеческого поведения в ситуации «кухонной склоки»¹. Примитивизация сознания стала регулятивным принципом упорядочения картины реальности, принимая облик традиционалистской демагогии, антилиберализма, геополитики, глорификации военной мощи и имперского прошлого².

¹ Н. Зоркая показала, что в условиях распада институциональной системы основную нагрузку в процессах социокультурной репродукции принял на себя такой институт, как семья, обладающий весьма ограниченными ресурсами, а потому неизбежно ведущий к партикуляризму представлений и снижению потенциала генерализации ценностно-нормативных представлений или универсализации идей. Она опирается на работы Х. Шельски (*Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart*, 1960), который описывал и анализировал подобные же процессы в послевоенной Германии. См.: Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. № 3. С. 35–46.

² Сами по себе процессы реструктуризации политической и административной системы могли иметь место только при условии радикальной смены массовых настроений и ожиданий, которой должны были

Подобный имморализм лег в идеологическую основу путинского правления. В негативном виде этот ресурс (осадок представлений о лучшем будущем, оставшийся после краха надежд россиян на новую жизнь при «демократии», ориентаций на «жить, как в нормальных странах») режим (Путин и обслуживающая его команда) использовал для нейтрализации и дискредитации сторонников демократии и правового государства, а затем для формирования консервативного и репрессивного режима, подавляющего любые формы протеста, критики власти и проявлений массового недовольства положением дел в стране.

Появление в 2006–2007 гг. в выступлениях государственных деятелей антизападной (антилиберальной, антидемократической) риторики указывало на кардинальные перемены в институциональной структуре государства и его политики — постепенное утверждение полного суверенитета власти по отношению к обществу, а значит, готовность вводить чрезвычайные законы (такие, которые имеют оправдание лишь в самом акте их установления), разрывающие логическую, юридическую и смысловую преемственность с основополагающими правовыми принципами Конституции 1993 г.³ Убедительным свидетельством этих изменений стали ликвидация разделения властей, а значит, подчинение судов, прокуратуры и других репрессивных органов администрации президента, создание Росгвардии, предназначенной для подавления общественных движений, практика уничтожения НКО и других организаций гражданско-

использовать «демократы» ради поддержки своей политической программы. Но, в отличие от стран ЦВЕ и Балтии, в России демократы-реформаторы не сумели добиться необходимого доверия населения (или сохранить его после краха коммунистической системы). Хроническая неудовлетворенность потребительских интересов, вечный дефицит, бедность, неурядицы повседневной жизни большинства населения оборачивались смутными надеждами на перемены, утопическими иллюзиями, ожиданиями «честных и справедливых руководителей», могущих решить проблемы основной массы пассивного населения. Этот тип массового сознания (или воспроизводящаяся политическая культура) демотивировал участие в политике, подавлял субъективную ответственность за происходящее в стране. Политическое значение недовольства такого рода не имело дальних последствий, поскольку укладывалось в рамки государственного патернализма, резидуумов брежневского социализма.

³ Первые пробы такого рода политики — установление чрезвычайного положения, разрывающего правовое пространство и регулирование действий военных, СМИ и других институтов, — были предприняты уже в самом начале второй чеченской войны.

го общества и т.п. Навязывание идеологии «государственного патриотизма» (государственного патернализма, консервативной «модернизации», геополитических приоритетов), «политики стабилизации», защиты «традиционных духовных ценностей», почитания РПЦ и т.п.¹ было закреплено перелицованной в 2020 г. Конституцией и далее в подзаконных ведомственных инструкциях и распоряжениях, вошло, уже в негласном виде, в незаконные правоприменительные практики «правоохранительных органов» — в произвол полиции, судов, Следственного комитета и прокуратуры.

Следует учитывать, что репрессии, цензура, профилактика полицейского надзора² нацелены на физическое и психологическое подавление лишь относительно малочисленных категорий общества (их публичных акций, выступлений и оценок политики действующего руководства). Трезвый анализ удельного веса этих групп в общей массе населения не позволяет говорить о более чем 6–7% взрослого населения, хотя пассивная и иногда прислушивающаяся к ним среда недовольных нынешним режимом может захватывать в особых случаях еще 25–30% населения.

Но то, что антипутински настроенный контингент «либералов» составляет меньшинство, не означает, что две трети россиян являются активным пропутинским большинством. К числу приверженцев Путина (если исходить из результатов продолжительных и систематических социологических опросов общественного мнения) следует отнести не более 25–30% взрослого населения, этот массив сокращался с 2017 по 2021 г. (графики 1 и 2). Режим, если говорить о массовой поддержке, держится не на этих группах его сторонников (а значит, не на выраженном одобрении общественного мнения, пусть даже организованном и манипулируемом), а на соединении ограниченного множества лояльных сторонников власти с более широкими слоями населения, индифферентного к политике, и с практиками принуждения к покорности.

¹ Именно РПЦ; руководство исламских религиозных организаций, лояльных властям, это коснулось в гораздо меньшей степени.

² Включая и деятельность Минюста, Роскомнадзора, слежки в Интернете и соцсетях, разветвленной сети псевдообщественных организаций и стукачей-инициативников, депутатов-провокаторов, пригожинской фабрики троллей, SERB, НОД, «Антимай дана» и пр.

Благодаря деятельности СМИ, превращенных в органы почти тотальной пропаганды, в публичном, медийном, коммуникативном пространстве возникает мнимое большинство. Самим фактом своей репрезентации оно подавляет голоса протеста и недовольных, лишая их сознания апеллятивного «мы — народ», «наша воля — источник легитимности власти».

Иначе говоря, институциональная организации власти и общества задает коллективную идентичность лояльного меньшинства как «единство целого», определяя тем самым механизмы идентификации массы (как лояльных, так и равнодушных, отчужденных от политики) с главой государства как символической персонификацией социального порядка и общих ценностей.

Недовольные, не имея легальных и технических средств выразить собственную повестку и проблематику повседневного существования, выводятся за сцену, за рамки «действительности» и не признаются в качестве реальных субъектов общественной жизни, полноценных граждан, членов сообщества. Они лишены социальной субъектности³. В общественном мнении они — фрагментированные маргиналы, экстремисты, иноагенты, проводники «чуждого нам влияния», нарушители общественного порядка (консенсуса), даже в качестве одиночных пикетчиков. У них нет имени, которое позволяет признать их социальный, правовой и полноценный статус членов общества. Тем самым репрезентируемое общество стягивается, сокращается до размеров лояльного меньшинства, допускаемого к участию в показательных выборах и голосовании за разрешенные администрацией партии. Инсценируемое администрацией общество оказывается единственной публичной сценой, где разыгрывается спектакль под названием «национальный лидер»; оставшиеся за сценой, кулисами, декорациями — не люди, а разрозненные социальные тени, нищоброды, отщепенцы.

В качестве предварительных гипотез, объясняющих социальные функции персонажа «национальный лидер» и само такое положение вещей, примем три тезиса:

³ Поэтому В. Путин (как и его политтехнологическая обслуга и окружение) не может называть А. Навального по имени.

а) назначение В. Путина преемником Б. Ельцина стало катализатором процесса регенерации тоталитарных институтов, ликвидации демократических институтов и формированием организованного массового консервативного консенсуса. Хотя тренд на консервацию системы власти начал проявляться еще до появления Путина; процедура «преемник» («кооптации во власть») стала концом политического плюрализма и свободной конкуренции партий, независимости судебной системы, ограничения, а затем и подавления свободы слова и СМИ, уничтожения организаций гражданского общества. То, что эти события не вызвали сколько-нибудь заметного сопротивления в обществе, означает, что —

б) человеческий тип, олицетворяемый Путиным, соответствовал массовым ожиданиям, потребностям восстановления советской коллективной идентичности общества, пребывавшего длительное время в состоянии аномии, дезориентации и других негативных последствий распада советской системы;

в) Путин как человек не был готов к будущей социальной роли руководителя государства, ищущего выход из глубокого институционального кризиса, выдвигающего программу развития страны, преодоления ее прошлого. К началу своей карьеры (в статусе помощника А. Собчака) он был в лучшем случае тем, кого М. Вебер называл «политическим бюрократом», но не собственно политиком. Для подлинного политика (не говоря уже о масштабе большого государственного деятеля типа У. Черчилля, Ф. Рузвельта, К. Аденауэра или Е. Гайдара) он не обладал нужными качествами и способностями ни в человеческом, ни в интеллектуальном, ни в культурном плане.

То, чем он мог воспользоваться (и что он использовал), — это обращение к тривиальному наследию предшествующей перестройке эпохи брежневского застоя¹, причем как к ее официальному дискурсу, так и к ресурсам диссидентов: идеологии русского имперского национализма в сочета-

нии с православием и антизападничеством², а также к практикам разводов и провокаций КГБ, нелегальных операций, опыту криминальных группировок и соглашений органов с ними, дворцовых и межклановых интриг в сочетании с сильнейшей мотивацией частного обогащения любыми средствами (деньги как гарантия личного будущего в случае карьерного краха).

Циркуляция состава властных групп. Рутинизация господства (следуя М. Веберу)

Перестройка и крах СССР повлекли за собой постепенное оттеснение прежних функционеров, признание их общественностью недееспособными или негодными, несоответствующими занимаемым ими социальным позициям. На смену им пришли реформистски настроенные политики-дилетанты в союзе (временном) с ренегатами из прежней номенклатуры, сопровождаемые появлением в разных сферах предприимчивых активистов, чиновников с политическими амбициями и потенциалом, планами изменений («демократизации», рыночных реформ). В отличие от первых, чиновники обладали компетенцией и опытом в сфере управления. Распад советской администрации открыл доступ к ресурсам государственной власти для многочисленных авантюристов и предпринимателей (в том числе выходом на поверхность собственно криминальных элементов, вступающих во взаимовыгодные отношения с чиновниками и предпринимателями). В период между 1988 и 1998 гг. мы наблюдали появление и исчезновение политических игроков и постепенную смену бюрократических кадров: партийные функционеры разной генерации (сталинской, брежневской, номенклатуры застоя) постепенно уходят, убираемые конкурентами в борьбе за власть в высшем эшелоне руководства. Их позиции занимают молодые комсомольские карьеристы в сочетании с «новыми русскими» — реформаторами (радикалами из средних слоев научной, партийной, хозяйственной, силовой и идеологической номенклатуры), местные молодежные функционеры.

Начиная с середины 1990-х идеалистов-демократов, идеологов реформ постепенно

¹ Не случайно, что в массовом сознании период брежневского правления долгое время после 1991 г. считался лучшим временем в истории XX в. См.: ОМ-2016. С. 261–264. Табл. 29.45–29.53; ОМ-2020. С. 150. Табл. 19.8.

² Подготовленным такими идеологическими эклектиками, как А. Солженицын, А. Дугин, разработчиками из КГБ — ФСБ вроде титанов мысли из РИСИ и т.п.

оттесняли от власти представители новой генерации бюрократии среднего звена, сохраняющей деловые навыки технического решения социальных вопросов, повседневных практических задач массового управления и в то же время стремящейся к удержанию достигнутых позиций. Появление первых признаков этих процессов означало, что через очень короткое время политическая власть неизбежно должна будет вернуться к чиновникам (администраторам) и техническим исполнителям, поскольку именно они осуществляют непрерывное производство управления (реализацию господства).

Со своей стороны, интересы Ельцина и его окружения повлияли на то, что на поздней стадии закрепления новой системы власти (конец 1990-х — начало 2000-х) к высшему руководству начинают присоединяться «люди в погонах», «деклассированные» кагэбэшники, «чекисты» по своему образу мышления, держатели силовых ресурсов, утратившие в начале 1990-х институциональный статус и влиятельные позиции. Их опыт и ресурсы внеправового насилия (связи, практика использования криминала для своих частных целей) оказались пригодными и для других целей, что повлияло самым развращающим образом и на прочие силовые ведомства — полицию, следственный и судебный аппарат, армию и пр.¹ Грубо говоря, из власти первыми убирают Н. Травкина, Г. Бурбулиса, А. Казанника, С. Ковалева, В. Шейниса, Г. Старовойтову и др. Затем следует очередь Д. Якубовского, Б. Березовского, М. Виноградова, М. Гусинского, М. Ходорковского, К. Бендукидзе и им подобным, а их место занимают менее идеологизированные беспринципные фигуры, начиная с П. Авена, О. Мороза, П. Крашенинникова, А. Макарова и до К. Косачева, И. Яровой, А. Пушкова, П. Толстого, М. Симонян и бесчисленных других, им подобных, но не имеющих собственного имени.

¹ В. Волков описал эти социальные формы деятельности (использования присвоенных институциональных средств насилия в экономике, управлении, перераспределении собственности и государственных ресурсов) как «силовое предпринимательство», тесно сращенное с теневым бизнесом или с бизнесом, созданным авантюристами и предпринимателями «нового», «рыночного типа». Волков В.В. Силовое предпринимательство: XXI век, экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 4-е изд., 2020.

Процессы рутинизации структур господства (смена человеческих типов в системах окол властного взаимодействия) никоим образом не были связаны с результатами всеобщих выборов (т.е. с демократическими институтами). Ни в одном случае кадровый состав власти и исполнительной администрации не зависел от их проведения или исхода. Это не значит, что выборы не оказывали влияния на политический процесс. Оказывали и создавали идеологический фон (ресурс давления власти на общество и оппонентов власти) и задавали диспозиции внутри различных групп интересов.

Поражение секретарей обкомов и партийных функционеров в конце 1980-х, несомненно, произвело шоковое впечатление на советскую номенклатуру, парализовало ее, но не привело к радикальному обновлению кадров централизованной системы управления. Они, как и до того, в гораздо большей степени зависели от интересов более высоких инстанций.

Крах ГКЧП или расстрел ВС РСФСР в 1993 г. также не сопровождался новыми выборами и демократическими процедурами реорганизации власти, уничтожением КГБ, признанием преступного характера Советского государства, люстрациями, чисткой прежних, дискредитировавших себя кадров. Другими словами, критические события не вели к ликвидации тоталитарных институтов и образованию новых функциональных институтов — новой полиции, судебной системы, Следственного комитета и прокуратуры². А раз так, то сохранялись условия для регенерации или воспроизводства прежних институтов.

Учет инерции массовых представлений (институционально заданных и определенных) крайне важен для социологической интерпретации процессов социальных изменений, особенно в нынешней фазе политической инволюции. Управляемые (с середины 1990-х) выборы создавали фон политических трансформаций, но не оказывали решающего влияния на сами внутривластные комбинации и образование коалиций и группировок.

Но если выборы не являются решающим фактором приведения одаренных по-

² Лёзина Е.В. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. М.: НЛЮ, 2021.

литических деятелей к власти¹, то критерии отбора лиц и их персональных качеств при вхождении во власть будут радикально отличаться от того, что определено нормами демократии. И не только критерии отбора, но и формы их легитимации в качестве лидеров. Другими словами, аналитически следует различать принципы отбора потенциальных правителей и политиков и основания и формы их признания в качестве политических руководителей. Макс Вебер назвал подобные процедуры последующего (после овладения ключевыми позициями господства) признания «аккламацией», используя понятие древнегерманского права утверждения вождя на тингах посредством бурного общего одобрения дружиной или взрослыми членами общины.

Политика Ельцина в Чечне завела страну в тупик и окончательно дискредитировала в глазах населения саму идею реформ, проводимых демократами. Короткая и решительная война против сепаратистов должна была восстановить его авторитет на фоне глубокого трансформационного спада экономики и вооруженной конфронтации с консервативным ВС в 1993 г. Но эти планы, ничего общего не имеющие с демократией и правом, обернулись ускоренным падением его авторитета.

Неопределенность и противоречивость заявлений Путина о политическом курсе, который он намерен был проводить, и его поведение в первые два-три года после получения им власти стали поводом для массовых проекций самых разных общественных групп, отражающих надежды, запросы, комплексы, авторитарные иллюзии и ре-сентиментные переживания публики, от демократов до монархистов, от социальных низов до предпринимателей, чекистов и бю-

¹ Если выборы не являются механизмом отбора публичных демагогов — профсоюзных активистов, общественных деятелей, журналистов, руководителей партий или неформальных организаций и т.п., — то и уличная протестная активность быстро спадает, не достигая своего результата. Успешным подобное общественное движение может стать только при условии, что она будет опираться на упорядоченную селекцию кандидатов в политические лидеры, когда выигравшие выборы активисты становятся членами парламента, а парламент диктует соответствующие цели работы правительству. Парламент (в условиях правового государства) тогда становится школой воспитания и тренировки политических демагогов, т.е. обучения достижению власти в соответствии с фиксированными правилами и моральными нормами демократии и общественного контроля за поведением лиц, потенциально или фактически участвующих во власти.

рократии. Ретроспективно эту неоформленность политического целеполагания и идеологической программы раннего Путина можно связывать с отсутствием у него неформального «штаба» управления, верного лично ему, а не ельцинской команде. На создание подобной структуры управления ушло два-три года. Она предполагала не только определение ближайших исполнителей его приказов, узкого круга зависимых от него людей, купленных перспективами обогащения и привилегиями освобождения от любой (включая уголовную) ответственности, кроме как ответственности перед «хозяином», но и чистки и удаления из аппарата всех ненужных ему чиновников и идеологических советников.

Выбор президента Ельцина, когда встал вопрос о неизбежности его ухода и предстоящей досрочной передачи власти², пал на неизвестного общественности, непублично-го мелкого чиновника, канцелярского администратора. Его «безупречная», с точки зрения интересов «семьи» Ельцина, репутация (отсутствие заявленных собственных политических амбиций, которые могли расцениваться как угроза для ельцинского клана³) должны были гарантировать спокойную жизнь ближайшему окружению первого президента России и продолжение прежней политики реформ, что было крайне важно и заинтересованным группам новых обладателей финансовых и властных ресурсов⁴.

Именно с этого момента начинается стремительная карьера Путина: в 1996 г. его переводят в Москву, он занимает должность заместителя руководителя АП и уже в 1998-м назначается директором ФСБ, получает в свои руки ресурсы секретной политической полиции (и возможность уничтожения компрометирующих его материалов); с августа 1999 г. в качестве премьер-министра возглавляет правительство, чтобы всего через несколько месяцев оказаться и.о. президента РФ. Нужно было предпринять осо-

² Неизбежность ее была обусловлена полной утратой авторитета Б. Ельцина не столько среди населения, сколько в структурах власти, его недееспособностью.

³ Угрозы такого рода реальны при смене власти любых деспотических режимов. Ср. новейшие события в Казахстане и оттеснение клана Назарбаевых от власти и ключевых позиций в экономике.

⁴ Решающим соображением для Ельцина при выборе Путина, как утверждают биографы, стала «верность» — поведение последнего в отношении проигравшего выборы А. Собчака, против которого тогда же, сразу после выборов, было открыто уголовное дело.

бые, специальные усилия, чтобы создать из этой бесцветной фигуры образ «решительного политика, способного вывести страну из кризиса» и обеспечить восстановление самоуважения ее обывателей после всех потрясений 1990-х.

Вторая чеченская война и открывшиеся ресурсы нелегитимного насилия стали основой для создания репутации Путина как «борца с терроризмом».

Поводы для развертывания рекламно-пропагандистской кампании такого рода были в высшей степени сомнительными: серия взрывов и терактов в российских городах в 1999 г. (в которых подозревали участие ФСБ), рейд Ш. Басаева в Дагестане, раскрученные СМИ слова Путина «мочить в сортире»¹ стали катализатором его известности. Его популярность осенью того года стала общероссийской. Все социальные показатели настроений населения пошли вверх, хотя экономическое положение осталось тем же самым (график 1). Однако у людей появились надежды на выход из кризиса и предмет для восстановления идентичности с государством.

Семантика этого заявления была понятна населению: демонстрация силы и готовность ее использования для решения любых политических, социальных (этнонациональных, конфессиональных и т.п.) проблем. В сторону были отброшены соображения права и человечности. Тотальные бомбардировки Грозного (следствием которых стало полное уничтожение российского города) и обстрелы других чеченских селений не могли (по самой сути этих используемых средств) привести к ликвидации террористов. От них пострадало лишь гражданское население. То была не военная и не спецоперация, а демонстративные акции по устрашению мятежной республики.

Именно грубая сила, мстительность и блатной жаргон Путина привели в восторг и воодушевление значительную часть россий-

ского населения, надеявшегося на русский реванш после Хасавюртовских соглашений, казавшихся многим унижительными. Рецидив имперских настроений не мог вытеснить широко распространенное мнение о несправедливости чеченской войны, смешивался с ним, что производило сумятицу в умах населения, неспособного к моральным оценкам этих действий государства. Как и в советское время, этот аморализм парализовывал сознание ответственности за власть, но превращал население в коллективного заложника власти.

Примитивность мышления, стоящая за этой фразой, неприличная для государственного деятеля, напротив, оказалась вполне адекватна коллективной ментальности общества. Растерянность и непристойность поведения Путина, проявленные в ситуации катастрофы атомной подлодки «Курск», были (с некоторым трудом) учтены имиджмейкерами и привели к ряду институциональных изменений: зачистке информационного пространства и более умелой работе политической рекламы.

Непривычное к публичным дискуссиям и рефлексии массовое сознание в России не способно различать компетентность, опытность и склонность к использованию силовых методов.

Готовность к насилию была подана, воспринята и оценена как «решительность политика», его дееспособность². Сведение по-

¹ Из статьи в «Википедии» о Путине: «18 сентября границы Чечни были блокированы российскими войсками. 1 октября танковые подразделения российской армии со стороны Ставропольского края и Дагестана вошли на территорию Наурского и Шелковского районов Чечни. После авиаудара по Грозному Владимир Путин произнес получившую широкую известность фразу: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов». — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

² Много позже, в 2011-м, Путин, кокетничая, признавал, что форма выражения была неудачной, что не должен руководитель такого ранга так говорить, хотя, по сути, все было верно сказано. «Или помните, я вот ляпнул там по поводу того, что будем мочить там, где-то... Я приехал (где-то на выезде был) — в Питер прилетел в расстроенных чувствах, меня приятель спрашивает: “Ты чего такой грустный?” Я говорю: “Да, ляпнул чего-то, видимо некстати, и неприятно — не должен я, попав на такой уровень, так языком молоть, болтать”. Он говорит: “Ты знаешь, я вот сейчас в такси ехал, и таксист говорит: «Что-то там мужик какой-то появился, правильные вещи говорит»”. Но из этого я сразу сделал два вывода: во-первых, никогда нельзя задирать нос и считать, что каждый из нас — я на своем месте, вы — на своем... я был тогда премьером. Я премьер и считал, что уж меня все знают, я такой важный. А таксист говорит: “Там мужик какой-то правильные вещи говорит”. Во-вторых, он не знает, кто я такой: просто мужик какой-то. А во-вторых, то, что я ляпнул, — по форме, наверное, неправильно, а по сути — верно. Мне кажется, нужно поступать исходя из вот этих соображений — из соображений порядочности, прежде всего, и целесообразности (если вы, конечно, уверены, что действуете правильно)”. — Стенограмма беседы В.В. Путина с работниками ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» 15.07.2011; Путин рассказал, каким должен быть президент РФ, похвалил 10 лет своей власти и объяснился про «замочить в сортире» // NEWSru.com. 2011. 15 июля.

литики (как института) к «агрессивности», к безоговорочному использованию насилия (все равно для каких целей — борьбы с террористами или с коррупцией, своеволием чиновников, самостоятельностью предпринимателей, автономией регионов, перебежчиками и т.п.) в массовом сознании осозналась и воспринималась как наиболее характерные черты господства и свойства власти. Специфичность этого стиля коммуникации с обществом была осознана им и его клакерами и стала продуманной манерой отождествления «себя с народом», популистской игры и театральной смены масок от «своего парня» до верховного главнокомандующего и геополитического игрока¹. Как он заявил в послекрымском интервью 2016 г.: «Я должен быть таким, каким меня хочет видеть народ»².

Машина пропаганды, созданная к тому времени из ликвидированных независимых СМИ (НТВ, ОРТ и пр.), обеспечила ему ореол успешного политика (то, что Ю. Левада называл «наведенной харизмой»). Этот стиль демагогии и публичного поведения ВВП стал доминировать уже в ходе кампании «борьбы с олигархами» в первой половине 2000-х. Его публичный имидж стал включать, помимо успеха «уничтожения чеченских бандитов», доверие к нему, предполагающее, что он будет проводить политику социальной справедливости (в том числе обещание перераспределения собственности олигархов в пользу малоимущих). Под этими лозунгами прошла централизация управления (смысл которой не был понят населением, оно вкладывало другие значения в эти политические мероприятия Путина), отмена выборов губернаторов (против чего большинство россиян возражало), ликвидация федерализма (опять-таки под лозунгами борьбы с региональными баронами и устранения противоречий между

федеральными и региональными законодательствами) и другие мероприятия. Экономический рост 2003–2008 г. стал еще одним элементом путинской демагогии: он беззастенчиво приписывал себе положительные результаты экономических реформ, проведенных до него (списывая весь негатив «лихих девяностых» на демократов и реформаторов), и независимый от его действий стремительный рост государственных доходов от взлетевших цен на нефть и газ). Все это послужило базой последующей массовой поддержки, которая держалась до 2011–2013 г.

Для понимания механизмов и логики сохранения власти важно наличие уже сформированных структур и мобилизации, поскольку их идеологическое наполнение могло, может и должно меняться в зависимости от состава и характера меняющихся властных кланов, конъюнктуры и общественной ситуации внутри страны.

С середины 2000-х гг. режим приобрел однозначность, очевидную даже для либерально мыслящей общественности³. Ресурс массовой поддержки, полученной им, послужил на следующих стадиях эволюции российского режима для закрепления становящейся все более «суверенной» централизованной власти (по К. Шмитту, т.е. неконтролируемой, безответственной по отношению к обществу) и уничтожения условий для последующей и столь необходимой модернизации (= вестернизации) страны, превращения слабого и номинально правового государства в репрессивно-полицейское. Толчком для этого стали вступление балтийских стран в ЕС и НАТО⁴, «Революция роз» в Тбилиси и «Оранжевая революция» на Украине, целевые программы некоторых партий в этих странах, содержащие планы интеграции с Западом.

Идеологические основания для легитимации путинской власти и массовой мобилизации начали меняться: от «борьбы

¹ В. Путин: «На самом деле у меня же очень простая жизнь, она вся как на ладони». Цит. по: Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Оригинальная электронная версия текста книги с иллюстрациями, сопроводительными материалами, хроникой событий вокруг ее выхода в свет. Опубликовано 13 марта 2000 г. на сайте издательства «Вагриус». — URL: <http://www.vagrius.ru/html/books/putin/>.

² Правда, это признание было сделано в интервью иностранному журналисту Х. Зайпелю, для своих он не позволил бы себе раскрывать внутреннюю технологию игры на публику: см.: «Путин назвал страхи причиной негативного отношения Западу к нему» — Полит.ру от 08.10.2016. — URL: <http://polit.ru/news/2016/10/08/putin3/>.

³ Нежелание демократов принимать во внимание идущие изменения в поведении президента было очевидным не только в ситуации катастрофы «Курска», терактов на Дубровке, захвате ЮКОСа, НТВ, ОРТ, но и ясных по своим последствиям политических решений, таких как объявление административной реформы 2004 г. — ликвидации федерализма, региональных партий и местного самоуправления, или создания гигантских госкорпораций, установления политического контроля над экономикой.

⁴ Последовавших за приемом в эти структуры Польши и Чехии (1999 г.) и других стран ЦВЕ.

с терроризмом» Кремль и его СМИ переключились на «борьбу с цветными революциями», т.е. с Западом, провоцирующем «русофобию» в соседних странах¹, с «враждебными действиями США», «экспансией НАТО на восток», еще позже — с либерализмом, утверждением социального консерватизма и защиты «традиционных ценностей». Фокусом во всех этих случаях остается «враг», мобилизующая функция которого служит оправданием всех издержек авторитаризма, стагнации в экономике и прочих негативных последствий путинского правления.

Сегодня мы имеем дело с уже сложившимся к середине 2000-х идеологическим имиджем обладателя высшей власти в стране и его символической ролью в структуре массовой идентичности. На ранние пласты образа ВВП как главы государства наслонились новые, соответствующие интересам режима, не вытесняя предыдущие значения.

Образ Путина в опросах общественного мнения

Несмотря на ослабление популярности Путина и легитимности его власти в 2011–2013 и 2018–2021 гг., сомневаться в наличии значительного потенциала массовой поддержки и признании безальтернативности его власти не приходится, если оставаться на позициях профессионального исследователя. Даже после недавнего значительного снижения его рейтинга и размывания ядра его твердых сторонников (графики 1 и 2), нарастания недовольства им как руководителем государства (рост негативных мнений с 18 до 42%) значительная часть российских избирателей (а именно 47%) готова вновь голосовать за него в качестве президента на выборах после 2024 г.²

¹ «Русофобия» — смысловое образование, возникшее внутри российской правящей бюрократии, миф, порожденный ею и отражающий ее собственными комплексами неполноценности. В функциональном плане он чрезвычайно удобен в качестве эффективного средства для переброса негативных значений «себя» («мы») на значимого «Другого». Эта проекция становится условием и диалектическим основанием для разработки мотивации враждебных «Других» и оправдания собственных «защитных реакций», действий, ведущих в конечном счете к легитимации агрессивного и изоляционистского режима, каким в конце концов и стал путинизм.

² Преобладающее в 2012–2013 гг. нежелание видеть его на посту президента после «Крыма» поменялось на противоположное: соотношение разнородных мнений менялось от 0,85 или 0,7 в эти годы до 3,0 в 2014 г. и даже до 3,7 в 2017 г., но затем снизилось до 1,4–1,1

Пики позитивного восприятия Путина (восхищения, симпатии, отсутствие негатива), как уже не раз отмечалось, приходятся на военные кампании, которые проводит страна под его руководством, — начало второй чеченской войны, война с Грузией, присоединение Крыма. Максимумы негатива («ничего хорошего о нем сказать не могу», антипатия, отвращение) падают на периоды демобилизации и массовых протестов, всплесков общественного недовольства (2011–2013 гг.), усталости от ВВП в последние три года. Однако снижение аттрактивности его образа как образа политического лидера сказывается не столько в росте негативного отношения, сколько в распространении равнодушия и безразличия к нему.

Сочетание агрессивности (воспринимаемой как «решительность») и эксплуатации травмы поражения в первой чеченской войне дает исходный капитал массового признания, который закрепляется в мнениях о его «опытности как политика». Максимумы таких мнений приходятся на 2007 и 2011 гг. и весь посткрымский период. Именно в это время пропаганда предпринимает особые усилия для навязывания обществу мнения о том, что Путин — «национальный лидер»³. Доли ответов «он честный, порядочный человек» и «знает жизнь простых людей» (остаток мнений «он свой парень»), и до того собиравшие незначительное число голосов респондентов, снижаются до минимума (2–3%).

Динамика опросов показывает, как меняются мнения о его успехах (приложение, табл. 4–7). Удовлетворенность ростом уровня жизни и доходов населения — главное его достижение в первое десятилетие

в 2020–2021 гг. См. также: приложение, табл. 1–8, 28. Идеологическая и пропагандистская подготовка к войне с Украиной во второй половине 2021 г. (нагнетание напряженного ожидания войны с Украиной и НАТО, враждебность к Украине и западным странам в СМИ, политика непрерывного шантажа и угроз, вплоть до применения ядерного оружия к любым «недружественным» государствам) подняли путинский рейтинг, хотя рост был не столь значительным, как в 2014 г.: одобряли деятельность Путина на посту президента РФ в ноябре 2021 г. — 63%, в декабре — 65%, в январе 2022 г. — 69%, в феврале — 71%.

³ Или, как заявил в сентябре 2014 г. В. Володин: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России». Отождествление главы государства с национально-государственным целым означает признание конца электоральной демократии и представительской системы власти. Поэтому развитие мотивов или темы метафизики «Тысячелетней России» представляется вполне закономерным следствием ликвидации демократических начал государства и легитимации власти через фиктивное прошлое.

График 1

ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА (ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА) РОССИИ?

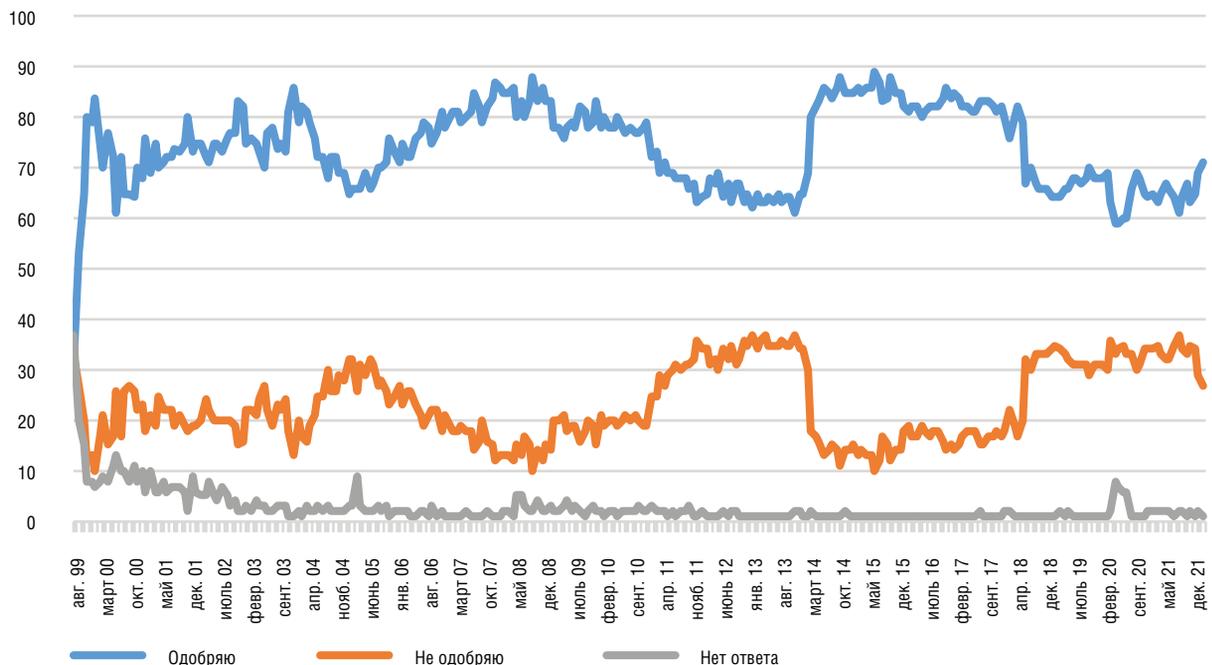

График 2

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5-6 ПОЛИТИКОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ*?

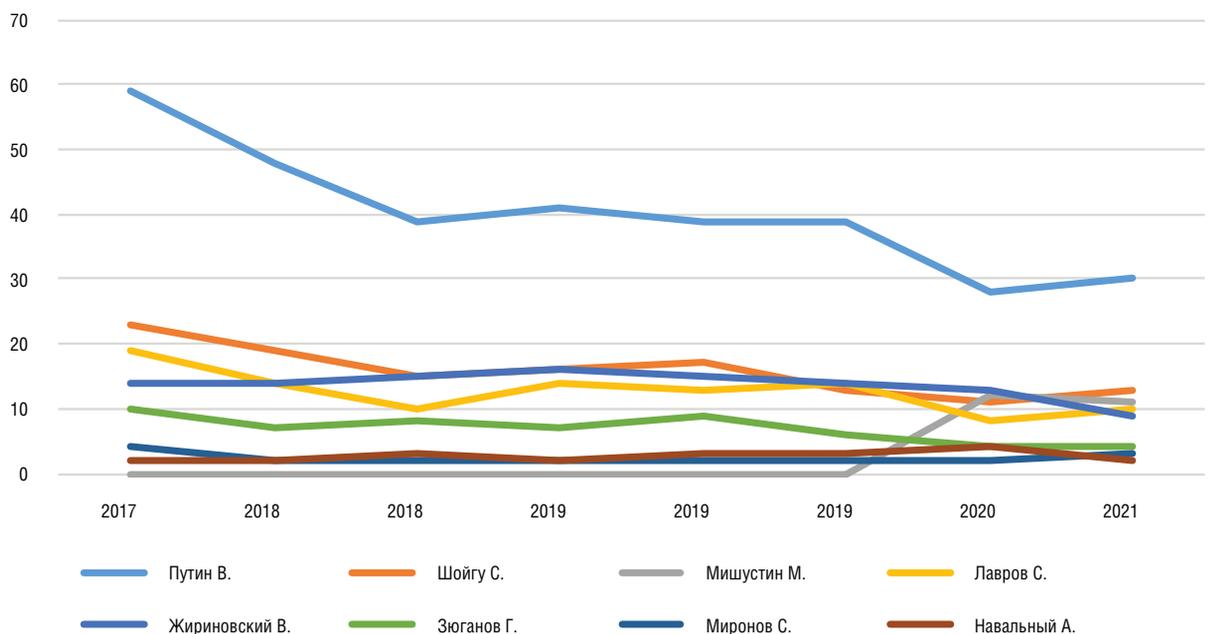

Таблица 1

КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ МОГЛИ БЫ ОБОЗНАЧИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ?

2000–2021 гг.	00 XI	02 XI	05 XI	08 III	11 X	13 III	14 III	15 III	16 VII	17 IV	19 X	20 III	21 IX
Восхищение	4	5	4	9	3	2	6	10	8	10	8	9	8
Симпатия	31	37	32	41	24	18	31	37	29	32	24	20	21
Не могу сказать о нем ничего плохого	36	37	36	34	33	30	29	30	31	27	30	27	27
Нейтральное, безразличное	11	9	11	10	17	22	15	10	17	17	15	16	16
Настороженное, выжидательное	11	6	5	2	7	10	6	5	4	6	8	9	7
Не могу сказать о нем ничего хорошего	4	3	8	3	8	8	7	3	6	4	8	8	9
Антипатия	1	1	2	1	2	5	2	2	2	3	3	5	4
Отвращение	<1	<1	1	<1	1	2	<1	1	1	1	3	3	6
Затруднились ответить	1	1	1	2	5	3	4	2	1	1	1	3	2
Сумма позитивных высказываний	71	79	72	84	60	50	66	77	68	69	62	56	56
Сумма негативных высказываний	17	11	16	7	18	25	16	16	11	15	22	25	26
+ / –	4,1	7,2	4,5	12	3,3	2,0	4,1	4,6	6,2	4,6	2,8	2,2	2,2

Респондентам предлагалась карточка, и они могли дать только один ответ.

правления с точки зрения интересов населения — снижается втрое с 2004 по 2017 г. (с 24 до 8%), надежды на стабильное экономическое развитие, возникшие в первой половине 2000-х гг. и укрепившиеся к 2008–2009 гг., в дальнейшем снижаются (с 18–21% в 2006–2009 гг. до 6–10% к концу 2010-х).

Не относятся к его достижениям решение проблемы коррупции государственного аппарата, снижение уровня преступности или создание благоприятной атмосферы (защиты частной собственности, стимулирования предпринимательства и инвестиций и т.п.). Ухудшаются отношения с другими странами, особенно с западными, более развитыми, являющимися условием развития самой России.

С 2017 г. наступает период разочарования и вынужденного терпения, нет уже прежнего оптимизма и веры в лучшее будущее, идет размывание оснований для доверия к персонифицированной власти, истощаются ресурсы «наведенной харизмы», созданной пропагандой. Однако наряду с этим у россиян растет чувство уверенности в том, что международный авторитет страны укрепился, что влияние ее в мире усилилось и это исключительно заслуга Путина (что означает важные изменения в символических акцентах его легитимности). Можно

также отметить распространение мнения об успешной модернизации армии и укреплении ее боеспособности (рост с 2 до 17%), а также некоторое успокоение относительно решения чеченской проблемы. Других заметных достижений за 20 лет население не видит. Такова инерция трансформированных представлений о решительности и опытности в защите авторитета России и ее интересов безопасности¹.

Главные провалы и неудачи (отсутствие достижений) те же, что и его мнимые успехи: отсутствие повышения уровня жизни (доля таких мнений вчетверо превышает долю «благодарных» респондентов) и экономического развития страны, провал борьбы с коррупцией, расширение базы олигархического господства. Тем не менее позитивные оценки его пребывания на посту президента вдвое превышают негативные. Можно по-разному интерпретировать это обстоятельство, но мы склоняемся к тому, что имеем дело с дифференциацией ответов, различиями мнений о деятельности Путина людей, принадлежащих к разным группам, по-разному оценивающих ход событий в стране. Мнения о нарастающих минусах и неудачах Путина (прило-

¹ Хотя в последние годы этот вопрос не задавался, можно уверенно предполагать, что тенденции этого рода сохранялись, особенно после острой негативной реакции на пенсионную реформу 2018 г. (см. график 1 о доверии и одобрении Путина).

Таблица 2

А) ЧТО ВАС ПРИВЛЕКАЕТ ВО ВЛАДИМИРЕ ПУТИНЕ?**Б) ЧЕМ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ ВЛАДИМИР ПУТИН?**

Привлекает	%	Не нравится	%
Решительный, мужественный, твердый, волевой, сильный, спокойный, смелый, четкий, уверенный в себе, настоящий мужик	19	Не заботится о людях, мало делает для людей, не знает, как живут люди, забыл о простых людях	15
Внешняя политика, защита от Запада, уважение в мире, не позволяет «вытирать ноги», поддержка армии, обеспечил престиж	18	Слишком мягкий к министрам, распустил министров, под властью своего окружения, не увольняет Медведева	10
Опытный политик, руководитель, сильный лидер, профессионал, компетентный	16	Не борется с коррупцией, развел вокруг себя воров	7
Умный, образованный, интеллигентный, культурный	15	Бедность, низкие зарплаты, люди бедно живут	6
Обаятельный, хорошо говорит, чувство юмора	9	Много говорит, мало делает, одни слова, не выполняет обещания, отшучивается, врет	5
Порядочный, справедливый, честный, совестливый	7	Проблемы в экономике, кризис, нет антикризисной программы	4
Активный, работоспособный, энергичный, деловой, трудолюбивый, работающий, деятельный, работает на износ	7	Занимается только внешней политикой, все деньги на оборону, слишком много помогает	4
Дальновидный, стратег, целеустремленный	7	Авторитарный, преследует оппозицию, посадил Навального, единолично правит, долго сидит	3
Внешний вид, хорошо выглядит, не пьет, занимается спортом, ведет здоровый образ жизни	6	Высокие цены, тарифы, новые налоги и сборы	2
Обеспечил стабильность, поднял экономику, при нем стали лучше жить, пенсии вовремя платить	5	Развелся с женой, не женат, есть любовница	1
Ответственный, авторитетный, говорит по делу, надежный	5	Вор, коррупционер	1
Заботится о народе, болеет за народ, за страну, все делает для людей	5	Внешний вид, отталкивающие личные качества	1
Открытый, демократичный, общается с людьми	4	Война, агрессивная внешняя политика	1
Патриот, любит Россию	4	Плохая медицина	<1
Последовательный, выполняет обещания, человек слова	3		
Вернул Крым	2		
Другое	1	Другое	4
Борется с коррупцией	1		
Ничего не привлекает	8	Ничего не нравится	<1
Все привлекает	3	Все в нем нравится, у него нет недостатков	20
Затруднились ответить	13	Затруднились ответить	33
Сумма позитивных ответов	134	Сумма негативных ответов	66

Октябрь 2017 г., N = 1600; открытые вопросы: респонденты САМИ называли характеристики и могли назвать более одной.

жение, табл. 5) не переходят в критическое отношение к нему. Уже само по себе это обстоятельство заслуживает специального обсуждения. Различие формулировок в анкетах не меняет характера распределения мнений.

Повторим главные характеристики (средние значения за все годы измерений): «энергичный, решительный, волевой человек» (35%); «опытный политик» (31%); «защищает государственные интересы»

(18%); «человек, который обеспечивает стабильность в стране» (15%); «дально-видный политик» (15%); «настоящий лидер, способный повести за собой людей» (14%); «поддерживаю его внешнюю политику» (13%); «он пользуется уважением среди окружающих меня людей» (12%).
Дополнительные определения: «внешне симпатичный» (9%); «способен к компро-

миссам» (8%); «честный, бескорыстный» (7%).

Собственно лидерские его качества выделяют лишь 12–14% опрошенных.

С точки зрения общественного мнения неоспоримые достижения Путина суть следующие:

1. Повышение боеспособности вооруженных сил, реформа армии.

Таблица 3

БАЛАНС ДОСТИЖЕНИЙ И НЕУДАЧ В. ПУТИНА

	Достижения	Неудачи	+ / –
Повышение боеспособности и реформа вооруженных сил	17	5	+12
Укрепление международных позиций России	14	5	+9
Экономическое развитие страны	12	26	–14
Повышение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий	8	32	–24
Решение чеченской проблемы	8	4	+4
Наведение порядка в стране, поддержание спокойной политической обстановки	8	6	+2
Повышение оптимизма, надежд на скорое улучшение положения дел в стране	6	8	–2
Обуздание олигархов, ограничение их влияния	3	21	–18
Борьба с коррупцией, взяточничеством	3	32	–29
Создание приемлемой экономической и политической обстановки для развития частного бизнеса	2	10	–8
Сотрудничество с другими странами СНГ	2	4	–2
Защита демократии и политических свобод граждан	<1	4	–3
Устранение опасности терроризма в стране	<1	9	–8
Улучшение отношений России со странами Запада	1	11	–10
Борьба с преступностью	1	6	–5
Улучшение отношений между людьми разных национальностей в России	<1	4	–3
Укрепление морали и нравственности в стране	0	10	–10
Не вижу никаких достижений / неудач	8	–	0

Апрель 2017 г., N = 1600, ранжировано по достижениям.

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ В. ПУТИНА?

	2006 III	2007 IV	2009 X	2010 VII	2011 X	2014 IX	2021 IX
Да, все признаки налицо	10	15	23	27	25	19	26
Еще нет, но предпосылок для него все больше и больше	21	25	26	28	30	31	21
Нет, никаких признаков такого культа нет	57	49	38	33	33	40	41
Затруднились с ответом	12	11	12	12	12	10	12
Да / нет	0,2	0,3	0,6	0,8	0,8	0,5	0,6
N =	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600

2. Укрепление международных позиций России.

3. Решение чеченской проблемы.

Они стали исходной базой массового оптимизма в первой половине 2000-х, надежд на скорое улучшение положение дел в стране.

К неоднозначно оцениваемым успехам или вызывающим все большее сомнение результатам его политики относятся:

а) отсутствие экономического развития страны и повышения уровня жизни населения, снижение реальной стоимости зарплат и пенсий;

б) поддержание спокойной политической обстановки в стране, наведение порядка в стране.

Провальной следует считать борьбу с коррупцией.

Массовое сознание не спешит признавать статус и роль нацлидера у Путина. Представление о навязываемом пропагандой и политической рекламой в СМИ образе «отца нации» (о «культе личности» Путина) увеличилось в 2,5 раза, если отсчитывать от начала его второго президентского срока до момента кризиса 2008–2009 гг. и нарастания массовых антипутинских протестов (с 10 до 25–27%; временный спад в 2014 г. до 19%) (табл. 5). Доля лояльных Путину респондентов, несогласных с подозрениями в установлении деспотии, снизилась с 57 до 33% (к 2010–2011 гг.), но затем стала расти после Крыма, хотя и не достигла прежних значений (40–41%). В какой-то степени верноподданнический восторг блокируется памятью о прежних кампаниях борьбы с «культом личности» советских вождей, превращавшихся при этом в персонажей народных анекдотов. Такая двойственность отражает характерное напряжение почтения и равнодушия к начальнику. Известная ирония в установках к национальному лидеру проявляется у половины опрошенных: в 2006 г. — сумма первых двух ответов составляет 31%, в апреле 2007 г. — 40%, в октябре того же года — 49%, в 2010 и 2011 гг. — 55%, в 2021 г. — 47%.

Негативные суждения респонденты дают гораздо реже. Половина опрошенных не в состоянии выразить свои претензии к Путину, не хочет, боится, не может и т.п. На мой взгляд, дело не в страхе, а в том, что

образ легитимной власти в принципе должен выражаться исключительно на языке положительных определений. Подавление публичных дискуссий лишает общество приемлемого языка для выражения недовольства Путиным. Максимум негативных ответов приходится на три опции (табл. 2; приложение, табл. 2): «Он связан с коррумпированными политиками» (11%, на пике — 19–21%) и «Он связан крупным капиталом» (в среднем — 16%, на максимуме — 19–21%) и еще: «Ему чужды интересы народа» (в среднем 8%, пик — 16% — приходится на 2018 г., реакция на повышение пенсионного возраста) — и это все! Есть еще два упрека: он занят постоянной «саморекламой» и «он не справляется с руководством страной»), но их высказывает незначительное меньшинство (в среднем 7–8%, на пике — 12%). Как видно, из табл. 5–6, негативные оценки и мнения сдвинуты к настоящему времени, что указывает на продолжающееся накопление разочарования и недовольства, эрозию легитимности. Об этом ниже.

Такие данные образуют резкий контраст с доминирующим тоном издевки, ненависти, презрения, матерной ругани и шипением в соцсетях и анонимных комментариях на сайтах¹. Его можно объяснить как вытеснение публичной рефлексии и вполне приемлемой критики власти из СМИ в сферы, не имеющие авторитета публичности: в соцсети, Интернет, телеграм-каналы и т.п., т.е. как резкую поляризацию общественных мнений.

При сохранении преобладающего «одобрения» деятельности Путина основания для оценки существенно меняются: от признания *реальности его достижений* в руководстве страны (или приписываемых ему), порождающих *ожидания обещанного благополучия*, общественное мнение сдвигается к «*надеждам*», что он будет в состоянии справиться с новыми проблемами развития страны, а затем — *вынужденного полагания на него из-за отсутствия других фигур* и предложений со стороны альтернативных политиков и их политических программ, и к

¹ Полное молчание официальных каналов информации и депутатов неожиданно было прервано выступлением генерал-полковника Л. Ивашова, председателя правления «Общероссийского офицерского союза», с крайне резким осуждением политики Путина в отношении войны с Украиной и требованием его отставки. Его позицию и оценки поддержал отставной генерал ФСБ Е. Севостьянов.

иллюзиям в отношении его будущей политики. Определяющим фактором доверия к Путину остаются надежды, т.е. иллюзии государственно-патерналистского рода, и отсутствие выбора фигуры политика, с которым могли бы связываться представления о будущем (табл. 5).

Противоречия в отношении к ВВП (сочетание должного и фактического) снимаются переводом оценок в модальный план будущего.

Таким образом, первые признаки успеха в управлении государством становятся фактором массовых надежд, иллюзий, уже не требующих далее фактического подкрепления и подтверждения эффективности главы государства, а затем привычной покорности и отсутствия выбора, т.е. давления собственной гражданской недееспособности, пассивности, образующей мощнейший пласт политической культуры, не подлежащей изменениям. В среднем половина

россиян (49%) уверена, что Путин обладает всей необходимой полнотой власти и несет ответственность за положение дел в стране (ответственность при этом мыслится как модальность морального долженствования, но не формы реального политико-юридического контроля за его действиями на посту президента — инстанции, перед которой он должен был бы отвечать, просто нет).

Институциональная поддержка «национального лидера»

Основу путинского режима составляют, по мнению основной массы опрошенных, **силовые, репрессивные структуры** (табл. 6; в среднем так считают 46%, колебания незначительны (выпадает лишь 2010 г.), а также **олигархи** (государственные и квазичастные корпорации, аффилированный с властью крупный бизнес, служащий финансовой базой режима) и **коррупцированное чиновничество**. В моменты кризиса и роста

Таблица 5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ МНОГИЕ ЛЮДИ ДОВЕРЯЮТ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ?

	Люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	Люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	Люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	Затрудняюсь ответить
2001, VII	14	43	34	9
2002, X	21	44	31	4
2003, VII	15	46	34	5
2004, VII	16	40	41	3
2005, VII	16	36	42	6
2006, VII	25	32	38	5
2007, IV	31	30	35	4
2009, VII	28	35	31	6
2010, VII	26	33	34	6
2011, IX	23	36	34	8
2012, VIII	15	41	35	9
2013, VIII	14	36	42	8
2014, IX	38	36	23	3
2015, X	36	36	26	3
2016, XI	28	39	29	4
2019, VII	27	24	43	7
2020, III	23	26	43	8
В среднем за все годы	23	36	35	6

Респондентам предлагалась карточка, и они могли дать только один ответ.

График 3

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ МНОГИЕ ЛЮДИ ДОВЕРЯЮТ В. ПУТИНУ?

N = 1600

протестов усиливается представление о значимости той роли, которую играют олигархи, бюрократия в сохранении режима. Путин не просто опирается на силовые институты, а выражает их интересы.

Устойчиво сохраняется представление о том, что главная опора власти нацидлера — это силовые структуры (в среднем за все годы измерения так думают 46% опрошенных) и приближенные к нему олигархи (в среднем 30%, но здесь важна динамика —

от 24 к 37%). Третьей составляющей власти является государственная бюрократия (в среднем 25%, рост с 12 до 36% в 2011 г., затем снижение до 27%) (приложение, раздел «Интересы и опоры» ВВП, табл. 19–20).

Особых признаков популистской благодарности «за внимание и заботу о людях» к «отцу народа» не видно, есть трезвое понимание, что режим держится на репрессивной бюрократии и коррумпированном бизнесе, обеспечивающим потребности

Таблица 6

ОПОРЫ И ИНТЕРЕСЫ¹

	Опирается	Выражает
Силовики: работники спецслужб, армии, МВД	46	38
Олигархи, банкиры, крупные предприниматели	30	27
Государственные чиновники, бюрократия	25	23
Директорский корпус: руководители крупных предприятий	22	18
Средний класс: люди с хорошим достатком	14	22
Бывшее ближайшее окружение Ельцина, «семья»	9	8
Простые люди: служащие, рабочие, труженики села	15	17
Культурная и научная элита	<10	9
Интеллигенция	<10	9
На всех без исключения	8	11
Затруднились ответить	12	13

Март 2020 г.

¹ Общественное мнение — 2020. М.: Левада-центр, 2020. С. 77. Табл. 9.2.4 и 9.2.5.

«вождя» (особые отношения его с олигархами, являющимися, по мнению некоторых экономистов, его неформальным «кошельком»). Постепенно уходит представление о связи Путина с ельцинской «семьей», явно выраженное в первые годы его правления (с 25 до 8–9%), и несколько растет представление о его поддержке со стороны лояльного ему среднего класса (с 10 до 22–25%), интеллигенции (с 5 до 13%) и «всех без исключения» (с 5 до 13%).

Вместе с тем вряд ли представление о роли силовых структур в композиции власти Путина можно сводить исключительно к исполнителям репрессивных функций. Есть еще два смысловых момента, которые включены в общественное понимание роли силовиков: это, во-первых, то, что «чекисты», агенты госбезопасности стоят на страже интересов государства, что политическая полиция борется с врагами, внутренними и внешними, что это ведомство наименее коррумпировано («холодная голова, горячее сердце и чистые руки»), а во-вторых, это героизация армии (но не конкретной российской армии с ее дедовщиной, коррупцией командиров и генералов, а идеали-

зированный образ) как защитницы народа и победительницы в Отечественной войне, воплощение символического образа самоотверженности народа. В этом своем качестве армия, вооруженные силы пользуются даже более высоким престижем и доверием, чем сам президент (по крайней мере, в последние три года; график 4). Нет сомнения, что это эффект последствий крымской волны патриотической мобилизации и милитаристской пропаганды, порождающей сильнейший страх в населении перед вероятностью мировой (большой) войны и потребность в защите, веры в сильную армию¹.

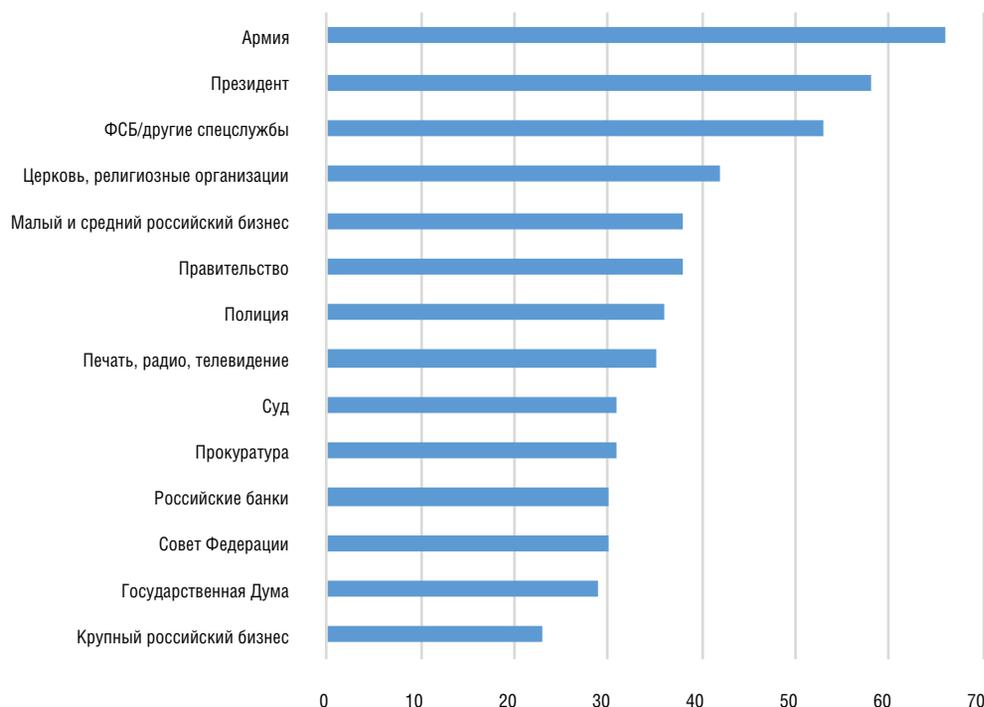
Избирательное средство

По линии наименьшего сопротивления всё обстоит благополучно.

И. Ильф²

На вопрос, что заставляет значительные массы людей одобрять и поддерживать Путина на посту руководителя страны, что привлекает или оказывается значимым в его образе и манере поведения в качестве главы государства, у политологов нет хоро-

График 4

¹ URL: <https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/>.

² Ильф И. Записные книжки. 1925–1937. М.: Текст, 2000. С. 311 (1930 г.).

шего ответа. Вопреки провальной и противоречивой общим интересам населения политике Путина, кажущейся просвещенной и либеральной публике очевидной, он тем не менее признается общественным мнением самым популярным политиком в России. Расхожие ярлыки вроде «авторитаризма», «персоналистического режима» и т.п. мало что объясняют. Еще менее удовлетворительными можно считать реакции «экспертов», отрицающих сам факт популярности «национального лидера», объявляющего данные рейтингов его популярности дутыми и фальсифицированными.

Между тем проблема объяснения остается. Ее кратко можно сформулировать следующим образом: как человек, не обладающий достоинствами крупного государственного деятеля, политика, способного выдвинуть идеи и программу национального развития, стремительно поднялся к высшим позициям в аппарате новой власти и через какое-то время возглавил страну? Его нельзя считать «подлинным харизматическим лидером», вождем, способным заечь и увлечь толпу яркими словами и образами. Его речь — набор стертых идеологических клише, канцеляризм и блатных словечек, и она не может воодушевить массы¹. Какие же черты и характеристики личности (особенности социализации, идеологических установок, представлений о нормах социального поведения) этого субъекта позволили ему превратиться в фигуру, ставшую символом целого периода тоталитарной реставрации, синонимом исторической эпохи?

Накопилась огромная литература о социально-психологических механизмах формирования авторитарных режимов. Основной ход объяснения — выявление переноса на «вождя» подавленных комплексов фрустрированного человека или отдельных социальных групп, дезориентированных после глубоких общественных кризисов и институциональной ломки, трансформаций, распада традиционных структур, утраты прежней идентичности. Исходно это было проблематикой фрейдомарксизма 1930-х, анализировавшего процессы становления гитлеровского нацизма в веймарской Германии².

¹ Напомню: по опросу хотели бы видеть Путина президентом после 2024 г. 47% (не хотели бы 42%, приложение, табл. 24).

² Гудков Л. Возвратный тоталитаризм. Т. 2. М.: НЛО, 2021. С. 443–451.

Следуя логике этого подхода, можно видеть определенные линии «избирательного сродства» между угадываемыми массой населения свойствами личности Путина и структурой коллективного опыта, включающего «базовые самоопределения» большинства населения, т.е. латентные стереотипы понимания самих себя как носителей «национального характера». Сюда входят комплекс «жертвы», имперский и милитаристский синдром, государственный патернализм. В свернутом виде элементы подобной идентичности отражают историю тоталитарного социума.

В отношении к Путину проявляется чрезвычайно важный компонент: нерационализируемые пласты культуры государственного насилия, длительной адаптации к принуждению, тотальному социальному контролю и навыки уклонения от него. Тема насилия, частного и институционального, редуцирует сложные аспекты реальности к простейшим версиям происходящего, включая комплекс механизмов идентификации себя и всего целого как «жертвы» внешнего воздействия, «других» как метафизического воплощения «враждебности» к «нам»³. Чем острее и болезненней переживается внутренний конфликт (сознания неполноценности или вины из-за нарушения нормативных ожиданий «других»), тем сильнее он проявляется вовне в виде последовательного развития мании преследования или объяснения собственных неудач действиями «других» — Горбачева / Ельцина, реформаторов, демократов, коррумпированных чиновников, Америки, Запада, террористов, олигархов. Степень психологической «рационализации» (в психоаналитическом смысле) этих комплексов может быть различной: от бытовой ксенофобии и антисемитизма до многообразия конспирологических вариантов (очень ярко проявившихся в ситуации пандемии коронавируса), от геополитики до защиты «традиционных ценностей»⁴.

Хроническое сознание массовой социальной неполноценности, зависимости,

³ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 46–64.

⁴ Свежим примером здесь может быть вся нынешняя антиукраинская пропаганда и демагогия оправдания путинской «специальной» по «денацификации» Украины.

униженности и ущемленности трансформируется (в соответствии с механизмами сублимации, вытеснения, психологической рационализации) в позитивные представления о себе, но уже в качестве коллективной или органической сущности «целого», «народа», образуя тем самым набор особых защитных переключателей негатива на позитив (структуру двоемыслия или нормативных люфтов). Или в коррелятивные ресентиментные проекции и фигуры антиподов — «врагов», «чужих», «других» как воплощения «не-нас». Психологическая фиксация на негативных образах «антимы» свидетельствует о силе травмы и — в некоторых случаях — у отдельных субъектов может превратиться в навязчивые идеи борьбы, сопровождающихся патологической потребностью в насилии как средстве самоутверждения.

Попробуем наметить черты сродства, проявляющиеся и в индивидуальной истории отдельного субъекта, и в общественно-политической культуре большинства населения¹. За 20 лет путинского правления появилось немало материалов, книг, статей, воспоминаний о нем и работе с ним разных людей. Диапазон очень широкий — от подхалимских, очень дорогих (для подношения) изданий о родословной Путина до критических или резко негативных оценок его личности и поведения. Не имея возможности проверить адекватность сообщаемых сведений, не будем ссылаться на них, используя такого рода сведения лишь как сырье для гипотетической реконструкции характера «нацидлера».

Путин. Поздний ребенок в семье, принадлежащей к социальным низам большого города, второй столицы страны. Жесткий авторитарный отец с невысоким уровнем образования, прошедший войну, подняв-

шийся до должности мастера цеха на заводе, член цехового парткомитета, мать — уборщица, человек мягкий. Повседневность семьи ограничена, это бедность, но не нищета, опускающая человека на уровень физического выживания. Горизонт существования задан стремлением к умеренному и скромному достатку. Родственные связи определяют круг доверия. Низкий уровень социального и культурного капитала. Партикуляризм морали и отсутствие развитых человеческих, культурных, общественных запросов. Впрочем, в семье есть образец карьерного благополучия — дед, по рассказам Путина, был поваром у кремлевских вождей (чуть ли не у Сталина), позже — в подмосковных привилегированных номенклатурных домах отдыха или санаториях. Ребенком Путин бывал у деда в этих заведениях, что, видимо, было важно для него, если он считал нужным отметить это в ранних интервью. Как вспоминают о нем (К. Курчаб-Редлих), мальчик, не отличающийся особыми способностями и интересами, малорослый, некрасивый, замкнутый, плохо и с трудом учится, что понятно из качества семейного окружения. Он испытывает сильный психологический дискомфорт и противоречивые чувства по отношению к более высокой среде мегаполиса с его дифференцированными стандартами и образами жизни. Компенсация достигается через принадлежность к уличным группировкам подростков ленинградских окраин², позже через занятия в спортивных секциях, подчинение «вожаку» — тренеру. Важно, что это психология не бандита, а уличного хулигана, к чему он был склонен, как он сам признавался,

² Чрезвычайно важное обстоятельство для понимания процессов социализации и будущего человека: такого рода принадлежность к уличной группировке предполагает жесткий групповой партикуляристский контроль над поведением и сознанием подростка, так называемую культуру группового стыда, ориентацию исключительно на нормы и представления данной неформальной группы, слепое этологическое подчинение им, в отличие от культуры совести, системы универалистских ценностей и принципов автономной субъективности, допускающей индивидуальный выбор и сознание генерализованной ответственности. — *Стивенсон С.* Жизнь по понятиям: «реальные пацаны» и их моральные правила // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 5. См., также: URL: <https://yandex.ru/video/preview/?text=>. Отсюда склонность Путина полагаться только на узкий круг доверенных лиц и общее недоверие или презрение к формальным нормам, законам и правовым принципам, циничское отношение к ним как прагматическим инструментам достижения личных целей. Что, впрочем, не отменяет лицемерных заверений в приверженности закону, морали, Конституции и т.п.

¹ Условный психологический портрет Путина составлен из разных источников: официальных материалов, воспоминаний его самого и симпатизирующих ему знакомых (книги интервью с Путиным Н. Геворкян, Н. Тимаковой и А. Колесникова), его жены, интервью его партнеров, имевших с ним тесные отношения (Пугачев и т.п.), следователей, ведущих его дело по обвинениям в должностных злоупотреблениях во время работы в петербургской мэрии, досье М. Салье и т.п. материалы, публикуемых на различных сайтах и интернет-порталах (Радио «Свобода», ФБК и др.), признанных либо «иностранными агентами», либо «экстремистскими организациями». См., напр.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OhSqR2FcsxY>; *Курчаб-Редлих К.* Вова, Володя, Владимир. Тайны России Путина. URL: <https://belsat.eu/ru/news/vovuputina-izbivali-pravdivaya-biografiya-za-kotoruyu-zaplatili-zhiznyu/> и др.

рассказывая о своем отрочестве¹. Занятия в спортивных секциях, связанных с насилием (дзюдо и т.п.), в то время близко соприкасались с криминальной средой, использующей молодых бойцов для собственных целей и нужд. Злость, которой он учится овладевать, превращается в энергию личностной реализации. Ресентимент, чувство враждебности среды, комплекс неполноценности, готовность к насилию становятся ресурсом для продвижения по спортивной линии и поступлению в университет. Сами по себе знания и образование его не интересуют, он, как и абсолютное большинство нынешних студентов, рассматривает обучение как пропуск к чиновничьей (или, первоначально, адвокатской) карьере. Хочет примкнуть к силе, которая снимала бы сознание собственной ущербности и ничтожности (с точки зрения других).

Такой силой в его сознании выступает КГБ, обладающий мифологическим ореолом всемогущества, неограниченности используемых средств, включая внеправовые, т.е. освобожденные от ответственности, морали, контроля со стороны любых других социальных институтов и тем более общества. Инструментализм и тайный (особый, секретный, поскольку внеправовой, чрезвычайный, недоступный для оценок населения) характер действий сотрудников КГБ оправдываются высокими целями — государственными интересами (величия, безопасности, идеологической экспансии и т.п.). Представить себе, что подрастающий Путин не знал о массовых репрессиях, терроре, чистках и т.п. преступлениях государства, как он об этом говорил, невозможно. Вернее было бы считать, что он не думал об этом, такого рода сведения, переживания, ценностные и моральные соображения для него не имели значения². Ци-

¹ Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Оригинальная электронная версия текста книги с иллюстрациями, сопроводительными материалами, хроникой событий вокруг ее выхода в свет. Опубликовано 13 марта 2000 г. на сайте издательства «Вагриус». — URL: <http://www.vagrius.ru/html/books/putin/>.

² «А вы, когда на работу в органах соглашались, про 37-й год думали? — Честно скажу: совершенно не думал. <...> Я, когда принимал предложение того сотрудника отдела кадров Управления (он, впрочем, оказался не по кадрам, а сотрудником подразделения, которое обслуживало вузы), не думал о репрессиях. Мои представления о КГБ возникли на основе романтических рассказов о работе разведчиков. Меня, без всякого преувеличения, можно было считать успешным продуктом

низм в его институциональной форме не мог смущать молодого человека, выросшего, как часто говорят о нем сегодня, «в подворотне». Другими словами, оперативный принцип такого целевого поведения заключался не в откровенном пренебрежении или нарушении общих моральных и правовых норм, а в их инструментальном использовании в собственных интересах, что можно назвать «циническим прагматизмом».

Для человека такого социального типа его карьера, среднего функционера в системе органов, первоначально в системе контрразведки (борьбы с диссидентами и другими нежелательными силами), затем разведки, действующего под крышей Дома советско-германской дружбы в провинциальном Дрездене, была сравнительно успешной. На большее он со своими данными рассчитывать и претендовать не мог. Позднейшие воспоминания его коллег по той работе отражают искренне недоумение и даже изумление по поводу того, как эта «серая мышь», могла стать во главе государства, «его никто не воспринимал как выдающуюся личность», его прозвищем среди сотрудников отдела, где он работал в комитете, была «Моль»³.

Но развал СССР изменил сценарий его будущей карьеры. Путин, как вспоминают знавшие его в то время, был крайне разочарован своей судьбой разведчика, он считал, что его «кинули, бросили, обидели». Перефразируя Достоевского, «если КГБ нет, то все дозволено». Это стало ключевым обстоятельством, освобождением его от внутренней комитетовской дисциплины, разрешением на «прагматичное поведение», т.е. право заниматься своими делами, преследовать частные цели и интересы. Обида (при внутренней пустоте и непреходящем сознании собственной ничтожности, серости и бездарности) становится мощным мотивом ресентиментного самоутверждения.

Заняв должность в отделе внешнеторговых отношений мэрии, он, как пишут мемуаристы, получил доступ к регулированию

патриотического воспитания советского человека» // Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Оригинальная электронная версия текста книги с иллюстрациями, сопроводительными материалами, хроникой событий вокруг ее выхода в свет. Опубликовано 13 марта 2000 г. на сайте издательства «Вагриус». — URL: <http://www.vagrius.ru/html/books/putin/>.

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0hSqR2FcsxY>.

финансовых потоков, собирая с них свою долю. Девиз: «Время бабки делать»¹. Не «бомбить» частником, а выстраивать сложную систему дойных отношений с бизнесом, легализуя полученные активы, налаживая посреднические связи с границей и т.п. Возможный внутренний диссонанс между жадностью, тщательно скрываемых мотивов достижения, ставшие публичной темой лишь после публикации материалов Навального и ФБК, снимается рассуждениями о патриотизме, любви к Родине, готовности к самопожертвованию и долге чекиста, которых, как он заверял, «бывших не бывает». Но следы этого диссонанса остаются в виде страха (хронической трусости), неуверенности себе, злобы, ненависти к критикам и оппозиции, неукротимой потребности унижать других, цинизме как способу самооправдания. В этом плане безграничная алчность, о которой пишут многие публицисты и зарубежные биографы Путина, не так уж иррациональна. В этом прослеживается определенная закономерность или психологическая детерминанта компенсаторного поведения. Тяга к китчевой роскоши (все равно — золото Кремлевского дворца, антураж президентского кабинета, множество резиденций, роскошные яхты, ну и сам «Дворец Путина» в Геленджике) — это не просто форма выражения личных вкусов (весьма вульгарных), но главным образом подтверждения своей личностной значимости, величия, включая игру в свою роль в истории России и мира. И в этом образ Путина совпадает с самыми массовыми и обывательскими представлениями о «богатстве» человека, внутреннем и внешнем².

Неожиданная проблема возникает в том, что это овеществленное в роскоши представление о собственной значимости нельзя

¹ «Политика» в его понимании сочетается с зарабатыванием денег». — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OhSqR2FcsxY>.

² То, что это не индивидуальная манера самоидентификации Путина, а характеристика социального слоя — коррумпированных начальников полиции, прокуроров, генералов, высших чиновников и т.п., становится очевидным и понятным, когда в СМИ и Интернет, социальные сети попадают снимки интерьера их особняков и особенностей развлечений. Страсть к китчевой роскоши (золото во всех элементах декора и оборудования, включая сантехнику, стилевая эклектика, подражание стертым и вульгаризированным образцам итальянской или французской придворной обстановки, мебели и пр.) присуща им всем, правда, с соответствующим снижением образцов, обусловленных должностными возможностями.

публично демонстрировать, дабы не вызывать в обществе ненужных вопросов о легальности происхождения (цене) этой избыточности и богатства. Такие вещи надо тщательно скрывать, они не для публичного представления. Отсюда — заборы, охрана ФСО, гипертрофированные меры безопасности, создающие массу затруднений для обычных граждан. В этом отличие обладателей нелегитимной власти (не нуворишей, а именно узурпаторов позиций господства) как от подлинной аристократии, не нуждающейся в оправдании своего статуса и образа жизни, так и от демократически избранной власти в западных странах, где контроль общества над политическим руководством страны носит тщательно регламентированный характер³. Отсюда рождается злоба таких персонажей к потенциальным противникам, оспаривающим не столько легальный характер их собственности, сколько их претензии на значимость и достоинство. Поэтому совершенно логичным предполагать, что реакцией на подобный внутренний, неустранимый конфликт идентичности оказывается готовность к насилию, если под насилием понимать не просто желание физически уничтожить противника, но отказать ему в его ценностной и человеческой позиции, лишить его достоинства и моральных, человеческих характеристик (превратить в преступника, в чудовище, в исчадие рода человеческого)⁴.

Снятие этой коллизии (и оправданием себя через вытеснение самой ценностной или моральной антиномии) достигается тем, что обладатель высшей власти в России присваивает себе право и полномочия говорить от имени всего целого и высших коллективных ценностей — величия России, традиционных ценностей, патриотизма, героической истории, которые он якобы защищает от фальсификации и искажений внешних и внутренних супостатов. Китчевая роскошь и традиционные ценности, патриотизм оказываются в функциональном плане взаимосвязанными и равнозначными представлениями, необходимыми для поддержания собственной значимости

³ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить условия частной жизни А. Меркель и В. Путина.

⁴ На этом строится вся работа российской пропаганды, объявившей Украину «нацистским государством» и на этом основании ведущей военную спецоперацию по ее «денацификации».

у подобных политических субъектов. Более того, именно от имени этого величия России и ценностей становится возможным уничтожение любых своих критиков и противников.

«Беспощадный гений посредственности»

Феномен посредственности нечасто становится предметом интеллектуального анализа и тем более исследований, прежде всего из-за общих свойств советского и постсоветского человека, о которых писал Ю. Левада («быть как все»). Посредственность — характеристика базовой личности в стагнирующем обществе и во власти, не допускающей никаких условий для социальной и культурной дифференциации, а значит, и предпосылок формирования сложности общества и человека, их развития¹. Яростное нежелание признавать это обстоятельство (воспроизводство общей серости, эпигонства, сервильности и оппортунизма) характеризует как российских интеллектуалов, так и масскультурную попу, навешивающую на себя пышные титулы «креативного класса», «творческих работников» и т.п.

Может быть, серьезнее других к этой теме отнеслись писатели — братья Стругацкие, показавшие не только пошаговую схему захвата власти «серыми», но и создавшими образ или типаж воинственной посредственности, наглого демагога².

¹ Ср.: «Посредственностью, которая составляет социальную опасность, ... я называю человека паники, панического человека; человека, у которого господствующим отношением к жизни является страх и желание построить защитные крепости на каждом месте. Это был человек, который угнетает других, потому что он сам бесконечно угнетен. Он угнетен страхом — это человек запуганный. И чем более устрашающие формы принимает его торжество, тем очевиднее, что вся эта сила происходит из того, что он страшно боится; все, что он делает, — это превентивная агрессия // «Посредственность как социальная опасность» — Ольга Седакова об опасности «нормального» мышления. Лекция в клубе Bilingua в рамках «Публичных лекций Полит.ру» 2 декабря 2004 г. — URL: <https://polit.ru/article/2022/03/12/sedakovaarchive/>.

² «Дон Рэба, дон Рэба! Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается. Которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями... Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнен, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он никто. Он ниоткуда. Это не

Путин примитивен по своим представлениям о реальности, а потому понятен всем, включая социальные низы, в отличие от дискурса демократов и либералов. Он не поднимается в своей антропологии выше уровня конфликтов на кухне в коммуналке, самых вульгарных мотивов человеческого поведения. Собственно, именно такое понимание мотивов человеческого поведения стоит за его геополитической философией и видением мировых процессов — перенос склоки на уровень взаимодействия государств, неудовлетворенные претензии на уважение со стороны сильных мира сего («Америка нас не уважает»), что позволяет идентифицировать себя со страной, а «маленького человека» — с государством (персонифицированным в образе президента или главы правительства). Только такая схема (понятные смысловые мотивы и интересы действия, приписываемые главным персонажам внешнеполитической сцены) является условием или предпосылкой единства «власти и народа» в недемократических обществах.

В соответствии со сказанным мы можем интерпретировать занятие высшей социальной позиции в недемократическом государстве в массовом сознании. Это не просто свидетельство личного и социального успеха³, с этой позицией неявно связан целый ряд смыслов:

могучий ум при слабом государе, каких знала история, не великий и страшный человек, отдающий всю жизнь идее борьбы за объединение страны во имя автократии. Это не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать. Шепотом поговаривают даже, что он и не дон Рэба вовсе, что дон Рэба — совсем другой человек, а этот бог знает кто, оборотень, двойник, подменш...» — Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. М., Молодая гвардия, 1967. С. 77. Другой пример (Выбегалло) можно найти у них в романе «Понедельник начинается в субботу». См. также: Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: время «серых» // ИБМ. 2000. № 2. С. 17–30.

³ Обычные, хотя и неартикулируемые, латентные значения власти, ее достоинства предполагают сочетание личного совершенства, включая идеализм провозглашаемых целей, благородства (а также порядочности, бескорыстия, справедливости), являющиеся, по сути, вырожденными характеристиками аристократии, которые не только переносятся на бюрократический статус или должность, но и заменяют их по принципу метонимии. Вместе с пониманием, что власть, в отличие от обывателя, располагает средствами принуждения и насилия, этот смысловой комплекс устанавливает жесткую социальную дистанцию или барьеры по отношению к «низам», «населению», порождая иррациональную смесь пиетета и страха, «нуминозного» отношения к господствующим. Такие представления лежат в сфере коллективного бессознательного, они не подлежат рационализации из-за угрозы наказания (за возможность дискредитации представителей власти).

а) идентификация престижа статуса с личностью ее обладателя;

б) особая ценность такой личности. Она резко отличается от рядовых обывателей, поскольку для нелиберального и неразвитого сознания подданных (российского) централизованного и репрессивного государства полноценность отождествляется с полнотой доступа к власти, т.е. возможностью иметь все, что человек ограниченный, подчиненный, «низовой» (= неполноценный) может захотеть;

в) полнота ценностей тождественна в этом контексте всемогуществу, суверенности правителя, его самодостаточности или вседозволенности¹. Воля властителя равнозначна праву нарушать нормы поведения, предписанные низам, быть суверенным по отношению ко всем, кто не обладает сопоставимой по возможностям властью, т.е. устанавливать для себя свою норму, эксклюзивное правило поведения (приличия, пределы допустимого или желаемого в бытовом, потребительском, сексуальном, юридическом и т.п. плане);

г) внутренняя потребность защиты, психологической блокировки любого негативного суждения о власти, дискомфорт от критики или нелестных оценок держателей власти. Речь в данном случае идет не столько о страхе перед возможными неприятностями из-за вольных мыслей или высказываний, сколько об угрозе дезорганизации представлений о социальном порядке, с которым отождествляет себя подданный, страхе эрозии нормативности, в том числе табу на рационализацию социальной системы и социальной стратификации. В этом суть массового нежелания слышать и знать о протестах, деятельности Навального, об обвинениях Путина в злоупотреблении властью и т.п.² Респонденты, отказывающиеся

¹ Этим «жупелом» власть, пропаганда постоянно пугают население, раздраженное и недовольное произволом и коррупцией бюрократии, с которой оно имеет дело в повседневной жизни. Но все опросы указывают на то, что именно население считает, что власти ставят себя над законом, не соблюдают его, что нарушения нормативного порядка присущи именно государству, а не гражданам // Общественное мнение — 2020. М.: Левада-центр, 2020. С. 42, 44, 45. Табл. 4.4, 4.5, 4.7, 4.8.

² Общественное мнение — 2020, табл. 3.2.2, 10.12, 10.13 и 10.16. О панамском скандале слышали 43% (57% ничего не знают или затрудняются ответить, что часто является уходом от ответа). Но из тех, кто слышал, только 1/3 (14%) заявили, что представленные в связи с ним сведения о коррупции высших лиц государства их интересуют, а 2/3 (29% всех опрошенных) ответили «нет». Иными словами, ярых

признавать факты расследований ФБК, компрометирующие ВВП и других высокопоставленных лиц из его окружения, защищают не его и не их, а себя (приложение, раздел «Путин и коррупция», «Путин и Навальный», табл. 10–18 и 34–38.)

Таковы общие положения, позволяющие связать типологические черты человека во главе нынешнего российского государства с массовым его признанием и готовностью к подчинению, одобрению, покорности и терпению, а также с механизмами апологии и защиты властного персонажа от критических обвинений и оценок. Трудности интерпретации заключаются в том, чтобы ввести внешнюю перспективу оценки или точки зрения на то, что считается «достоинством» и «достижением» Путина, перевести партикулярные мнения россиян в моральный и политический контекст. Без этого «бандитского шика» (О. Мандельштам) блатной язык, цинизм и сентиментальность, непреодолимое желание «опустить» партнера, характерные для Путина и ставшие стилем нынешнего российского руководства, включая хулиганский тон российского МИДа (С. Рябков, С. Лавров, М. Захарова, В. Небензя, В. Татаринцева и др.), подстраивающегося под манеру и интонацию своего хозяина, останутся непонятными.

Срабатывает перенос на фигуру Путина неудовлетворенных потребностей в самоидентичности, самоуважения (но не чести и не достоинства), основанных на заявлениях и демонстрации силы. Здесь важна именно двойная или тройная оптика и соответствующие переносы (в языке психоанализа — трансферы) составляющих компонентов комплексов ущемленности, проекция мифологизированных коллективных травм:

а) глубокое и постоянно (культурно) подавляемое чувство цивилизационной неудачи, несостоятельности, неполноты, отсталости и дикости нравов (как верхов, которые должны были бы репрезентировать высшие символы и ценности всего целого, но вместо этого воспринимаемые обывателем в качестве наглых чиновников, нового барства, казнокрадов или даже бандитов), так

путинистов столько же, сколько и последовательных критиков режима (примерно 15–16%), но основная масса не столько инертна, сколько оппортунистична, не столько уклоняющаяся, сколько запрещающая себе какие-либо нелицеподобные действия, включая и нелицеподобные мысли.

и низов — народа, ленивого и грубого, опустившегося¹;

б) наличие внешнего взгляда, который воплощает как латентные, так и открытые ценности, и авторитета, по отношению к которому происходит сопоставление собственного положения и образа себя с идеализированной и генерализованной инстанцией. В данном случае ею является воображаемый Запад. Поэтому антипод Западу — это СССР или его фантомная виртуальная ипостась — путинская Россия;

в) имидж или роль Путина как парня, не позволяющего третировать Россию Западу, демонстрирующего готовность использовать силу для защиты пацанской чести России².

Трансфер подавляемых комплексов коллективного сознания

Общественное мнение дает свои объяснения (или соглашается на те, которые предлагаются в массовых опросах, базирующихся на материалах предварительно проведенных фокус-групп).

Основной ресурс популярности Путина заключается в возвращении фрустрированному и дезориентированному обществу чувства уважения к себе, позитивной идентичности. Это достигается несколькими демагогическими приемами: а) возвеличивания имперского прошлого, славы военных побед и нынешних достижений (модернизация армии, присоединение Крыма, де-

Таблица 7

ПОЧЕМУ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ ВЛАДИМИР ПУТИН ОСТАВАЛСЯ ПРЕЗИДЕНТОМ ПОСЛЕ 2024 ГОДА? (открытый вопрос, множественный выбор)

	N = 1601, % от всех опрошенных	N = 770*, в %
При нем стало лучше, стабильность, все устраивает, порядок, поднял страну, решает проблемы, есть достижения, старается для людей	14,4	30
Достоин, доверяю, лучший, с ним спокойно, нравится, справедливый, хороший человек	12	25
Хорошая внешняя политика, держит оборону, стали нас уважать, правильная геополитика, нет войны, мир	9,1	19
Хороший президент, профессионал, настоящий лидер	8,6	18
Нет замены, нет альтернативы, больше никому, нет вариантов, без него будет хуже	7,7	16
Не хочу ничего менять, пусть все идет своим чередом, боюсь изменений	2,9	6
Привыкли, знаем его хорошо	2,8	6
Затруднились ответить	1,7	3

*Подвыборка тех, кто ответил, что хотел бы и дальше видеть Путина в роли президента (48% от всероссийской выборки). Февраль 2021 г. Ответы ранжированы.

¹ См. пресс-выпуски «Левада-центра»: «Образы власти: советской и нынешней». — URL: <https://www.levada.ru/2019/08/05/obrazy-vlasti-sovetskoj-i-nyneshnej/>; «Люди во власти». — URL: <https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/>.

² См., напр., заметку в «Известиях», приводимую в «Яндекс-новостях»: «Глава МИДа Лавров призвал Вашингтон следовать принципу “пацан сказал — пацан сделал”». — URL: [https://lenta.ru/news/2022/02/13/skiter/](https://yandex.ru/news/story/Glava_MIDa_Lavrov_prizval_Vashington sledovat_principu_pacan_skazal_pacan_sdelal-24223011450bf17af2eb051ec886a238?lang=ru&from=main_portal&fan=1&stid=TrnMvgTKsdSq4rty38mM&t=1645199835&persistent_id=180999069&story=e5c4219d-fe64-5c33-a17b-046bd88e6a93&lr=213&msid=1645200463495836-9208819347442174770-sas2-0307-sas-17-balancer-8080-BAL-4056&mlid=1645199835.glob_225.24223011&utm_medium=topnews_news&utm_source=morda_desktop. Можно также привести в качестве примера слова посла РФ в Швеции В. Татаринцева, заявившего, что Россия, мы «срали на ваши санкции». — URL: <a href=).

монстрация другим странам своей силы и военной мощи и т.п.); б) снятием угнетающего сознания краха СССР или исторического поражения в соперничестве с другими странами (отсталости, прошлых преступлений государства, бедности); в) убеждением, что у России свои духовные богатства (православные традиции единства государства и народа, самоотверженное служение государству, патриотизм); г) обещаниями стабильного улучшения жизни (риторикой нацпроектов); д) поддержанием чувства опасности, исходящей от внешних и внутренних «врагов». Главное здесь — акцент

на прошлом, на величии государства, вытесняющем какие-либо представления о будущем, а значит, и о перспективах развития. Это не просто остановка времени (полнота представления коллективных ценностей в настоящем, чего еще хотеть?), но и девальвация прежних надежд на то, что демократизация, реформы, либеральные ценности, права человека и т.п. могут стать основой российского процветания.

Демагогия «величия России» (постоянная апелляция к «Великой державе» и злобности Запада, русофобии Запада) подавляет и вытесняет потенциал претензий к власти, провалов в политике, обвинений в коррупции, нейтрализует любые попытки критики Путина.

Обычный предрассудок социальных исследователей состоит в том, что проявления социально значимых эмоций (= отношений к другим, включая символические объекты), ценностных установок рассматриваются как отдельные и изолированные (гипостазированные в методологическом плане) реакции или действия актора. Более адекватное понимание их природы состоит в том, что каждое из таких проявлений (вне зависимости от ценностного знака отношения) имеет латентное оппозиционное значение. Жестокость к определенным «другим» сопровождается чувством одобрения самих себя, самоудовлетворения, переживанием собственной силы, мощи, власти, ценностной полноты позитивных значений себя. Холодное равнодушие, отсутствие эмпатии или презрение к окружающим имеют коррелятивное представление о дисквалификации, девальвации, обесценивании «другого» и тем самым возвышение себя самого в собственных глазах. Самоутверждение крайне важно для закомплексованных субъектов, не имеющих внутренних оснований для самоуважения, не могущих иным образом освободиться от ощущаемого, предполагаемого (реального или воображаемого, но равно нестерпимого) презрения окружающих. Собственная черствость, равнодушие, цинизм, высокомерие и т.п. восполняется неременной риторикой изначально присущего нашему народу милосердия и альтруизма, добра, отзывчивости и пр. Ресентимент и зависть, злость и готовность к насилию коррелируют с представлением о благах, которых лишен субъект

подобных чувств (благополучие, богатство, уважение, престиж, а также соотносимые с ними латентные представления о справедливости, несправедливости и способах восстановления последней, могущих служить оправданием для собственной агрессии или злобы). Понимание механизмов переноса или трансформации ценностных проявлений (эмоций) позволяет видеть за массовыми, как бы конкретными и ситуативно обусловленными реакциями более сложные метафорические механизмы перевода одних угнетающих смыслов в противоположные, оправдание собственного несовершенства или убожества путем нахождения внешних (несубъективных) причин такой несостоятельности или депривации, «лишенчества».

Наиболее очевидной работа подобных механизмов перераспределения ценностных значений себя и других, «своих» и «чужих», «наших» и «не наших» проявляется в ситуации проявлений цинизма — сознательном, т.е. намеренном, вменении низких, дисквалифицирующих значений Другому при ясном понимании отсутствия для этого каких бы то ни было оснований, кроме желания оскорбить, унижить или лишить достоинства Другого или значимых для него символических предметов и мотивов действия. Цинизм — это не слепое проявление агрессии, грубости или ненависти к Другому, а напротив, более или менее рефлексивное, отдающее себе отчет о характере и смысле такого отношения действие субъекта, основанное на понимании высокого значения (ценности для других) того, что подлежит намеренному снижению. Длительная фиксация на таком Другом подобна паранойе, навязчивому состоянию, от которого говорящий не может освободиться¹. Такого рода социальная игра (в терминологии Ю. Левады) эквивалентна переживанию собственного величия, власти, значимости (посколь-

¹ Примером такого отношения к Другому может считаться ненависть Путина к Украине и Зеленскому (как ранее к Грузии и Саакашвили), которая приобретает самодостаточный характер, требуя все новых оснований и аргументов, уже без всякой связи с реальностью и питаемая лишь острой потребностью символически уничтожить оппонента. См. выступление В. Путина от 21 и 23 февраля 2021 г. с обоснованием правомерности военной операции по «денацификации» Украины и отказу ее от союза с НАТО. Постепенно дискурс ВВП в этом плане теряет признаки какой-либо озабоченности правдоподобием высказываний и подчинен лишь прагматической целесообразности уничтожения объекта ненависти. Поэтому скоро всплывают уже неконтролируемые говорящим несуразицы, работающие против него самого.

ку здесь затрагиваются наиболее сильные и трансцендентные смыслы и моральные представления, образующие основу общества, общественного консенсуса и социального порядка)¹.

Насилие в этом контексте выступает как функциональный субститут права и справедливости. Злоба ущемленного сознания, хронически униженного человека, будучи слитой с силой, величием государства, получает мощную поддержку; индивидуальный аморализм растворяется в безличной силе коллективной общности и организующего ее государственно-бюрократического аппарата. Вместе с этим процессом безличной идентификации происходит (неконтролируемая) активизация предыдущих слоев общественно-политической культуры, точнее — отдельных символов этих пластов или конфигураций идеологических стереотипов, плакатных образов.

Подчеркнем этот момент — деперсонализация сознания отдельного человека, отключение в этот момент его собственного опыта и частных интересов, в том числе способность к критическому анализу и рефлексии над ситуацией. Любые сомнения и прагматические соображения, социальный опыт взаимодействия с начальством или обычными людьми отступают перед силой общих представлений. Чтобы вызвать в массах такое состояние ступора, достаточно предъявления символов величия прошлого — в подчеркнутых ритуалах (пусть и придуманных, но воспроизводящих как бы настоящие ритуалы прошлого), в китчевой пышности дворцовых интерьеров, обилии золотого декора в интерьере и гербовых орлах и т.п. Восторг от телевизионного зрелища, виртуального присутствия в церемониях государственной литургии (торжественного выхода президента из парадных дверей дворцового зала, посещения заводов и больниц, возложения венков к памятникам павшим, выступления на съездах или как бы деловых совещаниях с губернаторами и министрами, транслируемых по телевизору, и т.д.) создает иллюзию приобщенности

¹ Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2021 (пер. А.Б. Гофмана). Дюркгейм рассматривает «мораль» как интегративную основу общества. Это система общеобязательных правил, обладающих собственным авторитетом, долженствованием и, что очень важно в данном случае, рефлексивным осмыслением, сознательным принятием их индивидом.

убогого индивида к важнейшим процедурам внеповседневного бытия государства, таинствам управления и скрытой обычно жизни российского государства.

Идеология традиционализма поэтому возникает здесь абсолютно не случайно. Путин выступает как персонификация вторичного, эпигонского, имитирующего прежние формы советского тоталитаризма и имперского величия. Он («коллективный путин», идеологическая обслуга, выполняющая заказы своего патрона и старающаяся угадать его пожелания и настроения) не в состоянии выработать новую программу развития страны, выдвинуть новые национальные цели, вообще породить что-то новое, идеи или представления. Для этого у него нет ни способностей, ни сколько-нибудь культурного ресурса, даваемого общим высшим образованием. Его жизненный путь не позволяет говорить о его интеллигентности (понимаемой как обладание высокой культурой, воспитанием, горизонтом знаний).

Поэтому заимствованные символы и образы прошлого, идеологемы и пропагандистские клише играют чрезвычайно важную роль в актах коммуникации между властью и обществом. Театрализация обстановки и постоянные инсценировки геополитической карты мировых событий, разыгрывание роли великого государственного деятеля, одного из ведущих мировых политиков не просто отодвигают реальные проблемы существования населения на дальний план, но и обеспечивают необходимую примитивизацию коллективного сознания, систематическую работу по принудительной коллективной дегенерации, деградации общества, его варваризацию. Особенно нового в этом ничего нет — в конце 1930-х можно было наблюдать схожие формы милитаристской и геополитической мобилизации с их крикливой пропагандой «разгромим врага малой кровью», разоблачением вредителей, шпионов, диверсантов, агентов разных стран².

Оправдание внутренней агрессии и злобы (личный и массовый ресентимент)

Враги — оправдание внутренней агрессии и ненависти к ближнему, канализация напряжений и ресентимента. Это созда-

² См. советские фильмы того времени: «Трактористы», «Светлый путь», «Член правительства», «Семеро смелых» и пр.

ет резонанс между состоянием и моралью населения и образом «вождя», в котором люди видят оправдание своей злобы, социальной беспомощности и цинизма. Отсюда упорное настаивание на том, что у России есть враги (это мнение разделяли в последние три года 80–82%; в 1994 г. этот показатель составлял 41%, в 1989-м — 13%)¹. Враги могут меняться, но их функция при путинском режиме остается принципиально той же самой: консолидация вокруг власти, объективация фрустраций и тревожности, резкое упрощение конструкции реальности, лишаящейся двух ключевых вещей: исторической перспективы и моральной ответственности индивида. Этот механизм принудительной интеграции с властью (стерилизации субъективности), подавления частных интересов и перспектив одной общей, коллективной угрозой, понуждающей к консолидации с властью, к приданию главе государства свойств «вождя» и «лидера». Только при этих условиях Путин и становится «национальным лидером». Без этой «геополитической» сцены и воображаемого соперничества мировых держав его авторитет сдувается, не выдерживая претензий и повседневных проблем обывателей, возлагающих на него патерналистские ожидания.

Лицедейство ВВП, его «опытность» заключаются в том, что он может безнаказанно нарушать общепринятые / установленные нормы поведения, порядки, демонстрируя свою «исключительность» (эксклюзивность) и силу как неопровержимые признаки (свидетельства) этой самой «исключительности». Переворачивать смысл слов и действий других людей, нагло приписывать им собственные значения и намерения, тем самым дискредитируя

¹ URL: <https://www.levada.ru/2020/10/15/vragi-2/>. 69% россиян постоянно осознают себя в окружении врагов, враги определяют коллективный горизонт сознания. Главные враги — США (70%), Украина (14–34%), Великобритания (10%), Евросоюз, бывшие республики СССР, вступившие в ЕС и НАТО (по 7%). «Наша страна окружена врагами со всех сторон» (16%); «у народа, ставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги» (26%); «самые опасные наши враги — скрытые, внутренние» (27%); лишь 25% вполне резонно замечают, что «зачем искать врагов, когда корень зла — в собственных ошибках»; 6% затруднились ответить на вопрос о наших врагах (опрос проведен в январе 2020 г., N = 1600). После 2014 г. к этому представлению о вражеском окружении страны (привычному по советским временам режиму «осажденной крепости») добавляется и представление об изоляции России, навязанной Западом, разделяемое большинством опрошенных (56% в 2018 г.).

их и лишая их морального или социального основания и достоинства. «Нарушил закон — получи двухщечку», «я не вмешиваюсь в компетенцию суда, есть основания для претензий — обращайтесь в суд», при общем (включая в первую очередь и самого Путина) понимании полной зависимости сервильного суда от администрации, и не только президента, но и региональных властей. Такое сладострастие циника легко прочитывается общественным мнением, но не вызывает особого возмущения, если не считать образованных либералов или наивных обывателей. Подобная ловкость шулера воспринимается большей частью российского населения (= общества) как «опытность» (игрока) и «решительность» в делах защиты репутации России, т.е. как аналог компетентности и дальновидности, как умение сбить оппонента и противника с толку, унижить его. Можно полагать, что это и есть главный прием ВВП, но он действует лишь в соединении (пусть даже и подразумеваемом) с присваиваемым моральным авторитетом РПЦ, а также с выдуманными традициями России, сакральными скрепами, ресурсом славы в победе в Отечественной войне и т.п. апелляциями к самым бесспорным и банальным символам национальной идентичности. Присвоение им значений такого рода закрывает для других возможности обвинять его в личной непорядочности, коррупции, лживости, лжесвидетельствах, клевете (придает его демагогии как бы искренний пафос и бескорыстный интерес и заботу о малых мира сего). Или, как это представлено в романе «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова: «Не корысти ради, а токмо волей пославшей меня...»

Другими словами, идентификация со злом (как неизбежностью, как частью реальности) определяет отношения масс к президенту. Но это взаимная связь. Было бы ошибкой полагать, что он — генератор подобного аморализма, он лишь персонифицирует допустимость подобных массовых установок, представлений об оправданности насилия, морального инструментализма тотальной лжи. Способности к подобному переворачиванию зла — часть институциональной практики развращения общества, поддержания этой развращенности как способа адаптации к изменениям или социальным противоречиям. Это не оправдание

зла, а его ценностная нейтрализация. Опыт нарушения как бы безусловных норм и рутинных правил обычной логики и морали предполагает прагматику поведения, «пургенизацию» зла, умение выносить за скобки должные оценки и суждения в случаях внутренних конфликтов. Поскольку это идет с самого верха, обычно наделяемого наивысшими символами добродетелей, то нетрудно понять распространенность общих убеждений в том, что «политика — грязное дело», что политика — «занятие политиков», что «политика — великое, неповседневное дело высших слоев», она не «для нас».

Логическая структура демагогического высказывания состоит в том, что одному из компонентов утверждения придается статус фактического (но принципиально не проверяемого) суждения (экзистенциального предиката), другому — оценочно-идеологическое значение, выполняющего функцию генерализации, т.е. фактора, направляющего внимание и способность актора на производство последующих оценочных суждений как фактических утверждений, уже не требующих ни проверки, ни подтверждения:

«Запад, НАТО угрожают безопасности России, поэтому мы вынуждены предпринимать военно-технические меры, включая размещение войск на границе с Украиной. В Крыму имел место свободный плебисцит о присоединении к России, никакой подготовки к вторжению российских частей в Крым не было, вежливые человечки взяли неизвестно откуда, в Рязани был сахар, а не гексоген, Россия не собирается нападать на Украину, “боинг” сбили украинцы, в Донбассе нет российских войск, а вооружение, включая тяжелое, сепаратисты покупают в военторге, караваны поставляют в Донбасс гуманитарные грузы, а не снабжение для размещенных там войск, у Ходорковского руки по локоть в крови, а активы ЮКОСа пойдут на повышение пенсий населения, я не имею отношения к дворцу в Геленджике, а Навальный — экстремист и террорист, ФБК — экстремистская организация, президент не вмешивается в деятельность суда, суд в России — независим, но “двушечку” дать надо, и это правильно, Путин не будет рассматривать дело о похищении жены судьи Янгубаева и заявления чеченских депутатов о том, что критикам Кадырова отрещут головы, Путин постоянно в контакте

с руководителями силовых ведомств и т.п.».

Путин — не харизматик, как считают многие, даже оппозиционные комментаторы, пытаясь как-то объяснить непонятную для них популярность Путина некими иррациональными свойствами его натуры. У него нет своих идей или программы, он ничего иного, кроме идеологических банальностей, пошлостей и стереотипов имперской культуры прошлых времен, выдать не может¹. Но именно поэтому он признан «своим» (хотя и не слишком уважаемым!). Он — символ той развращенной и коррумпированной власти (бюрократии), которой знаменита Россия.

Внутренняя ущербность ВВП прорывается в двух формах. Первая склонность к китчевой роскоши обстановки, лишь оказавшись в которой он чувствует себя комфортно в роли «великого государственного деятеля», «исторического персонажа». Однако, что следует специально подчеркнуть, за пределами официального пространства — Кремлевского дворца, где проходят государственные церемонии и ритуалы, его многочисленные собственные поместья (и не только пресловутый дворец в Геленджике, объект фильма ФБК) предельно засекречены. Это «великолепие» не может быть выставлено напоказ, как это было нормой у аристократии, это нелегитимное богатство, скрываемое, от которого ВВП публично отрекается (как, впрочем, и от подробностей своей личной жизни). Страх публичности, как и комические меры безопасности президента (всевозможные и чрезмерные меры охраны, свидетельствующие о хроническом недоверии к людям, об ожидании нападения; санитарные зоны, принудительные гигиенические процедуры проверки персонала, контактирующего с ним, и многое прочее), указывают на наличие целого пласта бессознательного комплекса преследования, своего рода суррогата вины

¹ У него нет политической программы развития страны (нацпроекты и другие «стратегии развития» представляют собой популистские акции, эффект которых многие экономисты считают сомнительным, в любом случае это не долгосрочные планы институциональных изменений, которые могли бы стать драйвером развития). Но и населению мало что есть предложить Путину для изменения положения дел в стране: инструментов всего два: «бороться с коррупцией чиновников» (в федеральной и региональной бюрократии, полиции — 22%), «увеличить налоги на богатых» (19%). Еще два пожелания, сводятся к «решить проблему доступного и качественного, но дешевого жилья» и «защитить права граждан» (по 9%).

и неполноценности (внутреннего сознания «царь — подмененный»). Вторая — слепящая ненависть ко всем, кто осмеливается критиковать его, но причина ее — не сам факт разоблачения коррупции, а догадки, что за этим стоит плохо скрываемое презрение. Тут всякие тормоза, формы приличия, владения собой, нормы поведения, подобающие фигуре такого ранга, отбрасываются в сторону. Здесь Путин не может сдержаться себя. Даже, возможно, понимая, что это вредит его имиджу. Наиболее типичные реакции такого рода — психологическая невозможность для него назвать Навального по имени («берлинский пациент»), вульгарность по отношению к несогласным с ним. Он не останавливает варварские речи Кадырова и его «головорезов», но не потому, что боится, как утверждают многие наблюдатели, а потому что внутренне сладострастно переживает чувство мстительного желания уничтожить всех подобных оппонентов. Нет сомнений, что отсутствие реакции президента на действия Кадырова вредят его репутации, репутации всего политического класса России, и он понимает это, но не в состоянии сдержаться себя, как не может удержаться от неукротимого желания унижить других, «опустить» их в публичной ситуации, где только это возможно¹. Он может чувствовать свое превосходство и доминирование, только унижая других. Уверенный в себе человек, тем более лидер, крупный политик, глава государства, претендующего на статус и авторитет «Великой державы», мог бы спокойнее относиться к критике своей особы, публичности, вниманию к себе и частным обстоятельствам своей жизни, как это делал Б. Ельцин или М. Горбачев, не говоря о западных политиках.

Поэтому лживость стала не просто тактическим приемом политического демагога, но конститутивным свойством личности президента и всего политического класса России, персональный состав которого прошел тщательный отбор по соответствующим признакам. Переворачивание смыслов становится политической практикой: критики коррупции в высших кругах власти и лично Путина — это экстремисты и мошенники; «Мемориал» оправдывает преступление нацизма; критики террора в Чечне — это тер-

¹ Автор сам бы свидетелем подобного поведения Путина на Валдайском форуме в 2013 г. Впечатления, полученные там, не могут быть изложены в рамках жанра научной статьи.

рористы, а суд, выносящий по этим делам приговоры, — институт правосудия и справедливости. Январские волнения и погромы в Казахстане — не бунт людей, доведенных до края терпения произволом власти и коррупцией, а организованные внешними силами мятежи, вторжение 20 тысяч террористов. Крым добровольно вошел в состав России и т.д.²

Нельзя сказать, что люди всецело верят в подобные утверждения, даже когда те поступают с экранов телевизоров. В своих исследованиях мы многократно фиксировали двойственность общественного мнения³. Было бы ошибкой ставить вопрос об искренности либо неискренности подобных заявлений или логической связанности высказываний президента или его кланеров⁴. Их смысловая значимость и связанность заключены только в границах самого ут-

² Отсутствие публичной рефлексии и, соответственно, массовой памяти, стирание ее в постоянно манипулируемых СМИ прошлым сильно облегчают лицедейство и президента, и всех представителей политического класса. Вряд ли кто сегодня помнит его заявления, что он никогда не будет нарушать Конституцию и в мыслях не держит оставаться на третий срок и т.п. Популистская демагогия (нацпроекты, материнский капитал и пр.) с самого начала была важнейшей частью привлечения симпатий населения. Пример: его обещания и посылы (доведенные в форме распоряжения правительства № 1662-р от 17.11.2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., цит. в редакции от 10.09.2017 г.) установить МРОТ в размере 24 816 рублей, пенсию — 26 538 рублей, обеспечить жильем каждую семью квартирой в 100 кв. м, довести долю среднего класса до 52–55% и т.п. — URL: https://yandex.ru/search/?text=%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+1662-%D1%80&lr=213&clid=2241976&src=suggest_B.

Для справки. Средняя зарплата, по данным опросов «Левада-центра», в 2021 г. составляла 38–42 тысячи рублей; пенсия по старости (по официальным данным) в 2020 г. составила 16 501,83 рубля; МРОТ (со всеми последними прибавками) с 1 января 2022 г. торжественно объявлен 13 890 руб.

³ Например, «в Донбассе нет российских войск», но «там могут быть профессиональные военные (офицеры, контрактники), добровольно участвующие» по зову сердца в военных действиях на стороне «сепаратистов» ЛНР и ДНР (за счет отпусков и т.п.). Балтийские республики «добровольно вошли в состав СССР». Зимняя кампания с Финляндией 1939–1940 гг. несправедлива, но требования Сталина уступить ему территории на Карельском перешейке оправданны, поскольку маленькая Финляндия представляет серьезную военную угрозу советской державе, и пр.

⁴ Ср.: «... И крепко на руку нечист,
Да умный человек не может быть не плутом,
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем».

А. Грибоедов. «Горе от ума», д. 4. сц. 4.

верждения, устанавливаемой самой речью субъекта игровой зоны или сцены с назначенными говорящими персонажами и их мотивами действия¹. Проблема возникает не в момент говорения и не у самих говорящих, а у тех, кто пытается соотнести содержание высказывания с фактами реальности. В психиатрии это именуется «мозаичная психопатия», когда субъект может утверждать несовместимые, но рядоположенные тезисы².

Но последствия этой демагогии очевидны: если «иноагенты» — чужаки, выступающие против национальных ценностей и величия государства, то любая ложь по отношению к ним целесообразна и оправдана прагматически, а не фактической истинностью утверждений. «Благие намерения» и высшие интересы демагога нейтрализуют возникающие возражения слушателей, делая ничтожными фактические обстоятельства темы. Это и есть феномен массовой

примитивности и политического лицемерия. Оглушающий эффект высоких слов устраняет у слушателей способность рефлексии и критической оценки сказанного³.

В этом плане настаивание на «правильности» подобных заключений (и проводимой политики, агрессивной вовне и репрессивной внутри страны) приобретает не просто самоценный характер, обеспечивающий поддержание личностной consistency. Однако цена — разрыв с реальностью и вероятность катастрофических последствий для всей страны, поскольку при возвратном тоталитаризме нет и не может быть контрольных механизмов (то, что в механике называется «страховка от дурака»). Поэтому угроза для общества, оказавшегося заложником такой политики, быть втянутым в гибельные авантюры диктатора становится чрезвычайно высокой. И здесь ни для кого не может быть оправдания. Все будут нести ответственность.

¹ Это именно то, что имел в виду Ю. Левада, когда описывал «игровые структуры социального действия» (ситуация задается проекцией смысла действия, сцена очерчена конвенциями «общего понимания» условности ситуации высказывания, барьерами, которые не позволяют перенести смысл действия за рамки игры).

² К числу симптомов этого рода относятся: наличие навязчивых идей, склонность объяснять события в мире исходя из «заговорщических» намерений без достаточных на то оснований, подозрительность; склонность к манипулированию людьми; завышенный уровень самооценки; отсутствие эмпатии, равнодушие к чувствам других людей; отсутствие близких друзей и близких доверительных отношений; садистские наклонности и склонность к жестокости, неспособность к переживанию. По данным исследований, описываемый диагноз наблюдается у 15% людей из касты криминального мира, так как при развитии мозаичной психопатии наблюдается склонность к жестокости и насилию, к отсутствию чувств сопереживания. — URL: <https://psihiatrov.net/blog/emotsionalnye-rasstroystva/kak-proyavlyayetsya-mozaichnaya-psihopatiya>. Такой диагноз, в частности, вынесен А. Лукашенко: «В 1977 г. после окончания пединститута Лукашенко, явившись на прием к первому секретарю обкома партии Леонову, стал требовать, чтобы тот назначил его председателем колхоза. Антисоветских лозунгов не выкрикивал, был за КПСС, за Советский Союз, но хотел стать председателем колхоза. Лукашенко не мог успокоиться, и Леонову пришлось вызвать охрану и отправить Лукашенко к психиатру. Тогда ему и был поставлен диагноз "мозаичная психопатия". В 1978 г. директор Могилевского облисполкома, где Лукашенко работал секретарем ВЛКСМ, вновь отправил его на психиатрическое освидетельствование в связи с неадекватным поведением. В 1982 г. Лукашенко был комиссован из армии с тем же диагнозом "мозаичная психопатия". В 2001 г. минский психиатр Дмитрий Щигельский после серии убийств политических оппонентов Лукашенко опубликовал "Историю болезни Александра Григорьевича Лукашенко". После чего Щигельского ждало уголовное дело и вынужденное бегство из страны». — URL: <https://n1.by/news/1502513-kak-proyavlyalas-mozaichnaya-psichopatiya-lukashenko>. «Батька» может нести абсурдные вещи, не заботясь о логической связи и обосновании. Главное — уверенность в себе и в том, что другие не осмелятся возражать.

³ Д. Орешкин точно диагностирует характер подобного поведения. Комментируя встречу Р. Кадырова и В. Путина, происшедшую после шокирующих заявлений чеченского руководства об отрезании голов у критиков Кадырова, Орешкин говорит: «Это обычная проблема либеральной общественности, всегда находящейся в плену wishful thinking, что Кремль утратил контроль, а Путин состарился и сейчас куда-то уйдет. Не думаю. То немногое, что Путин умеет, он делает хорошо, а умеет он поддерживать административный и силовой контроль. Надеяться, что происходящее сейчас в Чечне, — признак путинской слабости, нет никаких оснований.

С точки зрения Путина, Кадыров никаких особых прегрешений и не совершил. Он поддерживает контроль над «специфической территорией» и управляет ею специфическими методами, которые, с точки зрения Путина, адекватны и результативны. Есть в Чечне источники политических проблем? Нет. Там стабильность. Если надо вывести на митинг 200 тысяч человек — выйдет 600 тысяч. Все отлично, Рамзан Ахматович справляется. А то, что либеральная общественность воеет, что нельзя отрезать головы, — это, по мнению Путина, отражает только неадекватное представление самой либеральной общественности о действительности. А в действительности головы отрезать надо, а оппозиционер должен сидеть в тюрьме. И встреча Путина с Кадыровым — не сигнал о слабости Кремля, а демонстрация того, что и Путин, и Кадыров считают нормой то, что нормальному человеку нормой не кажется. И они прекрасно друг друга взаимно поддерживают. Кадыров сказал, что разговор был добрый, и направил после этого свое вооружение куда-то в западном направлении. А Путину это более чем удобно, потому что теперь, если что, воевать в Украине будут «добровольцы» с зелеными повязками на головах. А если в Чечню оттуда пойдут гробы — никто не пикнет. Так что они поддерживают вполне крепкие отношения "вассал — сюзерен", и сюзерен вполне контролирует ситуацию. А то, что вассал кому-то отрезает головы, — так это его, вассала, право. Если бы на месте Путина был бы кто-то приличный, он бы, конечно, пережил неприятные ощущения, но Владимира Владимировича все устраивает. У них крепкие дружественные родоплеменные отношения образца XIII века» (04.02.2022. — URL: <https://www.ej2020.ru/?a=note&id=36975>).

В российском обществе есть запрос на осмысление антропологического типа такого рода. Это вполне выраженный социальный персонаж. В советское время он только-только начал проявляться скорее как тема в искусстве, как фигура человека, придающего социальным нормам поведения, включая моральные нормы и правила, условный характер. Их, по мнению этого персонажа, можно соблюдать в той мере, в какой они являются нормами для других, но не для него самого. Следовательно, они, с его точки зрения, внешний ресурс, который можно использовать в своих интересах, учитывая их значение для окружающих. Такого рода социальная игра (расчет на ситуативную значимость конвенциональных моральных обязательств, условность смысла правил в границах определенной ситуации) позволяет прагматически эксплуатировать доверие других в своих целях, демонстрируя им оборотный смысл их собственных норм поведения. Таков персонаж фильма Г. Даниеля «Афоня» (1975) и его социальная эволюция в ленте 1979 г. «Осенний марафон»¹, герои фильма А. Абдрашитова и А. Миндадзе «Остановился поезд» (1982) и др. После краха советской системы в культуре начинает осмысляться та же проблема аномии или имморализма, но уже с важнейшим изменением постановки вопроса, добавляется тема снятия табу на насилие и последствия этого для человека. Наиболее яркие в этом плане персонажи этого ряда произведений даны в фильмах А. Балабанова («Брат», «Брат-2», «Жмурки», «Груз-200», «Про уродов и людей», а также фильмы «Счастливые дни» и «Замок» по мотивам С. Беккета и Ф. Кафки²). Или, иначе, в массовой культуре подобный типаж — приспособленец, демагог, мошенник, использующий ресурсы административного положения, — является проблемой и тематизируется чрезвычайно интенсивно. Можно также вспомнить о пьесах Л. Петрушевской («Свои» или «Детская кровь», «Три девушки в голубом», «Чинзано» и др.), давшей самые пронзительные версии этой темы, или поздние

фильмы К. Муратовой. Эволюция проблематики аномии и распада групповой и личностной идентичности находит свое выражение в литературе 2000–2010-х (в женской поэзии, в прозе таких писателей, как Р. Сенчин³ и др.). Примеры более простого выражения ощущения общественного аморализма после неудачи реформ, потери «лица» и оправдания хамства и наглости во множестве находятся в бесчисленных и анонимных телесериалах (настоящей массовой продукции, так или иначе оформляющей сознание растерянного и деградирующего общества), в различных телешоу вроде «Комеди-клуб».

Секуляризация сознания советского человека (атеистическая пропаганда, преследование верующих) не сопровождалась процессами формирования гражданского общества и правового государства, независимости СМИ, университетского образования, плюралистической культуры, основа которой автономная личность и ее свобода, активность, терпимость к Другому. Внутренне этот человек оставался зависимым от власти и принудительного социального порядка, что, собственно, и вело к воспроизводству несознаваемых архаических структур и культу вертикали господства. Именно эта особенность сознания обычного человека проступает или проявляется в характерных и частых реакциях респондентов на фокус-группах: «Если не Путин, то кто?». Не то что нет других фигур, а трезвое (хотя и не рефлексированное) сознание того, что другие не будут допущены к участию в политической конкуренции, в представлении своих взглядов и планов деятельности государства.

Поэтому общий аморализм как следствие неудачи «демократического транзита» сублимируется в массовом сознании в непроизвольной потребности дополнить образ публичного персонажа — человека, возникающего на экране ТВ, — аурой значительности, усиливаемой по мере возвышения занимаемой им позиции (не устраняя вместе с тем понимание порочности людей этой породы). Потребность эта проявляется тем сильнее, чем дольше этот персонаж занимает высшую позицию в иерархии. Коллективное воображение дополняет черты этого актера достоинствами, которые суть

¹ Снят по пьесе А. Володина «Горестная жизнь плута».

² Понимание особенностей такого жизненного опыта Балабанова, который в опосредованном виде выразился в его фильмах, происходит, на мой взгляд, из его службы в армии и участия в войне в Афганистане. Именно там следует искать мотивы интереса к лицемерию общества, терпимости к насилию, более того, культивирования голой силы и гордость за право ее использования.

³ «Вперед и вверх на севших батарейках» (2008), «Ёлтышевы» (2009), «Московские тени» (2009) и др.

проекция массовых стереотипных ожиданий, пронизанных иллюзиями, проекциями желаемых свершений. Сочетание высшей позиции с представлениями о высшей степени возможности действия, «всемогущества» того, кто по каким-то причинам занял этот пост, нейтрализует и вытесняет все неприятные факты и проявления действительного характера этого персонажа. Дело не столько в страхе, который всегда присутствует во внутренних реакциях обывателя на тему отношения к власти в государстве, основанном на насилии и полицейском произволе. Более интересно и сложно для понимания здесь возникновение эффекта вытеснения темных сторон правителя (президента, премьер-министра, губернатора), его оправдания. В этом действительно есть что-то от религиозной потребности в вере во внеповседневные качества власть имущих, вере, делающей социальную структуру осмысленной и легитимной, оправданной и приемлемой.

Собственно, эти характеристики объясняют иммунитет власти по отношению к обширной, постоянно возобновляющейся негативной информации и критике коррумпированной власти, которая распространяется почти исключительно по каналам социальных сетей и альтернативных изданий, несущих на себе клеймо или знаки отторжения от власти. Последнее обстоятельство гасит и стерилизует силу воздействия негативной информации (негативной фактичности) для тех, кто хочет «верить» держателю власти потому, что оно грозит не самому правителю, а верующему и надеющемуся на власть, разрушая его представления о миропорядке.

Этот эффект в восприятии и отношении к российской власти оказывается устойчивым лишь в условиях стерилизации публичного пространства и постоянного полицейского насилия¹. Бессилие гражданского общества и слабость структур публичной критики, дискуссии, систематического контроля над властью порождают не только культуру «наученной беспомощности», но и возникающую благодаря этому и в этих условиях потребность в вере в «добраго правителя». Еще раз повторим, дело не в опасениях обывателя, дескать, пугающегося того, что, если он что-то скажет или поведет себя

не так, как полагается, ему придется плохо — накажут, отнимут, выгонят с работы, посадят и т.п. Более существенно, что он сам испытывает сильнейший дискомфорт и невроз в ситуации, когда критика (даже если источник неприятных мыслей он сам) становится источником эрозии смысловых оснований его собственной реальности². Он защищает не Путина, а себя, свой образ действительности.

Само по себе общественное мнение не может служить достаточным объяснением популярности Путина, поскольку оно (по своему устройству и функциям) представляет собой механизм редукции внутренних конфликтов, комплексов, надежд и фрустраций. В структуре общественного мнения ясно прослеживается склонность к апологии и защите позитивного образа Путина, вытеснение неприятных черт и особенностей его характера (с которыми идентифицируется масса). Общественное мнение переинтерпретирует их в духе возвышения и оправдания³. Реже в соцсетях встает тема тотального страха Путина перед обществом, характерного для всех диктаторов. Проиллюстрируем это стремление массового сознания к защите образа, с которым оно

² Идентификация такого рода строится на компенсаторном замещении иллюзий чувством могущества коллективного целого, частью которого ощущается себя обыватель — подданный Великой державы, которую, по его мнению, уважают и боятся другие народы и страны.

³ Ярче всего это сказывается на тех вопросах Путину, которые поднимает критика и оппозиция: проблема коррупции и злоупотребления властью, лицемерие, лживость, ханжество и закрытость его образа жизни, не подлежащей публичному обсуждению и оценкам. Обычно в этом случае речь идет о дворце, показанном в фильме ФБК, о любовницах и его детях на стороне, что не может красить «истово верующего» человека, как нам показывает ТВ, требующего возвращения к «традиционным ценностям», включая ценности семьи, и т.п. В соцсетях иногда обсуждается, чаще в саркастических тонах, тема проявлений патологического недоверия Путина к обществу, боязнь покушения на него, экстраординарных мер, предпринимаемых для его личной защиты и безопасности, характерных для всех диктаторов. Впервые она была поднята при повторной его инаугурации, когда центр Москвы был зачищен от москвичей и кортеж президента двинулся по абсолютно пустынным улицам. Во время пандемии коронавируса он получил прозвище «бункерный дед», а сети со злорадством обсуждали санитарные сооружения, обязательные тесты или многодневный карантин для его посетителей. В последнее время предметом насмешек и издевательских комментариев становится его «одиночество» при посещении церкви и удаление всех верующих из храма, а также вытеснение за ограду толпы ветеранов при посещении Пискаревского кладбища и рассаживание снайперов по его периметру, антисептическая обработка сугробов и т.п. Даже по отношению к полностью лояльной публике (вроде министров, сенаторов и депутатов, членов «ЕР») устанавливается огромная дистанция между залом и правителем, не допускающая каких-либо непредусмотренных контактов с президентом.

¹ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давление, пытки // ВОМ. 2019. С. 86–183.

идентифицируется, на следующих данных (табл. 8–10).

Доминирует блокировка любого потенциально опасного для репутации Путина суждения — «Общество не должно знать о частной жизни президента», «Путин получает искаженную информацию, от него скрывают правду» (а потому он ни в чем не виноват — 54–66%). В табл. 8 фиксируется явный рост запретов на публикацию материалов, могущих бросить тень на президента с его защитой традиционных ценностей семьи, скромности, самоотверженного патриотизма (с 52 до 70% в конце 2020 г.). В табл. 9 представлены данные о разгрузке от ответственности Путина за положение вещей посредством перекалывания вины на окружающих его чиновников. Это типовой механизм «царь хороший, бояре — худые» проявляется и в устойчивом разрыве (ножницах одобрения) позитивных оценок деятельности президента и негативных оценках деятельности правительства¹. Еще более выразительны распределения мнений, представленные в табл. 10.

Таблица 8

ДОЛЖНА ЛИ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ЗНАТЬ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НЕ НУЖНО ЗНАТЬ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ И СЕМЬЕ В. ПУТИНА?

	2013 VIII	2020 XII
Общественность должна знать	36	25
Общественности знать об этом не нужно	52	70
Затруднились ответить	12	5

N = 1600

Таблица 9

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЛУЧАЕТ ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН ОТ СВОЕГО ОКРУЖЕНИЯ ПОЛНУЮ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ИЛИ ДУМАЕТЕ, ЧТО ИМЕЮЩАЯСЯ У НЕГО ИНФОРМАЦИЯ НЕПОЛНА И ИСКАЖЕНА ИЛИ ЧТО ОТ НЕГО ВООБЩЕ СКРЫВАЮТ ПРАВДУ О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ?

2000–2017 гг.	2000 IX	2001 I	2004 XI	2005 X	2006 X	2007 X	2013 VIII	2015 VIII	2017 X
Получает полную и достоверную информацию	32	30	27	26	27	28	27	31	31
Получает неполную и искаженную информацию	40	40	46	51	47	44	42	42	42
От него скрывают правду о положении в стране	14	14	17	15	16	14	13	14	16
Затруднились ответить	14	16	9	9	11	13	18	13	12

¹ См. сайт «Левада-центра», напр., раздел «Индикаторы» и «показатели институционального одобрения». URL: <https://www.levada.ru/2022/02/04/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-doverie-politikam/>.

Вопросы о «злоупотреблениях властью Путиным» «Левада-центр» задает с 2012 г. после публикации доклада Б. Немцова «Путин и коррупция» (табл. 11). В среднем за все годы измерения 45% опрошенных готовы согласиться с обвинениями его (с оговорками), однако с полной определенностью об этом заявляют только 12% респондентов; уходят от ответа 23% (плюс еще 14% «затрудняются ответить на этот вопрос»), категорически отрицают любые обвинения такого рода в среднем 18%.

Иначе говоря, согласных с обвинением в 2,5 раза больше тех, кто их отрицает (при высокой доле, почти такой же, что и доля обвиняющих — уклоняющихся от определенного ответа, — 37%). Но при этом следует отметить два момента: первый — «размазанность» массива, нефокусированность тех, кто признает или готов признать ответственность (= виновность) Путина, второй — явные признаки ресентимента у этой категории опрошенных (приложение, табл. 14–15).

Существует нравственная блокада нежелательной информации о ВВП. Она сильнее

проявляется у молодых людей со средним образованием, у жителей средних городов и сел. Более того, нейтрализация значимо-

Таблица 10

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ПУТИН В ТЕХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ ПРОТИВНИКИ?

	2012 IV	2012 XII	2013 VIII	2014 V	2015 VII	2016 IV	2017 IV	2021 I
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в Интернете и свободных СМИ	16	11	10	10	7	14	11	17
Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	32	37	42	30	29	37	31	25
Даже если это и правда, важнее то, что при нем страна стала жить лучше	25	14	18	28	31	18	23	24
Что бы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13	19	22	17	22	29
затрудняюсь ответить	16	23	17	13	11	14	13	5
% считающих ВВП виновным	48	48	52	40	36	51	42	42

сти подобных сведений достигается за счет чисто инструментальной ее интерпретации (дескать, такого рода сведения вбрасываются исключительно с целью дискредитировать высокопоставленных политиков, т.е. используются в политической борьбе). Этим снимается весь смысл очищения политики, общественной жизни, авторитетных людей от преступлений, недобросовестности, коррупции, а значит, с ними уходит идея морального общественного контроля над властью, значимость безупречной репутации, отбора людей в политику (в сферы, определяющие цели развития страны). Подразумевается, что нормой политической (или общественной жизни) является состояние насилия и незаконности, «право сильного», наглость тех, кто обладает властью, которая мыслится исключительно как средство принуждения и личного обогащения. Поэтому большинство опрошенных (из тех, кто имеет некоторое представление о скандальных публикациях) настаивают на том, что публикация разоблачающих документов не будет иметь никаких последствий для тех, кто замешан в описываемых аферах. Таких обнаруживается 37%, еще 18% затруднились в ответах на этот вопрос, справедливо полагая, что «реальность» и «должное» сильнее всего образом расходятся. Кроме того, 14% полагают, что «власти примут жесткие меры в отношении критиков режима, оппозиции, независимых журналистов, чтобы не допустить активного обсуждения этой информации». Иначе говоря, 69% так или иначе

осведомленных об этой истории настроены крайне скептически относительно перспектив расследования этих документов. Оптимистов (считающих, что эта публикация приведет «к падению доверия к руководству страны» или — тем более — «к громким отставкам в руководстве страны») оказывается явное меньшинство (а именно в сумме всего 31% осведомленных и включенных россиян, или, что показывает реальные масштабы включенных в политику, 14% от всех опрошенных, т.е. примерно 16 и 15% от информированных и общественно ангажированных россиян).

Система защиты Путина сильнее проявляется у молодых (57% из них полагают, что эти документы не затрагивают репутацию Путина, никак не вредят ему), людей со средним образованием, сельских жителей или жителей средних городов. Еще более интересным механизмом оказывается «уклонение» от ситуаций взаимодействия с «неприятными людьми», которые провоцируют (с точки зрения обывателя) человека на сомнительные разговоры, затрагивающие щекотливые вопросы политики, отношения к власти, оценок ее действий и т.п., грозящих индивиду потенциальными осложнениями (как психологическим дискомфортом нечистой совести, так и административными последствиями, как он полагает). Большинство опрошенных (51%) в ситуациях возникновения разговоров о политике (об аннексии Крыма, о коррупции в высших эшелонах власти, предстоящих выборах —

честных и нечестных, и т.п.) постараются промолчать и избежать каких-либо разговоров даже со знакомыми людьми. Причем чаще это будут делать люди молодые (для которых характерен низкий уровень интереса и включенности в общие проблемы жизни страны), либо люди с ограниченным ресурсом социальности — с невысоким уровнем образования, жители провинции, где социально-административный контроль над публичным пространством жестче, а сфера свободы гораздо более ограничена, чем в столицах или мегаполисах.

Было бы неправильным считать, что эти контингенты опрошенных ведут себя так из-за дефицита знаний, информации, общей непросвещенности. Это не дефицит, а форма проявления определенных запретительных механизмов — подавления независимых от власти мнений и интересов. Это не внешнее давление, а внутренняя самоцензура и самоограничение, самоконтроль, оборачивающийся своего рода общественной тупостью. Он обозначается как «страх», хотя это не точное обозначение этих форм взаимодействия и социального реагирования.

Сам Путин крайне нервно и агрессивно реагирует на любую информацию частного характера, могущую снизить его высокий образ в глазах публики. Вещи, обычные для открытого и демократического общества (постоянный контроль над частной жизнью ведущих политиков, расходами, манерой выступлений, соответствием слов и обещаний реальным делам), здесь превращаются в предмет жестокой цензуры, злопамятного и мстительного преследования¹.

Вязкость конформистской среды, давление общих мнений активируют механизмы стерилизации и нейтрализации и представлений, могущих вызвать конфликты или напряжения, трения в отношениях с носителями административного ресурса.

Усилиям по рационализации отношения к Путину и выражения недовольства его политикой противостоит инерция табуированного отношения к вертикали власти, что

¹ Речь не только о преследованиях А. Навального и разгроме ФБК. Можно вспомнить судьбу М. Ходорковского, обвинившего окружение Путина в коррупции и злоупотреблениях, или публикацию подобных материалов в газете «Moscow Times», после которых она была запрещена и ликвидирована. Журналистка Елена Трегубова, описавшая опыт соблазнения ее Путиным в книге «Байки кремлевского диггера» (2003), была вынуждена эмигрировать из России после того, как ей на дверь квартиры повесили ручную гранату, и т.п.

включает в себя не только страх и трепет, но и иллюзии неопатернализма, блокирующих потенциал и способности интеллектуальной рефлексии в этом плане.

Ответы отражают не силу прогностических способностей населения, а коллизии массовых желаний и суровой реальности. Коррупцию победить нельзя, протестные движения будут подавлены, снятие санкций едва ли произойдет, но хочется, чтобы жизнь стала лучше, чем вчера, более спокойной и мирной, конфронтация, по мнению россиян, мало кому нужна. И главное — *Путин может сделать это*, поднять уровень жизни в стране, сделав более справедливым для обычных людей распределение доходов от нефти и газа, как и нормализовать отношения с Западом. Он не решит проблему коррупции, поскольку сам повязан с коррумпированными группами и будет давать протест, поскольку протестующие выступают против него, но заботиться о благополучии людей он обязан. Примерно так и рассуждает обыватель. Вопрос, почему Путин этого не делает, остается без ответа, поскольку ответ не предполагается. Важно лишь, что он может это делать, так как эта модальность укрепляет надежды и всю картину реальности, что достаточно для восполнения лояльности власти. Если реальность расходится с ожиданиями, то ищут объяснения этому и находят виноватых — это чиновники, скрывающие положение вещей от него, окружение Путина, правительство и т.п.

Оборотная сторона этих представлений (второй компонент структуры двоемыслия) указывает на прямо противоположное отношение к носителю власти (накопление раздражения и недовольства), однако оно присутствует в сознании исключительно латентно и не может быть актуализировано (табл. 10).

Хотели бы видеть Путина на ключевых позициях в руководстве государством после 2024 г. (президентом, премьер-министром) 38% взрослого населения России, среди молодежи чуть более 4% (табл. 11). Частным лицом — 30 и 77% соответственно. Это значит, что при другом раскладе общественных сил у Путина в будущем не было бы шансов быть переизбранным, и не только потому, что до 2020 г. закон не позволял ему выдвигаться кандидатом в президенты. Нынешняя ситуация принципиально иная, и поло-

жение Путина не зависит ни от Основного закона, ни от мнений и настроений в обществе. Переписывание Конституции и полный контроль над выборами дали ему все гарантии для переоформления его статуса и бесконечное продление его власти.

В феврале 2020 г. 46% опрошенных россиян считали, что В. Путин должен отойти от руководства страной после окончания его президентских полномочий в 2024 г., но столько же (45%) были не согласны. Принятие поправок в конституции, которые сняли ограничение для него (обнулили сроки пребывания у власти), были негативно восприняты 37% опрошенных (в том числе – 32% – «резко отрицательно» отнеслись к этим политико-правовым кульбитам), 44% – положительно (в том числе, 33% «целиком положительно») (Декабрь 2020 г.).

Подводя итог анализу опросов общественного мнения об отношении российского населения к Путину, можно сделать следующие выводы. В циклическом характере российской политической истории есть свои закономерности: периодические кризисы тоталитарной системы, вызванные пороками самой системы (неэффективно-

стью управления, косностью власти, хроническим недовольством подданных), ослабевает внутренний контроль над кадровыми назначениями, что приводит к появлению во власти новых людей с другими человеческими характеристиками. Но интересы сохранения власти у «новых» ведут к восстановлению силовых институтов как основе консервации власти и, соответственно, стерилизации потенциальных изменений. По мере дальнейшего движения происходит вытеснение реформаторов и замена их силовиками, что, в свою очередь, становится причиной последующей стагнации развития и реверсного движения, восстановления или модификации тоталитарных институтов. Реставрация репрессивного режима предполагает среди прочего обращение к наследию предшествующих стадий российской истории, включая имперские, милитаристские и экспансионистские представления и политические планы. Последствия их реализации (Афганистан, Чечня, Украина и др.) неизбежно оказываются катастрофическими, что открывает новый цикл эволюции и будущего краха. Каждое подобное движение государства предполагает свой челове-

Таблица 11

В КАКОЙ РОЛИ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ ВЛАДИМИРА ПУТИНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА В 2024 ГОДУ?

	Все население январь 2020 г., N = 1 603	Молодежь (октябрь 2020 г., N = 2 013)*
Президентом России	27	0,1
Частным лицом	23	13
Председателем правительства РФ	11	4
Лидером партии «Единая Россия»	9	7
Президентом Союзного государства России и Беларуси	4	1
Официальным лидером нации и секретарем Совета Безопасности (как экс-президент Казахстана Н. Назарбаев)	4	2
Руководителем крупной международной организации (ООН, Международного олимпийского комитета и т.д.)	4	2
Пенсионером	2	48
Главой крупной государственной корпорации	1	2
Другое	2	1
Не хотел бы видеть его в публичной сфере	7	16
Затрудняюсь ответить	7	2

Ранжировано по общероссийскому опросу.

*«В тюрьме, в заключении» (2%), «министром», «дворником», «грузчиком» (по 0,1–0,2%).

ский тип (с определенными конфигурациями идей и интересов, морали и пр.), а их смена или чередование — порядок российской истории, ее «чертов круг».

Заключение

Движение российского общества для многих наблюдателей его как внутри России, так и зарубежных предстает как фатальный и иррациональный процесс исторических неудач, abortивной модернизации. Смена эволюционных периодов, всегда связанных с внутренними кризисами косной системы господства, открывает возможности для быстрого усвоения западных технологий, заимствования целого ряда инноваций, в том числе институционального порядка, но по мере выхода из очередного кризиса власть восстанавливает контроль над обществом, кастрирует элиты, подавляя тем самым потенциал разнообразия и структурной дифференциации, автономию общества. Последние четверть века мы принуждены быть свидетелями или наблюдателями реакционного поворота государства, собранного из обломков советской системы. Реконструкторами ее оказались выходцы из самой закрытой и консервативной институциональной системы — КГБ, секретной политической полиции, хранившей и воспроизводившей образцы тотального насилия, лежащих в основе советского общества-государства. То, что получилось в результате, не есть реставрация сталинской или даже брежневской системы. Из нее (из них) заимствованы лишь некоторые идеологические модели и стереотипы, привлекательные для социальных низов (деклассированного, ре-сентиментного типа человека) и годные для прагматики власти. Примитивность сознания и использование насилия (даже в целях прогресса общества) неизбежно ведет к непредсказуемым последствиям, как это было с перестроечными активистами и демонстрациями в правительстве Ельцина. И этим непременно воспользуются другие институциональные силы, с другими мотивами действия и другим культурным горизонтом. Понимать закономерность этих процессов трудно, мешает замороженность образцами желаемого порядка. Но без осознания этого мы оказываемся в чертовом круге постоянных исторических срывов. К. Ясперс, сам переживший гитлеровский тоталитарный режим, а потому знающий, что это значит,

почти сразу же после войны ставил вопрос о моральной и юридической ответственности за преступления государства и участие в них обычных людей. Его ответ был пессимистичен, это было трезвое заключение мизантропа. В книге «Истоки истории и ее смысл» он пишет: «Физическое уничтожение людей выдающихся, задыхающихся под давлением реальностей массы, — явление, наиболее часто встречающееся в истории. Быстрый рост усредненности, неразмысляющего населения, даже без борьбы, самим фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие. Бесперывно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях, когда хитрость и брутальность служат залогом значительных преимуществ. <...> Не следует отрицать реальность того, что нравственное и доброе, как таковое, не достигает успеха, да и не ради успеха оно совершается. Однако нравственное и доброе, которое берет на себя ответственность за успех и последствия, остается нашим единственным серьезным шансом. <...> В общем, все это вполне в духе картины, данной М. Вебером: мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями»¹.

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. — В кн.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 259, 275.

Приложение

1. Характеристика образа В. Путина

Таблица 1

ЧТО ВАС ПРИВЛЕКАЕТ В В. ПУТИНЕ?

	1999 X	2002 III	2005 III	2007 X	2009 VIII	2011 VIII	2013 I	2014 III	2015 III	2016 III	2018 VII	2020 III
Это опытный политик	7	13	17	34	28	39	30	36	41	33	49	42
Это энергичный, решительный, волевой человек	41	41	35	37	41	31	28	32	41	31	30	25
Это дальновидный политик	6	11	10	15	14	15	10	16	23	21	22	20
Он защищает государственные интересы	—*	—	—	—	18	15	11	18	23	25	17	15
Это настоящий лидер, способный повести за собой людей	9	13	14	22	22	20	14	19	25	20	17	13
Поддерживаю его внешнюю политику	—	—	—	—	10	6	8	18	15	22	16	12
Это человек, который обеспечивает стабильность в стране	10	14	15	23	17	11	16	15	17	14	14	12
Он способен к компромиссам, объединению различных политических сил	5	11	11	11	9	6	6	11	10	9	6	5
Это принципиальный человек	9	12	9	7	8	7	7	7	6	7	6	5
Он пользуется уважением среди окружающих меня людей	8	16	15	17	15	12	6	9	11	9	5	5
Это внешне симпатичный человек	10	14	18	13	9	7	12	7	6	5	5	5
Это честный, порядочный, бескорыстный человек	6	11	12	14	10	4	4	3	5	4	3	3
Он знает жизнь, понимает нужды простых людей	4	12	8	8	8	7	4	3	3	2	3	2
Поддерживаю его политику на Северном Кавказе	24	6	6	3	5	3	3	4	5	2	2	1
Другое	1	1	2	1	2	1	2	1	1	1	3	2
Затруднились ответить / ничего	24	18	16	9	12	19	26	15	11	12	17	21

Респондентам предлагалась карточка со списком ответов, и они могли назвать более одного; ранжировано по убыванию по марту 2020 г.

Таблица 2
ЧЕМ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ В. ПУТИН?

	1999 X	2002 Ш	2005 Ш	2007 X	2009 VIII	2011 VIII	2013 I	2014 III	2015 III	2016 III	2018 VII	2020 III
Ему чужды интересы народа	3	3	7	6	5	8	10	9	7	11	16	14
Он связан с коррумпированными политиками	2	7	9	4	5	9	16	18	19	17	14	14
Он связан с крупным капиталом	–	–	–	–	11	16	17	19	21	17	17	13
Он не справляется с руководством страной	3	5	13	3	5	6	12	4	4	6	9	11
Все его действия рассчитаны лишь на повышение собственной популярности	5	10	10	4	7	11	12	6	5	5	9	8
Он не пользуется уважением среди окружающих меня людей	2	3	3	2	2	3	5	3	3	2	6	8
У него нет четкой политической линии	5	13	14	4	5	4	7	3	8	5	4	4
Это недальновидный политик	2	3	6	3	4	2	4	2	2	3	3	3
Это слишком жесткий политик	6	3	4	2	2	4	4	4	2	2	3	3
Он не способен к компромиссам	3	2	4	2	3	2	3	1	2	3	2	3
Он не способен вести за собой людей	4	2	5	1	2	1	3	2	1	1	2	2
Это беспринципный человек	1	1	1	1	<1	1	1	1	1	1	1	2
У него нет ярких политических качеств	8	7	7	3	2	2	4	1	2	2	1	1
Это слабый, нерешительный человек	1	4	5	2	2	1	3	2	2	1	1	1
Это внешне несимпатичный человек	5	3	2	1	1	1	2	1	1	1	1	1
Другое	4	3	4	6	5	5	6	3	6	4	8	6
Все нравится / затруднились ответить	53	42	38	62	62	52	41	49	50	53	47	47

*Вариант отсутствовал в списке возможных ответов.

Респондентам предлагалась карточка со списком ответов, и они могли назвать более одного; ранжировано по убыванию по марту 2020 г.

Таблица 3

КАКИЕ ИЗ ЭТИХ КАЧЕСТВ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ В. ПУТИНА? (ответы ранжированы по убыванию)

Умный, дальновидный	57
Лидер, способный вывести Россию в число самых развитых стран	37
Широко образованный, знающий	35
Отстаивающий национальные интересы	33
Убежденный патриот	31
Заботящийся о народе	16
Честный, правдивый, порядочный	16
Миротлюбивый, не склонный к насилию	15
Открытый	15
Обаятельный, привлекательный	14
Глубоко нравственный, порядочный	13
Добрый, гуманный	9
Озабоченный сохранением собственной власти	9
Настоящий христианин	8
Верный	8
Бескорыстно служащий обществу	7
Скромный	7
Искренний	6
Скрытный	6
Равнодушный к интересам народа	5
Аскетичный	4
Коррупцированный, продажный	3
Тщеславный, любящий показуху, славу	3
Лицемерный	2
Жестокий, мстительный	2
Демонстративная религиозность	2
Беспринципный демагог	2
Лживый, бесчестный	1
Агрессивный, воинственный	1
Интриган, политикан	1
Любящий роскошь	1
Коварный, предающий других	1
Поверхностный, некомпетентный	1
Недалекий, посредственный	1
Неприятный, отталкивающий	<1
Аморальный, развращенный	<1
Затруднились ответить	6

Апрель 2017 г., N = 1600

2. Достижения и неудачи В. Путина

Таблица 4

ЧТО БЫ ВЫ НАЗВАЛИ ГЛАВНЫМ ДОСТИЖЕНИЕМ В. ПУТИНА ЗА ГОДЫ ЕГО НАХОЖДЕНИЯ У ВЛАСТИ?

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Повышение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий	24	18	14	16	16	22	20	14	11	12	7	8
Повышение оптимизма, надежд на скорое улучшение положения дел в стране	13	11	14	10	12	9	10	7	9	8	6	6
Экономическое развитие страны	10	7	10	18	21	17	12	14	12	13	10	12
Наведение порядка в стране, поддержание спокойной политической обстановки	6	9	8	6	8	8	8	7	9	9	10	8
Улучшение отношений России со странами Запада	6	8	6	5	4	5	6	4	1	2	2	1
Обуздание олигархов, ограничение их влияния	6	6	5	4	2	2	3	2	3	3	3	3
Укрепление международных позиций России	4	4	7	8	8	7	7	8	13	10	11	14
Сотрудничество с другими странами СНГ	3	4	3	2	2	1	4	2	4	2	2	2
Создание благоприятной экономической и политической обстановки для развития частного бизнеса	3	2	2	3	1	2	2	4	2	3	1	2
Решение чеченской проблемы	2	2	2	4	5	4	3	5	7	7	6	8
Повышение боеспособности и реформа вооруженных сил	2	3	2	2	2	1	2	3	8	10	14	17
Борьба с коррупцией, взяточничеством	2	3	2	2	2	2	2	1	3	3	3	3
Защита демократии и политических свобод граждан	1	2	2	1	1	<1	1	1	<1	1	1	<1
Устранение опасности терроризма в стране	<1	1	1	2	2	2	1	1	2	4	3	<1
Борьба с преступностью	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1
Улучшение отношений между людьми разных национальностей в России	<1	1	1	<1	1	<1	1	1	<1	1	1	<1
Укрепление морали и нравственности в стране	<1	1	1	<1	<1	<1	<1	<1	<1	<1	1	0
Не вижу никаких достижений	12	13	13	10	5	8	9	15	8	8	8	8
Затруднились ответить	4	4	8	4	7	8	10	8	6	4	8	4
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600	1 600

Ранжировано по первому замеру в 2004 г.

Таблица 5

В КАКИХ ОБЛАСТЯХ ДЕЙСТВИЯ В. ПУТИНА БЫЛИ НАИМЕНЕЕ УДАЧНЫМИ?

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Повышение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий	21	21	20	19	17	13	13	21	15	15	27	32
Борьба с коррупцией, взяточничеством	28	27	28	33	32	35	37	38	28	29	29	32
Экономическое развитие страны	18	19	16	11	8	12	12	14	11	17	19	26
Обуздание олигархов, ограничение их влияния	19	14	16	20	18	23	24	20	15	16	19	21
Улучшение отношений России со странами Запада	3	1	3	3	3	3	3	4	6	9	8	11
Создание приемлемой экономической и политической обстановки для развития частного бизнеса	4	4	4	6	3	5	5	7	6	6	8	10
Укрепление морали и нравственности в стране	13	13	16	22	14	16	16	16	13	10	10	10
Устранение опасности терроризма в стране	24	15	9	7	4	4	9	6	4	5	3	9
Повышение оптимизма, надежд на скорое улучшение положения дел в стране	6	6	7	6	4	5	4	5	4	5	6	8
Наведение порядка в стране, поддержание спокойной политической обстановки	10	7	8	6	4	6	6	7	5	6	4	6
Борьба с преступностью	25	20	18	23	17	19	18	13	7	7	6	6
Повышение боеспособности и реформа вооруженных сил	6	5	6	4	3	5	4	5	3	7	2	5
Укрепление международных позиций России	3	3	4	4	3	3	2	4	4	7	4	5
Решение чеченской проблемы	34	27	18	13	7	9	10	10	5	3	2	4
Сотрудничество с другими странами СНГ	3	3	4	4	3	3	3	5	4	3	4	4
Улучшение отношений между людьми разных национальностей в России	7	5	5	10	6	6	4	7	4	6	4	4
Защита демократии и политических свобод граждан	3	3	2	3	3	3	3	3	2	3	2	4
Не вижу никаких достижений / неудач	2	2	4	3	1	3	4	6	6	5	5	1
Затруднились ответить	10	10	12	17	20	19	16	9	18	10	8	2
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600	1 600

Ранжировано по 2017 г.

Таблица 6

БАЛАНС ДОСТИЖЕНИЙ И НЕУДАЧ В. ПУТИНА (разница между успехами и неудачами)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Борьба с коррупцией, взяточничеством	-25	-24	-26	-29	-30	-33	-35	-37	-25	-26	-26	-29
Повышение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий	3	-3	-6	-3	-1	9	7	-7	-4	-3	-20	-24
Обуздание олигархов, ограничение их влияния	-13	-8	-11	-16	-16	-21	-21	-18	-12	-13	-16	-18
Экономическое развитие страны	-8	-12	-6	7	13	5	0	0	1	-4	-9	-14
Улучшение отношений России со странами Запада	3	7	3	-8	1	2	3	0	-5	-7	-6	-10
Укрепление морали и нравственности в стране	-12	-12	-15	-21	-13	-15	-15	-9	-12	-9	-9	-10
Повышение оптимизма, надежд на скорое улучшение положения дел в стране	7	5	7	4	8	4	6	2	5	3	0	-2
Создание благоприятной экономической и политической обстановки для развития частного бизнеса	-1	-2	-2	-3	-2	-3	-3	-3	-4	-3	-7	-8
Устранение опасности терроризма в стране	-23	-14	-8	-5	-2	-2	-8	-5	-2	-1	0	-8
Борьба с преступностью	-24	-18	-17	-22	-16	-18	-17	-12	-6	-8	-4	-5
Улучшение отношений между людьми разных национальностей в России	-6	-4	-4	-9	-5	-5	-3	-6	-3	-5	-3	-3
Защита демократии и политических свобод граждан	-2	-1	0	-2	-2	-2	-2	-2	-1	-2	-1	-3
Сотрудничество с другими странами СНГ	0	1	-1	-2	-1	-2	1	-3	0	-1	-2	-2
Наведение порядка в стране, поддержание спокойной политической обстановки	-4	2	0	0	4	2	2	0	-6	3	6	+2
Решение чеченской проблемы	-32	-25	-16	-9	-2	-5	-7	-5	2	4	4	+4
Укрепление международных позиций России	1	1	3	4	5	4	5	4	9	3	7	+9
Повышение боеспособности и реформа вооруженных сил	-4	-2	-4	-2	-1	-4	-2	-2	5	3	12	+12
Не вижу никаких неудач / достижений	10	11	9	7	4	5	5	9	2	3	3	7

Ранжировано по 2017 г.

Таблица 7

КАКУЮ ОЦЕНКУ ВЫ БЫ ДАЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?*

	1999 IX	2000 IX	2003 IX	2005 IX	2007 IX	2009 X	2011 X	2013 IX	2014 IX	2015 X	2016 IX	2017 X
1	28	4	4	5	6	2	4	6	2	2	2	2
2	11	3	2	3	2	2	4	4	1	2	3	3
3	19	10	9	11	4	5	8	9	3	4	4	6
4	11	11	8	7	3	4	8	7	4	4	5	5
5	20	24	21	21	15	13	17	13	11	8	9	11
6	4	12	10	9	11	10	13	13	9	7	9	10
7	3	11	14	14	11	14	12	16	17	15	15	15
8	2	11	14	15	18	18	15	17	22	21	20	19
9	1	5	8	7	11	18	11	9	15	17	17	12
10	2	9	11	8	19	16	9	7	17	20	16	17
Среднее по шкале	3	6	6	6	7	7	6	6	7	7	7	7

*В сентябре 1999 г. вопрос задавался в следующей формулировке: «Какую оценку от 1 до 10 вы бы дали деятельности председателя кабинета министров В.В. Путина?» В 2009–2011 гг.: «Какую оценку вы бы дали деятельности В. Путина на посту председателя правительства России?».

Респонденту предлагалось выбрать ответ по шкале от «1» — самая низкая до «10» — самая высокая оценка.

Таблица 8

КАКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ СЛОЖИЛОСЬ У ВАС О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В. ПУТИНА?

Очень плохое	2
Плохое	9
Среднее	28
Хорошее	41
Очень хорошее	19
Не знаю, затруднились ответить	1

Сентябрь 2017 г.; N = 1600

Таблица 9

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, КАКАЯ ДОЛЯ РОССИЯН СЕЙЧАС ОДОБРЯЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РФ?

Никто	1
Меньше 10%	3
10–20%	5
20–30	7
30–40	10
40–50	15
50–60	16
60–70	13
70–80	14
80–90	7
Более 90	2
100%, все	1
Затруднились ответить	7

Июль 2018 г., N = 1600

3. Динамика отношения к ВВП. Динамика составляющих массового образа «национального лидера»

Подчеркну главные составляющие образа Путина для лучшего понимания того, как складывается массовая установка — структура сознания, управляющая и определяющая последующие акты восприятия события, информации и действий других акторов, которая сама по себе не доступна рефлексивному самоконтролю индивидом:

1. Формирование установки: «энергичный» (закладывается прежде всего как военное, т.е. силовое решение проблемы Чечни и ситуации в Дагестане, угнетающих общество, освобождающее людей от вынужденности иметь собственное, тяжелое в моральном плане отношение к новой войне (значимость таких мнений была выше всего в 1999–2002 гг. — 41%, затем медленно снижается до 25% в 2020 г., тогда как собственно поддержка войны на Кавказе — с 25 до 1% в 2020 г.); с этим же связываются значения ликвидации демократических начал, подавление независимости СМИ и устранение многопартийности, федерализма в сочетании с ростом реальных доходов населения, что воспринимается как успешная политика «обеспечения стабильности» (в среднем около 15%, пик приходится на самый благополучный, 2007 г. — 23%).

2. Дополнительная легитимация после войны с Грузией (2009 г.), после Крыма и активной антизападной политики в 2015–2016 гг., закрепление этой установки и оценок в ближайшем окружении респондента, фиксация группового мнения: «опытный политик» (с 7% в 1999 г. до максимума в 49% в 2018 г.), что создает ореол «дальновидного политика» (с 6% в 2000 г. до 20–23% в 2015–2020 гг.); «защищающего государственные интересы» (максимум в период аннексии Крыма и войны с Украиной — 23–25%, позже спад до 15% в 2020 г.); «уважаемый среди знакомых» (рост с 8% в начале его правления до 15–17% в период 2007–2009 гг., затем медленный спад до 5% в 2018–2020 гг.). Именно после войны с Грузией ему лживой пропагандой рисуется образ харизматика — «настоящего лидера, способного повести за собой людей» (рост с 9 до 22% в 2007 г., затем спад до 14% и новый подъем в 2015–2016 гг. до 20–25%). Собственно, внешняя политика, конфронтационная и грозящая большой войной, не вызывает значительного одобрения и признания (в среднем ответы «под-

держиваю его внешнюю политику» дают 13%, пик приходится на 2016 г. — 22%).

3. Его моральные качества как человека оцениваются довольно скромно: «честный, порядочный, бескорыстный человек» (в среднем 7%); «знает жизнь, понимает нужды простых людей» (5%); «принципиальный человек» (7%). Причем максимумы подобных ответов (включая «внешне симпатичный человек» — 9%) приходятся на первые годы его руководства страной (11–14%), затем снижаются до 2–5%.

4. Негативные оценки, распространенные в начале его правления (когда Путин был никому не известен, на него переносилось общее недовольство высшим руководством страны), постепенно замещаются средними или нейтральными значениями, а затем (после 2008 г., войны с Грузией и аннексии Крыма, гибридной войны с Украиной) — позитивными. Кризис 2009–2010 гг. остановил процесс расширения сферы одобрения и поддержки его курса.

5. Пики одобрения деятельности ВВП приходятся на апрель 2007 г. (соединение роста потребления с открытым провозглашением антизападной политики после мюнхенской речи в феврале того же года — 31%) и на сентябрь 2014 г. (после аннексии Крыма — 38%). Первоначальный всплеск одобрения переходит в инерцию (надежды, что в будущем он будет успешным), а затем в безальтернативность, т.е. инерцию прошлых оценок. Минимумы одобрения приходятся на начало в 2001 г. (14%), в 2003–2006 гг. (15–16%) и в 2012–2013 гг. (15–14%).

6. Максимумы «надежд» на ВВП — 2001–2004 гг. (43–46–40%), август 2012 г. — 41%, после этого ровный спад до 24–26% в 2019–2020 гг.

7. Максимумы «безальтернативности» ВВП — на время ужесточения внутривнутриполитического курса, ликвидации многопартийности и федерализма, популистской риторики во время процесса над ЮКОСом (2004–2005 гг. — 41–42%), на август 2013 г. (42%, спада массовых протестов и периода уныния и безнадежности в отношении мирного и легального изменения политического режима в ходе выборов и массовых акций), а также после общего всплеска раздражения и возмущения от пенсионной реформы в 2019–2020 гг. (43%).

4. Ответственность В. Путина. В. Путин и коррупция

Таблица 10

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ В. ПУТИН ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОБЛЕМЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД СТРАНОЙ ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ? (ОДИН ОТВЕТ)

	2012	2013	2104	2105	2015	2016	2017	2018	2019	2021
	I	II	II	I	II	I	X	X	XII	III
Да, в полной мере	50	48	52	46	48	43	55	61	59	55
Да, в некоторой мере	28	30	30	30	29	30	21	22	23	24
Нет, он все делал правильно, и если что-то не удалось, то это вина нерадивых и коррумпированных чиновников	12	13	7	12	14	14	11	10	13	12
Нет, он все делал правильно, и если что-то не удалось, то это результат объективных обстоятельств (положения, в котором находилась страна в конце 90-х гг., мирового кризиса и т.п.)	6	5	5	8	7	9	8	6	4	6
Затруднились ответить	5	4	5	5	3	5	4	2	2	3
Число опрошенных	800	800	800	800	800	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

На вопрос, заданный в июне 2018 г. ($N = 1600$), как изменились масштабы коррупции в России 2000 г., когда Путин стал президентом, 44% ответили, что увеличились за последние 18 лет, 32% — не изменились, 14% — уменьшились (10% затруднились ответить).

Таблица 11

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ В. ПУТИН ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МАСШТАБЫ КОРРУПЦИИ И ФИНАНСОВЫХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ, О КОТОРЫХ ПОСТОЯННО ГОВОРЯТ ЕЕ ПРОТИВНИКИ?

	2016	2016	2017
	II	IV	III
В полной мере	26	26	25
В значительной мере	40	33	42
Лишь отчасти	21	25	20
Он не может нести ответственность за все это	9	9	9
Затруднились ответить	5	7	4

$N = 1600$

Таблица 12

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ В. ПУТИН В ТЕХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ ПРОТИВНИКИ? (2016 г.)

	Несомненно, виновен	Наверное, да, как и все высокопоставленные чиновники	Важнее, что при нем стало жить лучше	Я не верю	Затрудняюсь ответить
В среднем	14	37	18	17	14
Мужчины	15	38	20	14	13
Женщины	12	36	17	19	16
Возраст					
18–24	10	34	17	20	20
25–39	16	33	22	15	14
40–54	14	43	16	13	14
55+	13	38	17	19	14

Продолжение табл. 12

	Несомненно, виновен	Наверное, да, как и все высокопоставленные чиновники	Важнее, что при нем стало жить лучше	Я не верю	Затрудняюсь ответить
Образование					
Высшее	14	35	22	16	13
Среднее специальное	12	40	17	17	13
Среднее общее	16	36	19	15	15
Ниже среднего	13	36	14	18	19
Потребительский статус					
Денег хватает только на еду	17	36	16	15	16
Денег хватает на еду и одежду	13	38	17	17	14
Могут приобретать ТДП	12	37	23	17	13
Тип поселения					
Москва	16	48	11	12	12
Большой город	12	34	17	19	18
Средний город	15	38	19	19	10
Малый город	13	36	24	14	14
Село	13	38	17	17	16

Таблица 13

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О ФИЛЬМЕ БИ-БИ-СИ О ЛИЧНОМ БОГАТСТВЕ В. ПУТИНА, ЕГО КОРРУПТИРОВАННОСТИ И ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ США, СОГЛАШАЮЩИХСЯ С ВЫВОДАМИ ФИЛЬМА?

Смотрели этот фильм сами	3
Читали или слышали о нем, но сами не смотрели	29
Ничего не слышали о нем	68

Февраль 2016 г., $N = 1600$

Таблица 14

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ОБ ЭТОМ ФИЛЬМЕ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ? (в % к числу тех респондентов, кто слышал о фильме)

Это враждебная пропаганда, направленная против всей России	32
Это клевета, затрагивающая лично В. Путина	22
Это похоже на правду	20
Я почти уверен в том, что все, о чем говорится в фильме, так и есть	7
Затруднились ответить	19

Февраль 2016 г., $N = 1600$

Реакция на фильм ФБК «Дворец для Путина»

26% опрошенных его видели, еще 10% знакомы с его содержанием, но сами не

смотрели, 32% «что-то слышали о нем, но без подробностей» и столько же (31%) ничего не знают об этой истории (январь 2021 г. $N = 1600$).

Таблица 15

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ЭТОМ ФИЛЬМЕ ИНФОРМАЦИЯ?

(в % от тех, кто слышал)

	2021 I
Я уверен, что все это неправда	33
Это похоже на правду, хотя достоверность этих обвинений оценить сложно	38
Я уверен, что все это правда	17
Затрудняюсь ответить	11

N = 1600

Таблица 16

ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К В. ПУТИНУ ПОСЛЕ ЭТОГО ФИЛЬМА? (в % от тех, кто слышал)

	2021 I
Отношение улучшилось	3
Отношение ухудшилось	17
Отношение не изменилось	77
Затрудняюсь ответить	2

N = 1600

Таблица 17

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О КОРРУПЦИИ В РОССИИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

	2012	2012	2013	2014	2014	2015	2016	
	II	XI	IV	IV	IX	V	II	IX
Путин сможет добиться успеха в борьбе с коррупцией, проведя решительную чистку рядов чиновников высшего ранга и ужесточая наказания за подобные преступления	27	27	20	27	26	31	25	25
Путин будет пытаться бороться с коррупцией, но ему вряд ли удастся добиться существенных успехов, потому что коррупция в России неискоренима	35	35	35	43	38	42	40	40
Путину трудно бороться с коррупцией, поскольку он сам во многом зависит от коррумпированных чиновников	15	21	21	17	19	16	20	20
Путин и не будет серьезно пытаться бороться с коррупцией, поскольку он тем или иным образом заинтересован в ней	15	12	17	9	8	8	9	9
Затруднились ответить	8	6	7	5	9	4	6	6
Число опрошенных	800	800	800	800	800	800	1 600	1 600

5. Откровенность и страх в отношении к ВВП

Таблица 18

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЛЮДИ В НАШИ ДНИ ОТКРОВЕННО ГОВОРЯТ О ТОМ, КАК ОНИ ОТНОСЯТСЯ К ВЛАСТИ, К В. ПУТИНУ ИЛИ ОНИ СКРЫВАЮТ ТО, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДУМАЮТ ОБ ЭТОМ?

	2005 II	2012 I	2013 VIII	2014 IX	2015 VII	2016 VII	2017 XI	2018 XI	2020 I	2021 II
Практически все отвечают откровенно	18	13	7	9	16	12	14	15	15	19
Большинство отвечает откровенно	33	30	23	33	32	30	33	26	26	23
Половина отвечает откровенно, половина нет	23	27	33	32	31	32	29	29	24	25
Большинство скрывает то, что думает	18	19	26	18	14	18	15	22	24	23
Практически все скрывают то, что думают	4	5	5	3	3	3	3	6	8	7
Затруднились ответить	5	7	6	5	4	5	6	3	2	3
Число опрошенных	1 600	800	800	800	800	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

Кажется, что 30-летние респонденты настроены более антипутински, однако в сумме, если сложить первые два варианта ответов, т.е. негативные высказывания, в более диффузном виде, то следует признать, что такие настроения распространены шире в среде 50-летних, социально более зрелых и скептически настроенных людей. Самые молодые демонстрируют отстраненное отношение к символическим фигурам политиков¹. Такого рода аморфное скептическое или трезвое понимание личности Путина характерно для среднеобразованных людей, с низкими доходами жителей средних городов, провинциальной глубинки, села. Исключением в этом роде является Москва, где латентный антипутинизм со-

ставляет 64% (в больших городах — 46%, в средних — 53%, в малых — 49% и в селе — 51%). (табл. 16).

Минимальная заинтересованность в информации о злоупотреблениях властью, незаконных сделках и предосудительных способах личного обогащения отмечается у молодых, малообразованных, бедных категориях респондентов, а также у жителей села.

Напротив, в наибольшей степени интерес к этим событиям и информации о них проявляют люди старшего возраста, с высшим образованием, москвичи и жители больших городов. Для них (кто следит за этим) эти события не были неожиданными.

¹ Здесь и наибольшее число затрудняющихся с ответом; напомню, что это данные 2016 г., до нынешнего роста молодежного негативизма в отношении Путина.

6. Интересы и опоры ВВП

Таблица 19

НА КАКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ ОПИРАЕТСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В. ПУТИН?

	2000 X	2001 VII	2003 VII	2005 VII	2010 X	2011 IX	2014 VIII	2016 VIII	2017 X	2020 III
Силовики: работники спецслужб, армии, МВД	54	43	51	51	35	47	45	41	51	46
Олигархи, банкиры, крупные предприниматели	24	15	27	25	31	42	37	32	34	37
Государственные чиновники Бюрократия	12	15	21	26	25	36	29	27	31	27
Простые люди: служащие, рабочие, труженики села	12	15	15	18	17	12	13	12	16	18
Директорский корпус: руководители крупных предприятий	16	16	21	23	23	30	24	20	26	17
Средний класс: люди с хорошим достатком	10	16	19	23	21	25	21	21	22	17
Бывшее ближайшее окружение Ельцина, «семья»	25	22	25	20	11	15	10	8	9	9
Культурная и научная элита	4	8	9	11	8	12	12	11	16	8
Интеллигенция	5	10	9	12	9	11	10	11	13	8
Люмпены: нищие, опустившиеся люди	<1	<1	<1	1	1	1	1	1	1	2
На все без исключения	5	7	7	5	8	8	11	13	14	6
Затруднились ответить	13	18	11	12	12	10	13	13	11	11

Ранжировано по убыванию по марту 2020 г., N = 1600

Таблица 20

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В. ПУТИН?

	2000 III	2001 IX	2003 XII	2005 XII	2010 X	2011 X	2013 VII	2014 VIII	2016 VIII	2017 X	2020 III
Олигархов, банкиров, крупных предпринимателей	16	17	14	23	26	35	35	30	28	31	38
Силовиков: работников спецслужб, армии, МВД	39	39	33	41	34	38	41	39	35	41	37
Государственных чиновников, бюрократии	14	16	15	22	24	25	30	24	22	31	28
Среднего класса: людей со среднеевропейским уровнем достатка	19	19	24	21	27	25	24	22	20	23	18
Директорского корпуса: руководителей крупных предприятий	13	13	10	13	18	27	23	19	19	25	17
Простых людей: служащих, рабочих, тружеников села	18	17	23	18	20	17	11	13	14	17	16
Культурной и научной элиты	6	7	9	8	10	9	9	10	9	15	8
Ближайшего окружения Ельцина, «семьи»	19	18	13	14	11	13	14	9	8	10	8
Интеллигенции	9	6	11	6	10	9	8	9	8	12	7
Люмпенов: нищих, опустившихся людей	3	1	1	1	1	<1	1	1	1	1	1
Всех без исключения	9	11	15	10	7	10	12	14	17	17	9
Затруднились ответить	16	18	12	11	13	11	10	15	14	12	13

Ранжировано по убыванию по марту 2020 г., N = 1600

Таблица 21

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В. ПУТИНА ОКРУЖАЮТ СЕЙЧАС СПОСОБНЫЕ И ИНИЦИАТИВНЫЕ ИЛИ СЕРЫЕ И ПАССИВНЫЕ ЛЮДИ?

	2005 I	2006 II	2007 I	2008 I	2012 I	2013 IV	2016 I
Способные и инициативные	39	37	48	63	45	32	38
Серые и пассивные	38	39	29	16	32	46	37
Затруднились ответить	23	24	23	21	23	22	26
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	1 600	800	800	1 600

N = 1600

Таблица 22

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО СЕЙЧАС В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ ВОЛНУЕТ ОКРУЖЕНИЕ В. ПУТИНА: ПРОБЛЕМЫ СТРАНЫ ИЛИ ЛИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

	2005 I	2007 I	2008 I	2012 I	2013 IV	2016 I	2017 IV
Проблемы страны	31	48	56	40	33	44	50
Личные материальные интересы	55	36	29	41	52	38	35
Затруднились ответить	14	16	16	19	16	19	16
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	800	800	1 600	1 600

Таблица 23

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В. ПУТИН ПОДБИРАЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОСТЫ В ОСНОВНОМ ПО СПОСОБНОСТЯМ ИЛИ НА ОСНОВАНИИ ЛИЧНОЙ ПРЕДАННОСТИ ЕМУ?

	2004 IX	2005 XII	2006 VIII	2013 IV	2017 IV
По способностям	37	43	42	30	47
На основании личной преданности	50	44	41	55	39
Затруднились ответить	13	13	17	15	15
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	800	600

7. В. Путин и выборы. Политическое будущее «нацлидера»

Таблица 24

ВЫ ХОТЕЛИ ИЛИ НЕ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПО ИСТЕЧЕНИИ ЕГО НЫНЕШНЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА / ПОСЛЕ 2024 ГОДА?* (один ответ)

	2012 X	2013 X	2014 XI	2016 V	2016 X	2017 V	2017 VII	2018 V	2019 VII	2021 IX
Хотели бы	34	33	58	60	63	66	67	51	54	47
Не хотели бы	40	45	19	21	19	20	18	27	38	42
Затруднились ответить	26	23	22	19	19	14	16	22	8	11
N =	800	800	800	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

*В 2012–2017 гг. вопрос задавался в следующей формулировке: «Вы хотели или не хотели бы видеть В. Путина на посту президента России по истечении его нынешнего президентского срока, после 2018 г.?».

Таблица 25

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК В. ПУТИНА ПРОИЗОЙДУТ ИЛИ НЕ ПРОИЗОЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ?

	Скорее да	Скорее нет	Затруднились ответить	Да / нет
Нормализация отношений России с Западом	54	32	14	1,7
Рост уровня жизни	45	40	15	1,1
Снятие санкций против России	39	44	18	0,9
Усиление протестных настроений	30	42	28	0,7
Снижение уровня коррупции	27	57	16	0,47

2018 г. (один ответ в каждой строке; ранжировано по убыванию по столбцу «Скорее да»)

Таблица 26

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ УЖЕ УСТАЛО ЖДАТЬ ОТ В. ПУТИНА КАКИХ-ТО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СДВИГОВ В НАШЕЙ ЖИЗНИ?

	2000	2001	2003	2004	2005	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2021
Определенно да	20	16	18	20	24	24	15	17	17	19	9	11	11	16	33
Скорее да	27	31	33	37	39	32	28	35	39	40	29	29	29	35	31
Скорее нет	35	32	33	28	27	27	31	34	27	25	36	33	33	26	21
Определенно нет	14	11	7	9	6	8	9	6	6	5	14	17	15	9	11
Затруднились ответить	5	10	9	6	4	10	17	8	12	11	12	10	12	14	5
Согласны	47	47	51	57	63	56	43	52	56	59	38	40	40	51	64

Число опрошенных составляет 1600 человек, кроме опросов 2011–2014 гг., когда эти вопросы задавались по половинной выборке ($N = 800$).

Таблица 27

ВЫ ВЕРИТЕ В ТО, ЧТО В. ПУТИН ОЗАБОЧЕН ТЕМ, КАК ДОБИТЬСЯ СЕРЬЕЗНОГО УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, ИЛИ ЭТО ОБЫЧНЫЕ СЛОВА, КОТОРЫЕ ПРОИЗНОСЯТ ВСЕ ПОЛИТИКИ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЧАЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЕЩАНИЯ?

	2012 V	2014 IX	2015 X	2016 XI
Путин искренне хочет добиться повышения благосостояния населения, и он сможет это сделать в ближайшие 6 лет	22	28	25	24
Путин искренне хочет добиться повышения благосостояния населения, но он не сможет этого сделать из-за сопротивления бюрократии, отсутствия хорошей команды	33	42	49	48
Путин произносит много правильных слов, но не собирается ничего делать из того, что он обещал	20	15	15	17
Путин не хочет ничего делать, поскольку заинтересован лишь в удержании власти и в собственном обогащении, ему нужна поддержка тех, на кого он опирается, а до населения ему, по существу, нет дела	11	6	6	6
Затруднились ответить	14	9	5	5
Число опрошенных	800	800	1 600	1 600

Таблица 28

ВЫ ХОТЕЛИ ИЛИ НЕ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПО ИСТЕЧЕНИИ ЕГО НЫНЕШНЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА, ПОСЛЕ 2024 Г.?

	2012	2013	2014	2016	2016	2017	2017	2018	2019	2020	2021
	X	X	XI	V	X	V	VIII	V	VII	III	IX
Хотели бы	34	33	58	60	63	66	67	51	54	46	47
Не хотели бы	40	45	19	21	19	20	18	27	38	40	42
Затруднились ответить	26	23	22	19	19	14	16	22	8	14	11

*В период 2012–2017 гг. вопрос задавался касательно 2018 г., $N = 1600$

Таблица 29

ЗА 17 ЛЕТ, ПРОШЕДШИХ С НАЗНАЧЕНИЯ В. ПУТИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ РОССИИ В 1999 Г., ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ ВАШИ НАДЕЖДЫ, СВЯЗАННЫЕ С НИМ?

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2016
Определенно да	5	7	5	7	7	10	9	12
Скорее да	40	40	33	39	40	48	50	41
Скорее нет	23	23	25	22	22	16	17	16
Определенно нет	8	10	12	12	10	6	8	7
Не было и нет таких надежд	16	11	18	14	15	11	11	15
Затруднились ответить	8	9	6	7	7	9	7	8
+/-	45/55=0,8	47/53=0,9	38/62=0,6	46/54=0,9	47/53=0,9	58/42=1,4	59/41=1,4	53/47=1,1

 $N = 1600$.**8. ВВП и политическая система России**

Таблица 30

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДВУХ УТВЕРЖДЕНИЙ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕМУ ЛИЧНОМУ МНЕНИЮ О ЖЕЛАЕМОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?

Для российской политической системы важнее стабильность и узкий круг политиков во власти, так как сменяемость власти может оказать негативное влияние на жизнь обычных граждан	37
Для российской политической системы важнее сменяемость власти и появление новых политиков, так как стабильность и узкий круг политиков во власти могут препятствовать улучшению жизни обычных граждан	50
Меня не интересует политика	7
Затруднились ответить	7

Март 2020 г., $N = 1600$

Таблица 31

С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В ЭТОЙ ПАРЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ?

	1992	1999	2008	2016	2017	2018	2020
	IV	IV	VIII	X	XI	XI	IX
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86	76	82	88	86
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6	17	13	10	11
Затруднились ответить	13	13	8	7	5	2	2
Число опрошенных	2 000	2 000	1 500	1 600	1 600	1 600	1 600

Таблица 32

КАКОЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ СЕЙЧАС РОССИЮ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ?

	2003 XII	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2010 XI	2011 XI	2014 III	2015 III	2015 XI	2016 XI	2017 III	2018 IX	2020 I
Великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны	43	40	36	36	39	38	42	48	47	38	39	42	38	35
Страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира	54	57	62	62	56	59	53	47	49	53	58	56	59	63
Затруднились ответить	3	3	3	2	5	3	6	5	4	9	3	2	3	2
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

Таблица 33

ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ В РОССИИ?

	2001 XI	2006 XI	2007 XI	2010 XI	2011 XII	2012 XII	2013 XII	2021 IX
Рост и развитие	22	29	38	24	18	18	15	13
Стабилизация	34	33	31	29	32	33	35	30
Торможение и застой	31	27	21	32	36	35	35	51
Затрудняюсь ответить	12	11	10	5	14	15	14	6

N = 1600

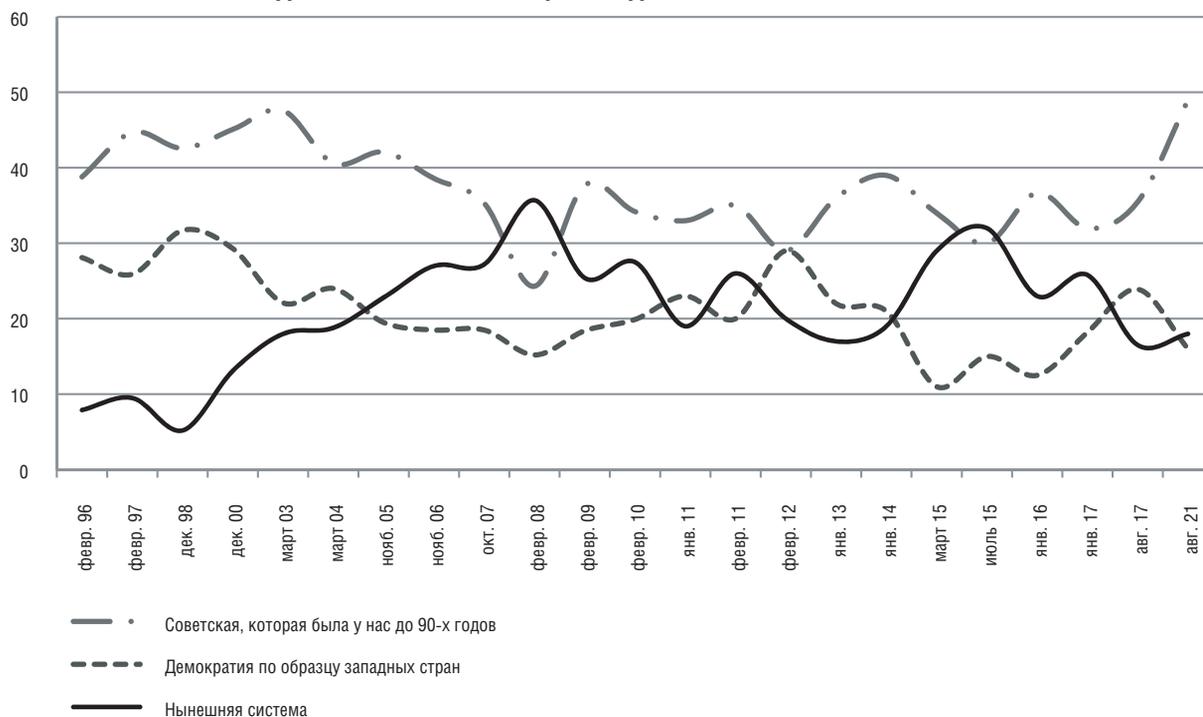
Таблица 34

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ОПИСЫВАЕТ СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ?

	2005	2006	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2020
Становление авторитаризма, диктатуры	12	14	16	14	10	19	16	14	9	17
Восстановление доперестроечных политических порядков	7	6	8	8	11	9	10	11	9	12
Развитие демократии	32	33	54	36	30	36	29	38	32	22
Утрата порядка, нарастание анархии	30	22	9	21	22	18	21	16	28	38
Затруднились ответить	18	24	13	20	27	18	24	21	22	12
Число опрошенных	1 600	1 600	1 500	1 600	800	800	800	800	1 200	1 600

График 1

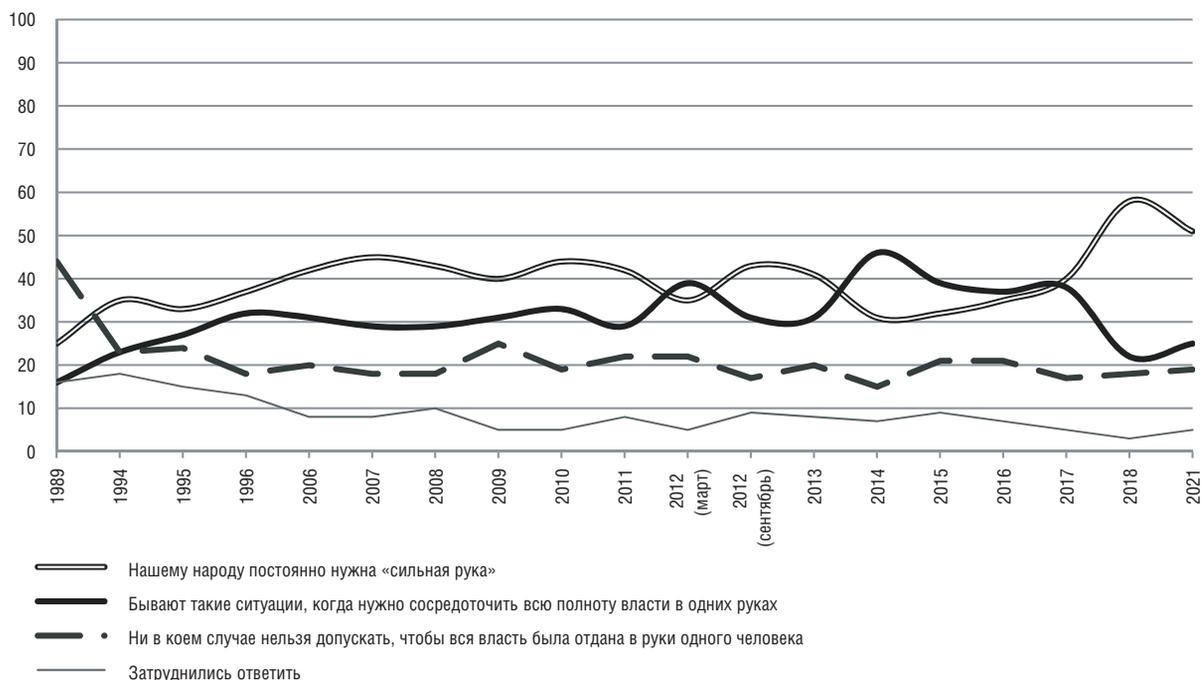
КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ ЛУЧШЕЙ: СОВЕТСКАЯ (ТА, КОТОРАЯ БЫЛА У НАС ДО 1990-Х ГГ.), НЫНЕШНЯЯ СИСТЕМА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ ПО ОБРАЗЦУ ЗАПАДНЫХ СТРАН?

$N = 1600$; в 2011–2014 гг. $N = 800$

График 2

БЫВАЮТ ЛИ ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

$N = 1600$; в 1989 г. $N = 1500$; в 1994, 1995 гг. $N = 3000$; в 1996 г. $N = 2500$; в 2008 г. $N = 1500$; в 2011, 2012 гг. $N = 800$

9. В. Путин и А. Навальный

Начиная с февраля 2013 г. (дела В. Пехтина) по январь 2021 г. ФБК А. Навального опубликовало более 100 материалов (роликов, фильмов), в которых шла речь о рас-

следованиях коррупции высших лиц государства и депутатов ГД и СФ. Деятельность А. Навального одобряли от 17 до 20% (ОМ-2020, с. 92–94, табл. 10.7–10.13).

Таблица 35

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗВАЛО У ВАС СООБЩЕНИЕ ОБ ОТРАВЛЕНИИ А. НАВАЛЬНОГО? (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

Возмущение, гнев	9
Сочувствие, сопереживание	21
Тревогу, страх	3
Недоумение	19
Удовлетворение	2
Никаких особых чувств	45
Затруднились ответить	1

Сентябрь 2020 г., $N = 1234$

Таблица 36

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ ИНФОРМАЦИИ О ТОМ, ЧТО А. НАВАЛЬНЫЙ БЫЛ НАМЕРЕННО ОТРАВЛЕН? (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

Определенно доверяю	11
Скорее доверяю	22
Скорее не доверяю	26
Совершенно не доверяю	29
Затруднились ответить	12

Сентябрь 2020 г., $N = 1234$

Таблица 37

ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, КТО СКОРЕЕ ВСЕГО СТОИТ ЗА ОТРАВЛЕНИЕМ А. НАВАЛЬНОГО? (открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто доверяет информации о том, что Навальный был отравлен)

Путин, Кремль, правительство, действующая власть, Госдума, «Единая Россия», российские спецслужбы, ФСБ	30
Фигуранты его расследований, кому он мешал, насолил, перешел дорогу, его недоброжелатели	8
США, Запад, западные спецслужбы	8
Конкуренты, завистники, соперники и пр.	6
Не знаю, затруднились ответить / нет ответа	47

Сентябрь 2020 г., $N = 410$

Таблица 38

КАКАЯ ИЗ ВЕРСИЙ ОТРАВЛЕНИЯ А. НАВАЛЬНОГО КАЖЕТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ ПРАВДОПОДОБНОЙ? (вопрос задавался тем, кто слышал об этом)

Это попытка власти устранить политического оппонента	19
Это личная месть кого-то из фигурантов его расследований	7
Это провокация западных спецслужб	24
Это борьба внутри российской оппозиции	9
Никакого отравления вообще не было, это инсценировка	25
Затруднились ответить	16

Сентябрь 2020 г., $N = 1211$

Таблица 39

ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАСКОЛЬКО ОБВИНЕНИЯ А. НАВАЛЬНОГО В ПРИЧАСТНОСТИ В. ПУТИНА В ЕГО ОТРАВЛЕНИИ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ? (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении и считает, что это «попытка власти устранить политического оппонента»)

Определенно, так оно и есть	21
Вполне может быть	52
Этого не может быть	22
Затруднились ответить	6

Октябрь 2020 г., $N = 277$

10. Выборы президента. Политическое будущее ВВП

Таблица 40

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЧТОБЫ ВСЯ ВЛАСТЬ В СТРАНЕ БЫЛА СОСРЕДОТОЧЕНА В ОДНИХ РУКАХ ИЛИ ЧТОБЫ ВЛАСТЬ БЫЛА РАСПРЕДЕЛЕНА МЕЖДУ РАЗНЫМИ СТРУКТУРАМИ, КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ДРУГ ДРУГА?

	2011 X	2015 X	2016 IX	2017 III	2017 VIII	2018 IX
Вся власть в России должна быть сосредоточена в одних сильных руках, а выборы и так называемые демократические свободы не нужны	33	37	32	46	44	42
Демократические свободы всегда должны быть основой устройства общества; ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы власть была сосредоточена в одних руках	59	51	52	45	42	49
Затруднились ответить	8	12	15	9	14	9
Число опрошенных	800	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

Таблица 41

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОГУТ ЛИ ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ИЗМЕНИТЬ ВАШУ ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ К ЛУЧШЕМУ?

	2007 X	2008	2011 XI	2012 I	2017 XII
Определенно да	9	12	10	11	13
Скорее да	30	36	32	32	32
Скорее нет	34	25	29	31	26
Определенно нет	12	11	19	14	16
Затруднились ответить	16	15	10	12	13
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	1 600

Таблица 42

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ В РОССИИ ДО 2018 Г. ПОЯВИТЬСЯ ЛИДЕР, СПОСОБНЫЙ ЗАМЕНИТЬ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?

	2012 X	2013 X	2014 XI	2016 V	2016 X	2017 V
Да	49	45	34	33	26	26
Нет	23	26	31	42	49	56
Затруднились ответить	28	30	35	25	26	18
Число опрошенных	800	800	800	800	1 600	1 600

Таблица 43

ВЫ БЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ В. ПУТИН БЫЛ ИЗБРАН НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ЕЩЕ НА ОДИН СРОК ИЛИ ЧТОБЫ ЕГО НА ЭТОМ ПОСТУ СМЕНИЛ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК?

	2015 II	2016 II	2017 IV
Хотел бы, чтобы через три/два года Путин вновь был избран на пост президента России	57	65	64
Хотел бы, чтобы через три/два года Путина на посту президента России сменил другой человек	25	22	22
Затруднились ответить	19	13	14
Число опрошенных	800	1 600	1 600

Таблица 44

БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К ТОМУ, КТО БУДЕТ ИЗБРАН НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В 2018 Г., ВЫ БЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ ОН ПРОВОДИЛ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛИНИЮ...

Более либеральную, чем сейчас	12
Такую же, как сейчас	42
Более жесткую, чем сейчас	34
Затруднились ответить	11

Июнь 2017 г., N = 1600

Таблица 45

БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К ТОМУ, КТО БУДЕТ ИЗБРАН НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В 2018 Г., ВЫ БЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ ОН ПРОВОДИЛ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛИНИЮ...

На снижение конфронтации с Западом	13
Такую же, как сейчас	56
На более жесткую конфронтацию с Западом	19
Затруднились ответить	11

Июнь 2017 г., N = 1600

Таблица 46

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЧЕМУ В. ПУТИН ВЫДВИНУЛ СВОЮ КАНДИДАТУРУ НА ПРОШЕДШИХ ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ? (ответы ранжированы по последнему замеру)

	2012 IV	2018 III
Он не успел осуществить все свои планы развития экономики и государственной системы управления в России	39	45
Он, может быть, и хотел бы уйти, но его окружение и баланс сил, группировок в нынешней системе власти не позволяют ему это сделать	16	19
Для него власть стала самоценной, она дороже всего, и он будет держаться и бороться за нее любой ценой	24	17
Он не может отойти от власти, в противном случае ему грозит уголовное преследование за многочисленные нарушения закона, которые	9	8
Затруднились ответить	12	11
Число опрошенных	800	1 600

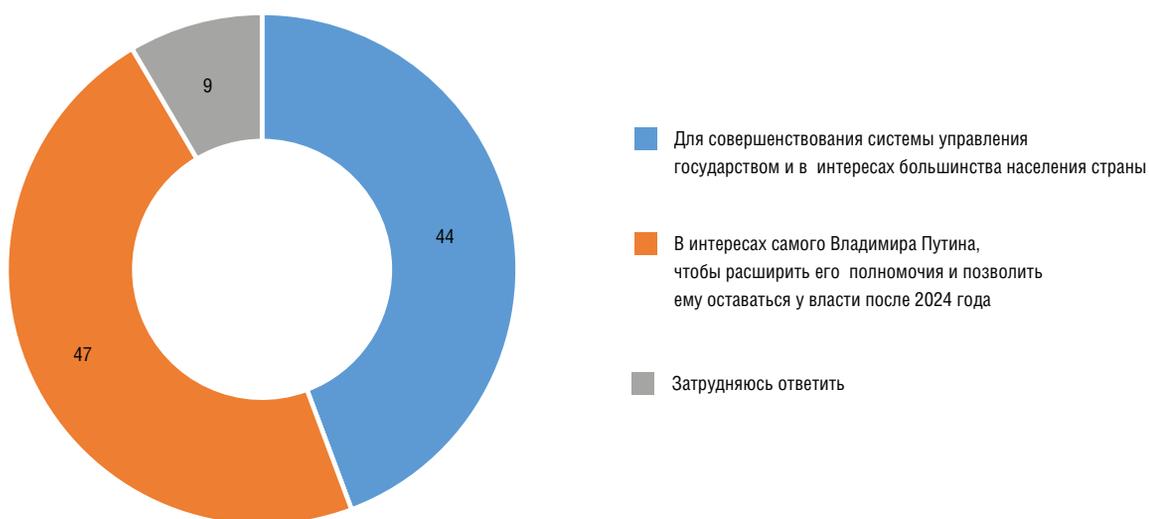
Таблица 47

НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ЭТОГО ГОДА БУДЕТ РЕАЛЬНАЯ БОРЬБА КАНДИДАТОВ ИЛИ ЛИШЬ ИМИТАЦИЯ БОРЬБЫ, А РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОЛОСОВ НА ВЫБОРАХ БУДЕТ ОПРЕДЕЛЕНО ПО РЕШЕНИЮ ВЛАСТЕЙ?

	2008 II	2012 II	2018 III
Будет реальная борьба кандидатов	30	43	35
Будет лишь имитация борьбы, а распределение голосов на выборах будет определено по решению властей	58	44	51
Затруднились ответить	13	14	14
Число опрошенных	1 600	800	1 600

График 3

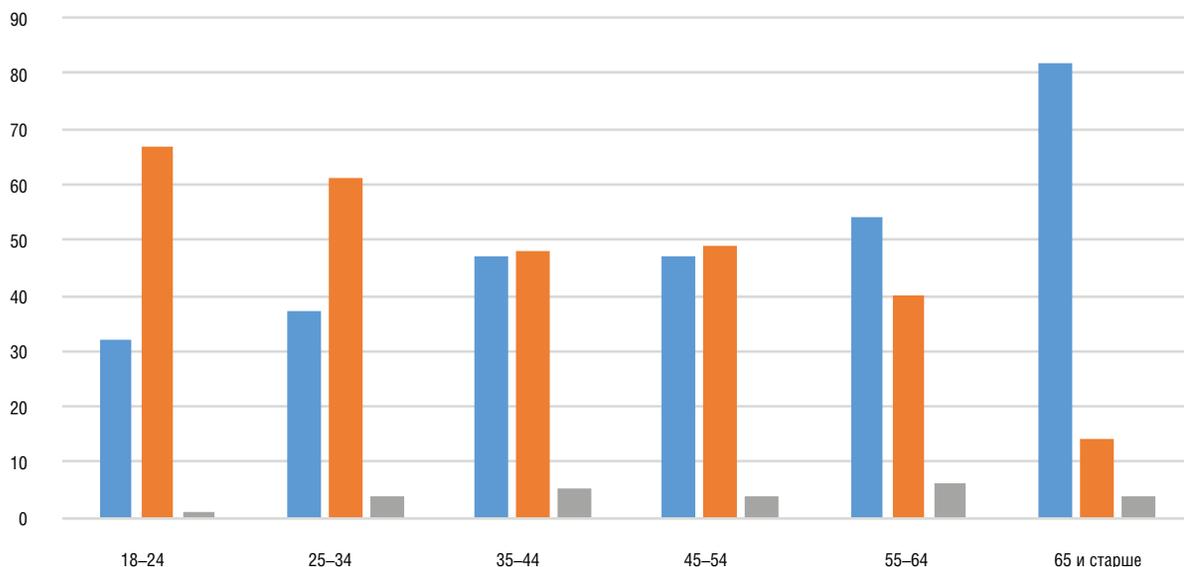
С КАКИМ МНЕНИЕМ ПО ПОВОДУ ТОГО, ДЛЯ ЧЕГО ПРИНИМАЮТСЯ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ, ВЫ СОГЛАСНЫ?

Январь 2020 г., N = 1600

График 4

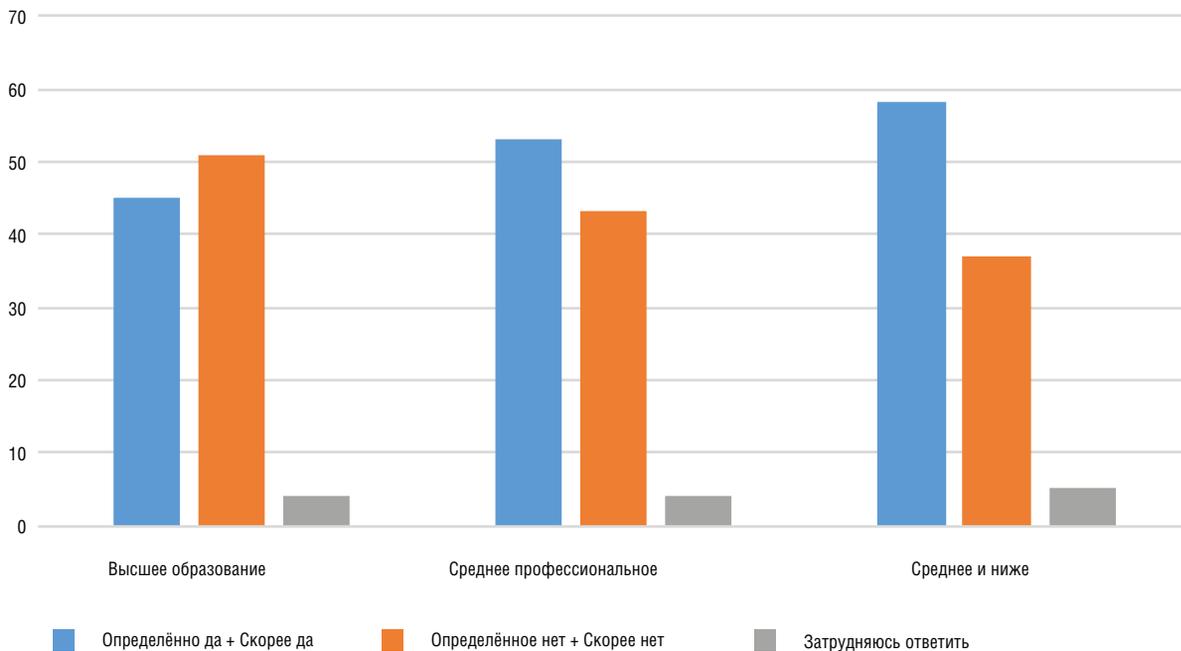
ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПОПРАВКУ ОБ ОБНУЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКОВ, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ ПОСЛЕ ИСТЕЧЕНИЯ ЕГО НЫНЕШНЕГО СРОКА?

САТ. Июнь 2020 г., N = 1620

График 5

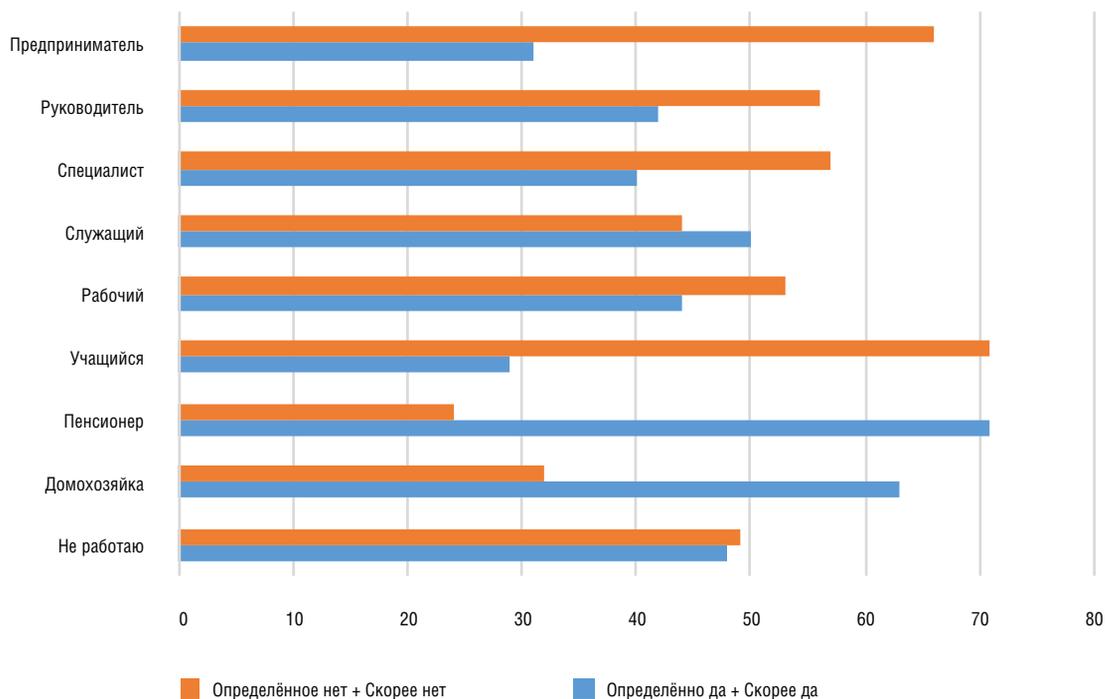
ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПОПРАВКУ ОБ ОБНУЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКОВ, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ В. ПУТИНУ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ ПОСЛЕ ИСТЕЧЕНИЯ ЕГО НЫНЕШНЕГО СРОКА?

САТ. Июнь 2020 г., N = 1620

График 6

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПОПРАВКУ ОБ ОБНУЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКОВ, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ В. ПУТИНУ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ ПОСЛЕ ИСТЕЧЕНИЯ ЕГО НЫНЕШНЕГО СРОКА?

САТ. Июнь 2020 г., N = 1620

Таблица 48

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ГОТОВ В. ПУТИН К ОТКРЫТЫМ, ЧЕСТНЫМ И КОНКУРЕНТНЫМ ВЫБОРАМ ИЛИ БУДЕТ ПЫТАТЬСЯ СОХРАНИТЬ ВЛАСТЬ, МАНИПУЛИРУЯ ПРОВЕДЕНИЕМ ВЫБОРОВ?

Путин готов к открытым, честным и конкурентным выборам	58
Путин будет пытаться сохранить власть, манипулируя проведением выборов	26
Затруднились ответить	16

Май 2016 г., $N = 1600$

Таблица 49

ПРЕЗИДЕНТ США ДЖ. БАЙДЕН В ИНТЕРВЬЮ НАЗВАЛ В. ПУТИНА УБИЙЦЕЙ. КАКИЕ ЧУВСТВА У ВАС ЭТО ВЫЗЫВАЕТ?

Возмущение	33
Недоумение	23
Никаких особых чувств	34
Понимание	5
Удовлетворение	3
Затрудняюсь ответить	3

Март 2021 г., $N = 1600$

Таблица 50

КАК НА ВАШ ВЗГЛЯД, ИЗМЕНИТСЯ ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К В. ПУТИНУ В СЛУЧАЕ ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ВОЙНЫ С УКРАИНОЙ?

Это поднимет авторитет Путина среди россиян	16
Это вызовет недовольство Путиным среди россиян	31
Это не изменит отношения к среди россиян	42
Затрудняюсь ответить	12

Апрель 2021 г., $N = 1600$

Таблица 51

КАК ВАМ ПОКАЗАЛОСЬ, В. ПУТИН ОТВЕЧАЛ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТОВ НА ЭТОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ / «ЛЮДЕЙ С УЛИЦЫ» ОТКРЫТО И ОТКРОВЕННО ИЛИ УКЛОНЧИВО И НЕИСКРЕННЕ? (к числу ответивших на вопрос)

	2001	2002	2003	2013
Открыто и откровенно	53	45	53	41
Уклончиво и не вполне искренне	19	30	28	31
Затруднились ответить	28	25	19	28
Нет ответа / отказ от ответа	56	13	17	28
Число ответивших	704	1 392	1 328	1 152

 $N = 1600$

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

От редакции

За последние два года эпидемии коронавируса мы потеряли многих замечательных людей — ученых, исследователей, общественных деятелей, тех, кто составлял интеллектуальное сообщество России с безупречной человеческой репутацией. Назову только некоторых, очень близких нам. Из круга наших дискуссий ушли крупнейший российский демограф А.Г. Вишневский (член нашего Правления Левада-центра), Ж.А. Зайончковская, специалист по миграции, М.О. Чудакова — филолог, историк литературы и общественный деятель, член президентского совета при Ельцине.

Отдавая дань любви к ним и уважения, мы в этом номере помещаем два материала, связанных с ними — воспоминания о А.Г. Вишневском советского, а теперь — израильского, демографа М.С. Тольца, и интервью с М.О. Чудаковой, записанное Д. Шалиным, профессором университета Невада.

С М.О. Чудаковой мы работали еще в Ленинке, в Отделе социологии книги и чте-

ния. Многие из нас (Гудков, Дубин, Зоркая, Левинсон) очень многим обязаны ей. Долгие споры с ней о теории литературы и ее отношении к социологии литературы, возможность участия в знаменитых Тыняновских чтениях, которые она организовала и вела, дали толчок к некоторым важным разработкам по социологии литературы и культуры. Она выступала с докладами на неформальных левадовских семинарах, рассказывала о ранних редакциях «Мастера и Маргариты» на домашних чтениях. Ее человеческое участие и поддержка были крайне важны для нас в глухие и серые времена брежневского застоя. После перестройки страстный общественный темперамент и талант организатора привел ее в партию реформ и демократических изменений, сделав ее сторонником Б. Ельцина.

Мы публикуем эти материалы как документы своего времени, свидетельства уходящей эпохи.

Марк ТОЛЬЦ

Мой лучший редактор и давний соавтор: памяти А.Г. Вишневого (1935–2021)¹

Анатолий Григорьевич Вишневский, даря мне двухтомник своих избранных трудов, сделал такую надпись: «Дорогому Марку Тольцу — свидетелю вырастания этих книг». Выходит, я просто обязан рассказать об их авторе. За короткое время, прошедшее после кончины Вишневого, уже появилось несколько обобщающих публикаций о нем². Мой же рассказ будет только о том, что я видел и мог понять, прежде всего, в личном общении с Вишневым, моим редактором и соавтором.

Несколько дней в Перми

Конечно, вначале мне предстояло узнать своего будущего лучшего редактора, который потом на долгое время станет и моим соавтором. Наше настоящее знакомство произошло в мае 1973 г. в Перми, моем родном городе, на большой междисциплинарной научной конференции «Третье междугосударственное совещание по географии населения» (более 400 участников). Мне было всего 22 года, я заканчивал четвертый курс местного университета. Вишневскому к тому времени исполнилось 38 лет, и он уже работал, после переезда из Харькова в Москву, в Отделе демографии НИИ ЦСУ СССР. Там за год до того, во время одного из моих все более частых приездов в Мо-

скову, я впервые увидел его. К тому времени у меня уже установились тесные связи с работавшими в этом отделе демографами, которые активно приобщали студента-провинциала к премудростям своей науки.

Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР, который возглавлял А.Г. Волков³, оставил выдающийся след в истории российской демографии. Все самое значительное, сделанное в этой науке в Москве (русская демография в основном концентрировалась именно в столице) во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг., было связано с отделом Волкова. Кроме Вишневого, среди работавших там в это время необходимо назвать таких талантливейших исследователей, как Е.М. Андреев, В.А. Белова, Г.А. Бондарская, Л.Е. Дарский А.Я. Кваша и Р.И. Сифман. Эти ученые внесли огромный вклад в возрождение советской демографии после ее разгрома в 1930-е гг., о чем так хорошо написал сам Вишневский, всегда уделявший большое внимание истории науки⁴.

Пермская конференция собрала ученых, представлявших различные научные дисциплины. Там были не только географы, но и демографы, социологи, урбанисты, экономисты и этнографы. Вспоминая эту конференцию, я теперь лучше понимаю, почему именно Вишневскому удалось соз-

¹ Уточненный и дополненный вариант воспоминаний, опубликованных ранее в: Демоскоп Weekly. 2022. № 929–930. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0929/nauka02.php>.

² См., напр.: Блюм А. Анатолий Вишневский — ученый, созидатель, человек твердых убеждений // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 323–333; Школьников В.М. Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 6–15. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12391>; Захаров С.В. Анатолий Григорьевич Вишневский (1934–2021): Основные вехи жизни выдающегося ученого и организатора российской демографической науки // Первые демографические чтения памяти А.Г. Вишневого «Демографические горизонты России и мира на среднесрочную и долгосрочную перспективу». М.: НИУ ВШЭ, 9–11 ноября 2021. URL: https://demogr.hse.ru/data/2021/12/03/1449937470/Zakharov_Vishnevsky_Biography.pdf.

³ О сложном жизненном пути Волкова много лет позднее, уже после смерти своего тогдашнего руководителя, очень интересно расскажет Вишневский во вступлении к подготовленному им собранию работ Волкова; см.: Вишневский А.Г. Вступительная статья // Волков А.Г. Избранные демографические труды. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 4–12. Наиболее значительную часть в этом собрании работ Волкова заняла его монография о семье, которой мы после ее выхода посвятили развернутую рецензию: Вишневский А.Г., Тольц М.С. Рецензия на книгу А.Г. Волкова «Семья — объект демографии» (М.: Финансы и статистика, 1986) // Вестник статистики. 1988. № 5. С. 72–75. О самом отделе Волкова см.: Тольц М. «Отдел Волкова» — наследие, которое надо помнить // Демоскоп Weekly. 2006. № 245–246. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/nauka01.php>.

⁴ Вишневский А.Г. Трудное возрождение демографии // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 93–116.

дать в 2007 г. в Высшей школе экономики демографический институт, ныне носящий его имя, который продолжает успешно работать и после кончины первого директора. В 1930–1934 гг. в Ленинграде работал Демографический институт Академии наук СССР, но ему в тяжелой общественной атмосфере тех лет не суждено было уцелеть. Потом российские демографы многие десятилетия могли только мечтать об институте, который бы объединил их усилия. Думаю, не в последнюю очередь так было из-за того, что не находилось лидера с необходимыми качествами, которые позволили бы это сделать. Ведь этот демограф не только должен был оказаться хорошим специалистом (такие всегда имелись в России), но и быть известным далеко за пределами демографии, чтобы доказать необходимость создания института широкому кругу людей, от которых зависело принятие решения. Именно Вишневский и обладал всеми этими качествами.

Пермская конференция уже тогда показала его широкие междисциплинарные связи. В действительности этих связей мне еще предстояло убедиться лично. Много позднее, когда я сделал отчаянный шаг — отказался от своего номенклатурного места в Пермском статуправлении, Вишневский нашел для меня два места работы, из которых я выбрал госплановский институт. Никто другой при всем желании не сумел в самом начале 1985 г., в глухое время умирания очередного генсека, помочь мне, беспартийному еврею, в тогдашней Москве.

Во время пермской конференции Вишневский познакомил меня с М.В. Курманом, который в 1930-е гг. был одним из руководителей советской статистики населения. Сегодня каждый может прочесть его очень интересные воспоминания, записанные в 1960-е Вишневским¹. Курман принял активное участие в подготовке переписи населения 1937 г., итоги которой были отвергнуты Сталиным и заклеены как «дефектные», а сам Курман был арестован в числе ее организаторов.

Для участников пермской конференции была организована прогулка на корабле по Каме, во время которой Курман успел мне

много рассказать об очень непростой истории советской статистики населения 1930-х. Мечтой Курмана была реабилитация итогов оболганной переписи 1937 г. Это создавало ощущение, что звучал голос самой истории, ведь он был ее участник и свидетель.

Услышанное от Курмана меня тогда очень зацепило. Но лишь много позднее, в годы перестройки, появилась возможность напечатать первую статью о переписях 1930-х². В ней рассказ начинается с воспоминания о встрече с Курманом, которая дала ключ к пониманию истории тогдашних переписей. За этой статьей последовали многие другие, уже на основе рассекреченных архивных материалов. Однако думаю, что, если бы Вишневский не познакомил меня с Курманом, предварительно положительно отрекомендовав, ничего этого не было бы написано.

Вишневскому я обязан и знакомством с Ю.А. Левадой, которого до того знал по публикациям. Положение тогда глубоко опального социолога я понял на той же пермской конференции, во время которой Вишневский представил меня Леваде. Помню огромное количество пустых кресел рядом с ним в набитом людьми конференц-зале. Это было наглядное проявление конформизма, свойственного большинству советского научного сообщества, но не присущего самому Вишневскому.

В 1976 г. вышла первая книга Вишневского «Демографическая революция». О ней немало написано, поскольку эта монография явилась очень важной вехой в развитии демографии в СССР³. Меня приятно поразило, что Вишневский во введении к ней не побоялся выразить благодарность Леваде, что в атмосфере тех лет было, несомненно, смелым актом поддержки опального ученого. Интересно, что вторым человеком, кроме коллег из отдела Волкова, которому выразил благодарность Вишневский в этой книге, был вполне вхожий в высшие партийные круги Э.А. Араб-Оглы. Ему, как он впоследствии вспоминал, в то время удавалось «привлечь к официальной

¹ Курман М.В. Воспоминания // Публ. А.Г. Вишневского // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. No. 4. P. 591–629.

² Тольц М. Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51. С. 10–11.

³ См., напр.: Пирожков С.И., Пискунов В.П., Стешенко В.С. Заметки к монографии «Демографическая революция» из юбилейного издания научных трудов Анатолия Вишневского // Демоскоп Weekly. 2006. № 265–266. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0265/yubb01.php>.

работе беспартийного А. Вишневого»¹. Конечно, это еще больше расширяло круг общения Вишневого далеко за пределами демографии.

Для меня «Демографическая революция» явилась образцом того, как надо излагать материал. Вишневский не был моим учителем в демографии, но мы всегда принадлежали к одной школе. Первая книга Вишневого стала для меня лучшим примером для подражания в подаче материала, особенно в рубрикации. Ведь столь четко умел излагать свои мысли именно он. И еще: в этой книге привлекли мое внимание ссылки на одного из братьев Кулишер — выдающегося историка-экономиста И.М. Кулишера, что было не случайно. Эрудиция Вишневого, которую он продемонстрировал в «Демографической революции», была огромна. Изучение вклада членов семьи Кулишер в демографию и миграциологию позже станет одним из основных направлений моих научных интересов, и в 2010-е огромную помощь окажет Вишневский. Впрочем, здесь я забегаю сильно вперед.

Тогда немало было сделано вместе

Первый раз Вишневский стал моим редактором при подготовке знаменитого сборника по исторической демографии СССР, который появился в 1977 г.² Эта научная книга была издана необычно большим тиражом в 19 тысяч экземпляров, но не залежалась на прилавках книжных магазинов. Ведь Вишневскому удалось сделать ее весьма интересной, для чего он привлек таких известных ветеранов советской демографии, как уже упоминавшиеся Курман и Сифман; третьим из них был так много сделавший в области исторической демографии Б.Ц. Урланис³. Другие авторы принадлежали к послевоенному поколению ученых. Одним из них был Б.Н. Миронов, получивший позднее широкую известность работами в области социальной истории

¹ *Араб-Оглы Э.А.* «Тогда казалось, что кое-что удавалось...» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 369.

² Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977.

³ Много лет позднее именно Вишневский издаст сборник его классических работ по исторической демографии: *Урланис Б.Ц.* Историческая демография: избранные труды / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука, 2007.

России. Поражает широта географии проживания авторов сборника, выходящая далеко за пределы советской столицы: Киев, Ленинград, Пермь, Таллин, Ташкент и Харьков. Напечатанная там статья до настоящего времени остается наиболее цитируемой моей работой. Это обязывает с благодарностью вспоминать редактора сборника, где она появилась, за возможность публикации и усилия, потраченные на шлифовку ее текста, ведь я все еще оставался тогда молодым ученым.

Через два года появился переводной сборник, подготовленный Вишневским вместе с И.С. Коном, посвященный демографической истории⁴. Тут уже мне удалось помочь его редакторам. Тогда областью моих научных интересов была в основном брачность. Потому у меня была ксерокопия большой классической работы Дж. Хайнала на английском языке «Европейский тип брачности в ретроспективе», которой я очень дорожил, так как сделать тогда копию с иностранного источника было весьма не просто. Именно этой статьей открывается сборник. Ее перевод сделан с моей ксерокопии, которую, не скрою, я с опаской дал Вишневскому, но он ее благополучно вернул. Я продолжаю пользоваться ею с его пометами для переводчика.

Фамилия автора этой статьи в сборнике дана в другом прочтении: Хаджнал. Во время одного из приездов в Москву я как раз застал обсуждение проблемы написания этой фамилии на русском языке, закончившееся, как потом оказалось, неверным решением. Ведь посоветоваться тогда было не с кем. Подавляющее большинство лучших советских демографов, в том числе и Вишневский, были лишены возможности посещения стран Запада. Впрочем, им была доступна практически вся специальная литература на иностранных языках, что позволяло быть в курсе достижений мировой демографии, творчески применять их на отечественном материале. И еще, именно тогда я впервые увидел Кона, с которым меня познакомил Вишневский. Потом мое знакомство с Коном перерастет в близкое научное общение. Вспоминаю, как тот в долгих разговорах, которые мы вели, очень уважительно отзывался о Вишневском, для

⁴ Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979.

него он всегда был первым авторитетом в российской демографии.

В 1983 г. Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР была подготовлена коллективная монография, посвященная истории населения Советского Союза, одним из двух редакторов этой книги был Вишневский¹. Тогда я впервые стал его соавтором. Продолжающее тему, но более обширное издание, в котором были использованы недоступные в советское время статистические материалы, появится только в 2005 г.² Подготовлено оно было под руководством Вишневского, благодаря чему сохраняло преемственность с ранее сделанным. Вишневский был адептом кумулятивности знания, уделял большое внимание созданному предыдущими поколениями исследователей. Ведь не случайно, как уже отмечалось, именно он подготовил к изданию сборники избранных трудов Волкова и Урланиса.

В 1986 г. вышел сборник, посвященный методам демографического анализа, под редакцией Вишневского, в котором я принял участие³. Начиная со статьи в этом сборнике, его редактирование моих текстов стало беспроblemным. Вероятно, дело было во мне, а не в нем, — видимо, я достиг научной зрелости. Он же оставался до самого конца очень требователен к качеству текстов, которые редактировал. Через два года появилась коллективная монография⁴, редактор которой потребовал объединить наши разделы — мой о брачности и написанный Вишневским о рождаемости. Мы не стали возражать, так как уже знали, что можем работать вместе. Каждый из нас обогатил написанное другим. В результате дело не только не пострадало, но, кажется, даже в определенной мере выиграло.

Вишневский принял активное участие во внедрении гласности в годы перестройки. В 1989 г. под его редакцией был опубликован сборник, посвященный социально-демографическим проблемам того переломного времени, к участию в нем он опять при-

влек меня⁵. Впервые можно было писать без оглядки на ограничительные запреты. Но одновременно, так совпало, пришла и новая техника книгоиздания. Необходимые изменения в текст — фактическая база демографии тогда очень быстро росла — можно было вносить до последнего. Вишневский только приветствовал мои усилия в этом. Потом другие редакторы, напротив, сердились за такое на меня, и я сожалел, что на долгое время после отъезда в 1991 г. в Израиль утратил столь замечательного редактора. Впрочем, до того, как это случилось, я успел принять участие еще в двух издательских начинаниях Вишневского, во втором из которых мы многое написали вместе⁶. Соавторство с ним было тогда для меня привычным.

Взгляд издалека

В 1998 г. вышла монография Вишневского, посвященная истории процессов модернизации российского общества⁷. Она получила признание как важная веха в осмыслении этих сложных процессов⁸. Дарственная надпись автора мне на этой книге помечена 21 декабря того же года. Она напоминает о первой большой конференции, организованной им. Именно тогда начались мои ежегодные приезды в Москву из Израиля, прерванные только в 2005–2008 гг. моим нежеланием быть вовлеченным в неприятный процесс получения визы (к счастью, с 2009-го между Израилем и Россией действует безвизовый режим).

Авторитет Вишневского позволял собирать в Москве очень представительные международные конференции. Они были ценны возможностью общения не только с российскими учеными, но и с самыми известными представителями мировой науки. В их числе, например, был М. Ливи-Баччи, один из признанных лидеров современной мировой демографии, автор вышедшей уже

¹ Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневского и А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983.

² Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

³ Методы исследования / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Мысль, 1986.

⁴ Население СССР за 70 лет / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Наука, 1988.

⁵ В человеческом измерении / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Прогресс, 1989.

⁶ Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения АН СССР и Госкомтруда СССР, 1991; Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука, 1992.

⁷ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

⁸ См., напр.: Круглый стол по книге А.Г. Вишневского «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» (М.: ОГИ, 1998) // Сратенский клуб. Сократические чтения. URL: <https://spkurdyumov.ru/sokrat/serp-i-rubl/>.

шестью изданиями «Краткой истории мирового населения»¹. Именно моя встреча с ним в Москве, на одной из конференций, организованных Вишневым, помогла потом появиться в ведущем американском демографическом журнале материалов, посвященных А.М. Кулишеру (см. ниже).

В Институте демографии, организованном Вишневым, действовал научный семинар. Меня неоднократно приглашали выступать на нем. Это была прекрасная возможность встреч с московскими коллегами, которая сочеталась с личным общением с Вишневым до или после заседаний. Когда он вел семинар, его замечания по теме всегда были очень полезны, будили мысль и часто помогали понять рассказанное мной в более общем контексте, выйти за рамки частного при продолжении работы над материалом.

Но главным, что сделало мою связь с Вишневым опять тесной, стало начало выпуска в 2001 г. «Демоскопа» — электронного издания, выходящего регулярно раз в две недели. Вишневский был его главным редактором, через которого неизменно шли все материалы. Я был одним из самых активных авторов «Демоскопа» и, думаю, тем, кто наиболее часто присылал материалы из-за пределов России. Там у меня появилось более 20 публикаций, иногда довольно объемных. Мне очень нравилось, как Вишневский вел это издание.

«Демоскоп», как он задуман Вишневым, — это богатейший клад информации. Там регулярно появляются конъюнктурные обзоры демографической ситуации, представлена новая литература по населению, большое внимание уделяется событиям научной жизни и биографиям ученых. И, конечно, огромна ценность его баз данных о населении, особенно уникальна коллекция подробных итогов российских и советских переписей. Очень важна возможность скачать на сайте «Демоскопа» копии многих книг по демографии, число которых в последнее время быстро растет.

Сам Вишневский долгое время вел в «Демоскопе» раздел «Что мы знаем о лисе?..», который публиковался без подписи. В нем в весьма хлесткой форме показывалась аб-

сурдность бытующих неверных представлений о населении, ошибочность, а иногда и просто нелепость предложений дилетантов по улучшению демографической ситуации. За всем этим стояли серьезные демографические расчеты. Мне запомнился его расчет, который показал, что, если бы население России имело возрастную структуру очень давно не воевавшей Швеции, то еще в 1975 г. число смертей в России превысило бы количество рождений, т.е. была бы видна депопуляция. «Выходит, что значительный естественный прирост в те ностальгические времена был довольно-таки искусственным. Будь у нас более нормальная возрастная структура, он был бы либо намного меньшим, либо и вовсе отрицательным. Так что спасибо нашим безвременно погибшим — они выручили нас еще раз», — резюмировал Вишневский². Чтобы понять значение этого вывода, важно знать, что, кажется, никто до него не проделал такого расчета, а значит, не показал полную картину тогдашней демографической ситуации.

В 2014 г. исполнилась давняя мечта многих поколений демографов — начал регулярно выходить научный журнал «Демографическое обозрение», посвященный их области знания. Он тоже был создан Вишневым, который стал его главным редактором. Теперь он вел одновременно два издания, продолжая всецело руководить институтом. По-прежнему все публикации шли через него. Вишневский очень много работал с их текстами, в этом я смог убедиться на конкретном примере. Ведь мне, члену международного редсовета, присылали на рецензирование некоторые материалы, поступавшие в журнал. На один из них я дал резко отрицательный отзыв и был очень удивлен, когда увидел его название в оглавлении очередного номера. Однако при чтении с облегчением понял, что публикация вполне получилась, настолько лучше стал материал. Вклад Вишневого, манеру работы которого с текстами я хорошо знал, очень чувствовался.

В «Демографическом обозрении» мною при Вишневе были опубликованы шесть материалов. Первые пять связаны с именем А.М. Кулишера, вклад которого в демографию, познание русской революции

¹ *Livi-Bacci M. A Concise History of World Population. 6th ed. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2017.*

² [Вишневский А.Г.]. Обеспечим наше демографическое завтра с помощью вчерашней смертности // Демоскоп Weekly. 2005. № 223–224. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/lisa01.php>.

1917 г. и Гражданской войны, был до того в большинстве несправедливо забыт, а во многом и просто неизвестен. Уже первая из этих публикаций не могла состояться без помощи Вишневого. Это был комментированный перевод с французского статьи Кулишера о теории миграции, через призму которой рассматривалась Гражданская война в России¹. Перевод был сделан племянницей Вишневого. С ним много работал и он сам, так как текст был написан не самым легким языком. К сожалению, только много позднее были выявлены тексты Кулишера на русском языке, посвященные этой тематике, которые Вишневскому уже не суждено было увидеть².

Мне также посчастливилось найти еще две ранее неизвестные специалистам работы Кулишера на французском языке. Они были посвящены теории демографического перехода, центральной научной концепции демографии. Мне удалось уговорить Вишневого их прочесть. Ответ пришел быстро: Вишневский назвал Кулишера одним из первооткрывателей этой теории, который четко сформулировал ее положения — переход населения от состояния относительного равновесия при высоком уровне рождаемости и смертности к новому состоянию относительного равновесия при низком уровне рождаемости и смертности, между которыми находится период ускоренного демографического роста.

Вишневский предложил вместе написать об этом статью, которая быстро появилась в «Демографическом обозрении»³. Так мы снова, через много лет, стали соавторами. В приложении к этой публикации даны тексты двух статей Кулишера на языке оригинала и в русском переводе. Их переводчик не обозначен — вероятно, это был сам Вишневский. Ему же принадлежит главная роль в осмыслении современного значения, сделанного Кулишером в формулировании

теории демографического перехода. Затем мною были найдены три более ранние статьи Кулишера на ту же тему на русском языке. Они опубликованы в «Демографическом обозрении» с моим комментарием⁴. Обе статьи о пионерском вкладе Кулишера в теорию демографического перехода были переведены на английский (в «Демографическом обозрении» ежегодно выходит English Selection). Узнав от Вишневого, что отдана на перевод вторая статья, я был удивлен, так как считал, как оказалось потом ошибочно, что она не вызовет интереса за пределами России. Но он был прав, его не подвело редакторское чутье.

Когда с обеими публикациями на английском языке познакомился уже упоминавшийся Ливи-Баччи, то он рекомендовал сделать рассказ о вкладе Кулишера более доступным. С этой целью Ливи-Баччи предложил подготовить публикацию в американском демографическом журнале, который мне всегда очень нравился, но печататься там прежде не удавалось. С его рекомендацией это получилось⁵. Так вклад Кулишера получил мировое признание. Но без «Демографического обозрения» и его редактора это бы не случилось.

Последний раз я видел Вишневого в сентябре 2019 г., а со следующего года встречи с ним сделала невозможной эпидемия ковида. Но он сумел еще раз приятно удивить. Редактируя мою последнюю статью о переписи 1939 г. в «Демографическом обозрении»⁶, он внес правку так органично, что я ее не заметил. Только потом, когда он упомянул о ней, я понял, что она была сделана, что еще раз показало, какого высочайшего класса это был редактор.

Итоговая книга Вишневого посвящена демографической истории и демографической теории, в ней он обобщил написанное за многие десятилетия⁷. Все сделанное

¹ Кулишер А.М. Теория движения народов и Гражданская война в России / Перевод с французского И. Пересады с предисловием и комментариями М. Тольца // Демографическое обозрение. 2014. № 3. С. 158–173. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1767>.

² Тольц М. Александр Кулишер о Гражданской войне в России // Демоскоп Weekly. 2021. № 907–908. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0907/nauka01.php>.

³ Вишневский А.Г., Тольц М. Незамеченный вклад в теорию демографического перехода. К 125-летию со дня рождения Александра Кулишера // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 6–34. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1767>.

⁴ Тольц М. Александр Кулишер о демографическом будущем России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. С. 147–168. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7938>.

⁵ Tols M. A Forgotten Forerunner of Demographic Transition Theory: A Commentary // Population and Development Review. 2019. Vol. 45. No. 2. P. 421–424.

⁶ Тольц М. Итоги переписи населения СССР 1939 г.: две проблемы адекватности // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 100–117. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10822>.

⁷ Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

нами в установлении роли А.М. Кулишера в истории демографии представлено там. Отмечу лишь два очень важных момента в этой методологической работе. Вишневский подчеркивал: «Выражение “второй демографический переход” у меня [в ней] везде берется в кавычки. Я не считаю его самостоятельным переходом, это лишь один из этапов единого демографического перехода»¹. А вот такое понятие, как «гендер», там совсем не используется, что тоже

совпадает с моим подходом к демографическим исследованиям.

Даря свою итоговую книгу, Вишневский оставил очень теплую надпись, ведь в последние пять лет нас особенно сблизил тематика исследований: «Дорогому Марку Тольцу в память о совместных деяниях, дружески». Как исследователь, редактор и соавтор Вишневский занимает совершенно особое место в моей благодарной памяти.

¹ Вишневский А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 97.

Мариетта ЧУДАКОВА:

«Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина»

Эта беседа была записана 23–24 февраля 1996 г. во время приезда Мариетты Чудаковой в Университет Невады в Лас-Вегасе. Разговор шел о Борисе Ельцине, его президентском Совете, членом которого была Чудакова, противоречиях его правления, об институциональных и эмоциональных основах демократии и о предстоящей конференции по русской культуре в Университете Невады. Большая часть интервью записывалась в машине, чем объясняются трудности с расшифровкой отдельных фрагментов. Паузы, неразборчивые места и смысловые разрывы обозначены многоточием. В тех случаях, когда голоса участников разговора накладывались, речевые ряды разведены. Редакторская правка делалась с целью облегчить чтение текста.

Дмитрий Шалин: Сегодня у нас 23 февраля 1996 года. Я разговариваю с Мариеттой Чудаковой. Мы будем немножко говорить, немножко смотреть по сторонам [из окна машины]. Хочу вам рассказать о том, что заметила [моя жена] Джанет. Это любопытно: «Мариетта — *formidable intellectual*, тонкий интеллект, и все-таки, мне кажется, она недооценивает способности некоторых людей на Западе понять какие-то тонкости».

Мариетта Чудакова: Возможно.

ДШ: То есть на всякого мудреца довольно простоты. Мудрейшие люди в России могут чего-то недопонимать.

МЧ: Конечно.

ДШ: Несомненно, чего-то нам не различить, но не исключено, что мы здесь видим что-то лучше вас.

МЧ: Несомненно, какие-то тонкости вы видите, которые от нас ускользают. Но

это нисколько не зачеркивает того факта... Я вижу, что сейчас Запад не видит кардинальных вещей, что очень редко было [в прошлом]. Последние полгода мне стало ясно, что Запад не видит кардинальных вещей. Ваша апелляция к опыту Польши, Эстонии или Литвы, которая не сходит с уст не только у вас, но и у нас, совершенно бессмысленна. Потому что люди, которые были как бы коммунистами в Польше или Литве, это люди другого сорта. Гораздо более короткий промежуток после 1945 года, так что это абсолютно другой комплекс.

ДШ: И то, что там теперь у власти...

МЧ: Пожалуйста, я за [Алгрида] Бразаускаса сама всей душой.

ДШ: Но Бразаускас и Зюганов ничего общего не имеют.

МЧ: Ничего общего не имеют. Гораздо больше общего на самом деле у Жириновского и Зюганова, как бы Жириновский его ни плевал.

ДШ: То есть самых кардинальных вещей они не понимают.

МЧ: Теперь не понимают.

ДШ: Многие россияне, побывавшие на Западе — Герцен, Достоевский, — ожидали там найти родственную душу, но возвращались с противоположным чувством в отношении Запада. Я не осуждаю, но просто констатирую и хочу узнать ваше мнение, есть ли у русских отношение к Западу как не способному...

МЧ: Вы этого не замечаете, но сама система интервью она незаметно трансформирует дискуссию. Ваша технологическая задача — вы на меня обижаетесь...

ДШ: Нет, Мариетта, тут вы неправы. Я счастлив, что нам удалось встретиться и поговорить.

МЧ: Я говорю вам, что все эти годы, наоборот, я на Западе встречала понимание и отношусь к нему совсем не по-русски. Мне здесь легко всегда. Но сейчас я столь же трезво, а не по-русски эмоционально и с обиженной губой, вижу, что не понимают... Это непонимание того же сорта, как не понимают люди, сидя у нас в центре Москвы. Оно может быть другого происхождения, но это непонимание. И я с ними не могу найти [общий язык]. Они говорят: «Ну как же вы не понимаете демократии?»

ДШ: Но я не говорил: «Как же вы не понимаете...»

МЧ: Нет, я сейчас пересказываю не вашу, а их позицию... Вот ваша мама — умный, благородный человек, что очевидно через две минуты, — слушала всю мою лекцию и потом подошла и говорит: «Нельзя молиться за царя Ирода». Вот вам пожалуйста. А ведь кажется я лезу вон из кожи, чтобы довести свою мысль до ясности. Хотя у меня эмоции там присутствуют, но все-таки согласитесь, что я говорю логические вещи. Я анализирую, не правда ли?

ДШ: В английском языке есть замечательное выражение *join issues* — скрестите шпаги по сути дела, а не говорите каждый о своем. Я могу быть не прав, но ответьте мне по существу аргументов.

МЧ: Да я могу и побольше вас сказать о Ельцине плохого.

ДШ: Абсолютно согласен. Важно выйти на самую сильную часть вашего аргумента и именно с ней спорить. Итак, мне нужно буквально шестьдесят секунд, чтобы найти правильные слова. Возможно, я не найду точных слов, но постарайтесь, как здесь говорят, *join issues* со мной. Первый раз, когда я вас увидел, вы выступали... Как назывался этот форум?

МЧ: «Московская трибуна», разговор по поводу пятидесятилетия мэрии.

ДШ: Да, и вот все на вас нападали, а вы им отвечали соответственно. С одной стороны, вы правы, слушатели не имеют права вас перебивать. Это ваше время, вы в регламенте и у вас есть право говорить. А с другой стороны, вы и сами, возможно, этого не сознавая, воспроизводите ту же парадигму.

МЧ: Да, мешаю другому человеку. Мне это свойственно, и я не могу с собой бороться, это так. Но [общественный форум]

это другой случай. Они не хотели меня выслушать, а я им мешала это делать. То есть я веду себя, как они, мешаю диалогу...

ДШ: Не уверен, что я прав, но даже и в том случае можно было бы поспорить. Понимаете, когда им удастся затянуть вас в эту склоку...

МЧ: Это была не склока, а именно желание меня остановить. Я не зря туда вышла, мне было что сказать. Другой бы просто ушел с трибуны. В этом же зале сидели люди, которые ко мне потом подходили и говорили, как они рады, что это услышали. Извините, почему я не должна была сказать то, что вы хотели услышать? Почему я должна сдаваться этому большинству так называемому?

ДШ: Да, наверное, где-то нужно и собачиться, не давать им вас остановить. Но на повседневном уровне, за столом...

МЧ: Это другое дело.

ДШ: Когда я прошу: «Мариетта, дайте мне тридцать секунд». И уже через десять секунд вы...

МЧ: Тут я полностью с вами согласна.

ДШ: Это тоже проблема русской демократии.

МЧ: Еще бы!

ДШ: Для Джона Дьюи и социологии прагматизма эмоциональная культура не менее важна, чем институциональные структуры. Это две стороны одного и того же [процесса]. Нельзя изменить институциональные основы общества, не изменив его эмоциональную инфраструктуру...

МЧ: Да, мы не слышим друг друга. Все правильно.

ДШ: Демократия — это среди прочего *Robert's rules of order*, парламентские правила ведения дискуссии. И пока мы не научимся соблюдать регламент, а будем затаптывать и захлопывать [оппонента], никакая Конституция не поможет.

МЧ: Если бы вы были на последней «Московской трибуне», вы бы увидели, что там были представлены два мнения, мое и «Огонька». Я их предупредила, что буду говорить непопулярные вещи, поскольку там у всех были митинговые настроения и определенный настрой. Я сказала, что прошу выдать мне мои пять минут, о которых мы договорились. Выслушайте мою непопулярную речь. Через минуту три женщины, именно женщины, стали [?].

Каждая из этих женщин, я уверена на 90 процентов, встретившись со мной, сказала бы: «*О, я так рада с вами познакомиться! Я знаю вашу книгу о Булгакове*». То есть они ко мне хорошо относятся, но здесь запахло в голову, и вот это митинговое: «*A-a-a!*» То самое, что сказала ваша мама. Все уже настроились, что президент — это палач, убийца, а тут кто-то говорит другое, говорит за Ельцина. Мне говорят: «*Почему вы на него молитесь?*», а я говорю, что молюсь только на господу моего Иисуса Христа, а больше ни на кого.

ДШ: Это классический русский наскок *ad hominem*.

МЧ: Да, правильно.

ДШ: От эмоций не избавишься, из дебатов не выкинешь, и в то же время исключительно важно воспитывать в себе «культуру несогласия», как ее обозначил Аверинцев. Я могу не соглашаться с моим другом и у закадычного врага увидеть серьезные аргументы. Способность развести эти ракурсы — эмоциональную канву разговора и существо дела — не развита в России. Люди, интеллигентные, демократические, могут наступать на ноги несогласным...

МЧ: Ну да.

ДШ: И когда вы мне говорите, что видите, как у меня в голове уже складывается заметка о нашем разговоре, то это укол. То есть вы можете быть правы на 95 процентов, но вы начали с пяти.

МЧ: Несомненно, хотя то, что я говорила, у вас отложилось [не совсем правильным образом]. Первое, что я хотела сказать: «Вы многое забыли, и правильно!» С 1974 года физически нельзя не забыть.

ДШ: Так вот, меня интересуют два уровня демократических процессов — эмоциональный и институциональный, политический.

МЧ: Это очень верно.

ДШ: Демократическим институтам трудно укорениться в эмоциональной культуре страны, где имеют место хронические эмоциональные расстройства. И пока мы не научимся слушать не перебивая, суммировать не самые слабые аргументы противника, а самые сильные, отдавать должное врагу там, где он этого заслуживает, не превышать допустимого уровня децибел, ничего [хорошего у нас не получится]. Это чеховская программа на самом деле, и без

нее не построить демократического общества. Язык тела — *body language* — заглушает все. Кто-то начинает махать рукой, кто-то... И все это сводится к митингу, к агитке, к загрязнению эмоциональной среды обитания... Вы сами писали о блуде борьбы, и ваши эмоции, как мне кажется [особенно показательны в сегодняшней ситуации]. То, что является шумом, может восприниматься собеседником как сигнал.

МЧ: Я это твердо знаю...

ДШ: Когда [американский политик] Ньют Гингрич обзывает жену Клинтона блядью, то не важно, о чем он говорит, насколько Хиллари Клинтон несимпатична. Его тон...

МЧ: Это республиканец, да?

ДШ: Да-да. Так вот, вы очень тонкий человек, я с вами согласен на 98 процентов, но эмоциональный настрой ваш принадлежит миру, с которым вы боретесь. И это люди чувствуют...

МЧ: ...Говорю вам как на духу, это мое органическое свойство, оно не воспитано. Я предупреждаю своих друзей, что, когда я говорю об их работе, когда они мне дают работу на отзыв, мое мнение будет выглядеть более агрессивно, чем моя оценка самой работы. Но это вопрос не оценки, а моего темперамента. Я всегда предупреждала: «*Прислушайтесь к словам, которые я буду говорить. А та страсть, с которой я выражаюсь, может выглядеть более негативно, чем моя оценка*». Это когда речь идет о научных темах.

ДШ: Я знаком с этим темпераментом и сам в какой-то степени ему подвержен.

МЧ: Был, пока не оказался на Западе.

ДШ: Да, но наступает момент, когда этот темперамент начинает мешать.

МЧ: Никаких сомнений. Я это считаю своим недостатком.

ДШ: Самое важное то, что такой темперамент заглушает суть нашей мысли...

МЧ: Вы говорите то, с чем я согласна и что знаю давным-давно. Вот мой муж абсолютно другого типа человек. Его слова доходят гораздо больше, потому что это говорится спокойно, толерантно...

Вы говорили, что собираетесь проводить какой-то симпозиум или он провалился?

ДШ: Да, будет симпозиум под названием «Русская культура на перепутье». Но сначала нужно деньги собрать. У нас вы-

ходит первый том коллективного труда, где есть главы Левады, Кона, Абдуллаевой, Дондурея, Эткинды плюс ряда американцев. Запланированы еще три тома и три конференции — по артистической культуре, по политической и третий том по экономической культуре. Не знаю, как насчет экономической тематики, но два других тома могут выйти. На ближайшую конференцию мне нужно «всего лишь» 90 тысяч долларов, которых пока нет. А книга выйдет [в этом году], на нее уже были первые рецензии.

МЧ: И симпозиум у вас был?

ДШ: Да, первая книга по результатам симпозиума 1992 года.

МЧ: Я думаю, тогда мы еще с вами не были знакомы.

ДШ: Наверно, нет.

МЧ: Мы как-то случайно познакомились. Ну как случайно, вы, по-моему, мне позвонили, и я вам сказала, что мы можем встретиться как раз там, куда я еду [на общественный форум].

ДШ: Ситуация с фондированием сейчас плохая.

МЧ: Все ждут коммунистов, американцы говорят. Ждут коммунистов, начнется холодная война, и на это пойдет очень много денег. Не знаю, знаете ли вы такую даму, здешнюю славистку Ирину Паперно.

ДШ: Да знаю. Где она сейчас?

МЧ: Она в Беркли сейчас, а была в Корнельском университете... Вторая жена Бори Гаспарова. Сейчас у него третья. Но это не важно. Она довольно известная славистка, автор книги о Чернышевском и так далее. Сейчас она и Ольга Матич заняты всякими феминистскими проблемами, трехчастными браками и всем таким. Но она с таким мужским умом, очень неглупый человек. В Корнельском университете читала курсы, и студенты мне сказали, что она им говорила перед выборами в Думу: «Хорошо бы коммунисты пришли [к власти], и тогда бы нам сразу дали деньги».

ДШ: Ну да, в этом есть какая-то правда. Хотя я подозреваю, что это звучит изящнее, чем реальная ситуация.

МЧ: Может быть. Вам виднее. Я только транслирую. Саша Жолковский тоже говорил, он также любит приукрашивать и полемизировать. Он профессор в USC [University of Southern California]. Вы, кажется, его знаете немножко. Он сейчас

москвич, приезжает на каникулы, много общается с молодыми учеными и исследователями, активно участвует во всяких мероприятиях. Он такой активный человек, что ему даже каникулярного времени не хватает, чтобы приносить пользу. И вот он тоже говорит, что все американцы ждут.

ДШ: В общем, я надеюсь, что с помощью нашего университета и других фондов мы организуем конференцию...

[А как у Ельцина складываются отношения с интеллигенцией?]

МЧ: [Ельцин], несомненно, обращался к интеллигенции, но он ее недостаточно учитывал и привлекал, а она оказалась слишком обидчива и амбициозна. Живой пример тому — действительно очень грубое, мало мотивированное, очень российское отстранение Егора Яковлева от телевидения. Его достоинство, личное достоинство, было задето. И его можно было бы понять, если бы он не согласился куда-то войти, предпринял какие-то мужские акции. Но Егор, на мой взгляд, поступил самым глупым образом — он из своей обиды, я бы сказала, мотивированной обиды и задетого самолюбия сделал антипрезидентскую газету. Этот ответ неверный. И в нем как в капле воды отражается интеллигентская позиция. Чтобы выместить свою обиду, он... То есть надо было поступить так: «Я лично оскорблен, обижен, но ситуация такова, что я считаю...» Ну, не хочет с ним встречаться, так это его личное дело, дело мужчины.

ДШ: А Чубайс так же поступил?

МЧ: Чубайс повел себя очень достойно. Не исключено, что сейчас он будет участвовать в президентской предвыборной кампании. Дважды об этом уже говорил Ельцин... А демократы сейчас сосредоточены на том, чтобы отговорить президента баллотироваться. Все силы брошены на это.

ДШ: А что с Клямкиным?

МЧ: Не знаю, о Клямкине давно ничего не слышала. Мне это менее интересно.

ДШ: Понял. Возвращаясь к вопросу, который меня волнует. Как вы относитесь к бесцеремонности Ельцина в отношениях с людьми?

МЧ: Почему бесцеремонности?

ДШ: Ну то, как он избавляется от людей. Например, как он обошелся с Горбачевым.

МЧ: Подождите, вопрос о том, в какой форме происходят отставки. Вот два случая. Печать шумела о представителях президента в Конституционном суде и в Думе, о том, как он с ними безобразно обошелся. А потом выяснилось, что все было совсем не так. Один сказал, что сам подал заявление, другой — что с ним три раза говорили. И вот [такая дезинформация] распространяется постоянно.

ДШ: То есть люди передергивают.

МЧ: Да-да. Постоянно. Я и сама была возмущена и начала туда звонить. А мне через два часа перезванивают: «*Посмотрите, они уже на телевидении*».

ДШ: Это желание видеть худшее.

МЧ: Да. Вообще, грубоватость — она у него есть. Это факт, и даже хамоватость. Но должна сказать, что личное общение Ельцина с президентским Советом — тут нет сравнения с Горбачевым. Во-первых, Ельцин со всеми на «вы».

ДШ: А Горбачев был на «ты»?

МЧ: На «ты». И Черномырдин на «ты». Вот старик Ясин, а он и с ним на «ты», но как-то по-доброму. Горбачев был на «ты» с Залыгиным! Восемидесятилетний Залыгин мне лично говорил: «Ну почему он со мной на “ты”»? Я не понимаю». А Борису Николаевичу это и в голову не приходит. Чтобы он нас оборвал — такого даже в голосе нет. Говорят, он вообще не матерится. Вот Черномырдин — да.

ДШ: А он пьет?

МЧ: Сведения такие, что в декабре было решение [остановиться?]. Будто бы ходят слухи. Все-таки речь идет о здоровье. В декабре он вообще сбросил тринадцать килограммов.

ДШ: Мариетта, я записал в своих заметках то, что вы говорили, но не могли бы вы конспективно обозначить пять-шесть основных достижений Ельцина как демократа?

МЧ: Он дал возможность сначала вице-премьеру, а потом министрам-реформаторам работать дольше, чем они могли бы надеяться. И это в самых жутких условиях. Они сами это не раз говорили, а теперь забыли (это не касается Чубайса). Второе, он не просто дал им возможность работать, но ни разу, поливаемый грязью в прессе, не свалил все на Гайдара. Ни разу! Я поражаюсь, как они сейчас не могут по-человечески оценить хотя бы это.

ДШ: Это два.

МЧ: Он понял, что реформы нужны, взял на себя [ответственность] и не сделал вид, что виноваты какие-то завлабы, как тогда сказал Черномырдин. А тот сам полтора года ни одного решения без Чубайса не принимал. Потом уже под аплодисменты коммунистов Черномырдин заявил, что во всем виноваты завлабы. Ельцин никогда бы такого не сделал. Он уважал этих людей.

Третье, никакие его отставки не приводили к резкой перемене курса в отношении экономики, хотя метания были. Как в отношении реформистской экономики, что важно в контексте Америки, так и в отношении свободы слова. Если что-то было не так, то он учитывал и быстро менял. Скажем, налоги на японские машины [не сработали], он раз — и обратно. Вы не учились быть премьером, и он, секретарь обкома, не учился быть президентом.

ДШ: Дальше.

МЧ: Повторяю, реформистский курс в экономике не менялся. И главное, ни разу не отменяли демократические свободы, которые десять раз похоронили [усилиями Полторанина?]. В печати полный обвал — конец свободы печати. Полторанин уже в каком-то шовинистском лагере, а свобода печати есть. Ельцин ни разу никого не одернул, не окрикнул и не наказал за личную критику в его адрес.

ДШ: А как было с программой «Куклы»?

МЧ: Ничего он с ней не сделал. Была его охрана, но он ничего такого не сделал.

ДШ: А почему она перестала выходить?

МЧ: Простите, вы человек из демократической страны и должны сами это [знать]. Ельцин назначил нового прокурора, у него новые замы... Может быть, он и был оскорблен «Куклами», но он не давал такого распоряжения. Новый прокурор этим занимался. У меня есть консульский пресс-релиз, я вам его покажу, где говорится, что еще в августе или сентябре 1995 года это дело прекратили за отсутствием состава преступления.

ДШ: Значит, вопрос снят.

МЧ: «Обижен, не обижен — это мое личное дело», — сказал он в Екатеринбурге. — Надеюсь, никто не может сказать, что он пострадал.

ДШ: Дальше, что еще [относится к заслугам Ельцина]?

МЧ: Он ощущает, что у него есть невыполненная задача, которую он должен выполнять. У него есть историческая задача. А это немаловажно. Он ощущает демократию как свое личное дело. Ему завещано...

ДШ: Он глубоко проникся делом демократии, и для него это...

МЧ: Я так считаю. Не соглашусь, что Ельцина интересует только власть. Ни Костиков мне это не может доказать, ни я Костикову, что это не так.

ДШ: Что еще в плюсе?

МЧ: Свобода печати — это очень важно. Свобода политических партий. Я бы даже сказала — разгул политических партий, никому не нужных. Свобода демонстраций, естественно. Сейчас идет свободная политическая жизнь, никем не стесняемая. Мы просто зажрались — и вы, и наблюдатели западные зажрались! На чей-то вкус, может быть, даже излишняя свобода. Идиотство — сорок пять партий участвовали [в выборах].

ДШ: А какие у него были ошибки? Одну вы уже назвали — Чечня.

МЧ: Это привело к огромным последствиям. Надо было развязывать узел на длительных переговорах, начинать серьезные переговоры. Наверное, начинать надо было с Дудава. А окружение президента этого не советовало. Все ему внушали, что неуместно вести переговоры.

ДШ: Еще какой-то негатив?

МЧ: Бесконечные шатания, метания. Не знаешь, от чего он еще откажется. Это его вина и наша беда — он так же мучается и ищет, как и мы. Потом он упустил контроль над всей исполнительной властью. Дальше маразма такого нету. Год назад с лишним я ему это говорила на встрече с интеллигенцией, когда писала с товарищами письмо, которое подписали семьдесят четыре человека. Он нас пригласил, это был конец октября 1994 года, за две недели до начала действий в Чечне. Он тогда, конечно, и знать о них не знал, как уверяют близкие ему люди. Это все спонтанно получилось из-за чертовой ФСБ, которая туда свой идиотский десант выслала. Мы покрывали этот десант. Все остальное — это [попытка] загладить идиотство ФСБ. Вот ведь что было.

ДШ: Это войска особого назначения?

МЧ: Нет, это КГБ бывшее.

ДШ: Значит, это все в негативе.

МЧ: Да, конечно. И еще. Я ему тогда говорила, что куда ни приедешь, люди показывают: «Вот глава администрации или чиновник ваши хоромы себе построил». Говорю ему, ведь у вас же есть указ. А он возражает: «Это коммерсанты, это не мои». «Нет, Борис Николаевич, — отвечаю, — я знаю, о чем говорю. Коммерсанты — это другое дело. Кто-то там что-то незаконно приватизировал, а я говорю о чиновниках, которым вашим указом запрещена коммерческая деятельность. Они как дьяки расположились, живут в хоромах. Все знают, что на зарплату такие не построишь». Разговор был в Грановитой палате, несколько часов мы говорили.

ДШ: А он что?

МЧ: Ну, записал себе. И вот теперь только он раскачивается. Прошло уже полтора года. А что же он меня раньше не послушался? Сейчас он начинает преследовать за коррупцию. Он это абсолютно не контролировал. И второе, что он безобразно не контролировал, — ну не только он, конечно, но и правительство, хотя спрашивать будут с него, — Министерство финансов перечисляет зарплату, а она не доходит, [потому что] ее крутят. Я ему тогда же говорила: «Найдите хотя бы одного-двух [виновных], сделайте показательный процесс. Это ваш директор крутит, черт побери». А он: «Да, да, да». Это я полтора года назад говорила на той же встрече. Только сейчас объявил, что наказывать будем всех. И сейчас за это взялись. Вот его ошибки.

Третье — судебная власть. Что-то надо было делать. Судьи разбежались, им не платят, работают они безобразно. Раз за разом суды оправдывали фашистов. И так далее. Каким-то образом он должен был на это реагировать. Эта его идиотская политика общественного согласия, которой он некоторое время придерживался, она ничего не дала. Только сплошные убытки. Он все старался [быть над схваткой], а мы все ему внушали, что вы президент демократической России. Я это ему не раз говорила, и это даже попало в его речь, когда он выступал в ООН, как вы знаете. Он к этому прислушался.

ДШ: То есть существует достаточно длинный список его промахов.

МЧ: Конечно.

ДШ: А что касается национализма [это за ним водится?].

МЧ: Этого нет. Он сто процентов не антисемит. Этого у него нет органически. Один его помощник по экономики — Лифшиц, на черта ему держать Лифшица? Теперь, министр экономики Ясин — еврей. Заместитель его, Уринсон, говорят, еврей. Ну так говорят, за что купила, за то и продаю...

ДШ: То есть он за державу, за Россию.

МЧ: Я ему говорила на Совете в августе, это предыдущий Совет, что имперская [риторика], за которую вы в последний год взялись, неправильная. Но оставим в стороне этот факт, эта риторика прежде всего непрактична. Это ничего не принесет вам у националистов. Они все равно вам не поверят. Вы для них все равно демократ, а значит, антипатриот, а у нас вы теряете. Вот и все.

ДШ: Это производит впечатление двуличности, готовности все время менять...

МЧ: Это не двуличность. Он ищет. А как же президент такой страны может быть односторонним? Посмотрите, что творится.

ДШ: Это прагматизм?

МЧ: Если бы он не был прагматистом, вы бы сами над ним смеялись. О чем вы говорите, еще один прекрасодушник. Да, порой он хватается за державные, имперские лозунги, потому что он не знает, как иначе показать, что он патриот. Патриот он совсем в другом, чего он не может выразить.

ДШ: Значит, ему нужна риторика.

МЧ: Ну, я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина.

ДШ: Ну да, как надо отмечать пятидесятилетие Победы. Там есть шизофренические моменты. Что еще? Как с коммунистами, которые с ним заигрывают?

МЧ: Я не вижу никакого заигрывания. Я считаю, что ему бессмысленно вести с ними какую-то полемику. Просто надо утверждать, что в России будет демократия, а не ваш вшивый социализм. Надо утверждать, а не спорить. Это мое мнение.

ДШ: Что касается существа нашего разговора, то я хочу об этом написать заметку, может быть, в «Лос-Анджелес Таймс» (см. «The case for Yeltsin, given the alternative»¹).

Что бы вы сказали людям, которые считают ваше сотрудничество с Ельциным предосудительным?

МЧ: Я бы им сказала, что ни одной минуты не думаю о своей репутации. Дай бог мне разобраться с самой собой. Моя репутация внутри меня самой. Вот меня она интересует, а в глазах других — нет.

ДШ: В нескольких фразах как бы вы определили свою позицию?

МЧ: Одной фразой — не хочу сдавать Россию коммунистам. А [Баткин?] считает, что ничего особенного, зато будет поляризация — замечательно, да? Зато будет поляризация, понимаете? Чистота эксперимента, а то ему надоело, что все какие-то полуреформисты...

ДШ: Что еще можно ответить вашим критикам?

МЧ: Зачем же я буду сидеть дома и злиться за телевизором. А так я буду знать, что сделала все, что смогла.

ДШ: Значит, есть примеры того, что он прислушивается к вашим словам.

МЧ: Ну, я вижу высказывания мои и в других его [речах]. Скажем, я ему говорила: «Помните, что вы президент демократической России и только так вы можете выступать». Не вообще России там или империи, а демократической России.

ДШ: И он не отказался от [этой формулировки].

МЧ: Нет, он это произнес дословно. Я бы сказала, начиная с декабря этого года, он уже не боится.

ДШ: Итак, в данном историческом контексте надо голосовать за Ельцина, работать на его кампанию.

МЧ: Есть надежда, что именно этот, так сказать, массивный человек сможет за несколько месяцев изменить [ситуацию], если сделает нужные социальные шаги. Может быть, он сможет противостоять Зюганову.

ДШ: Что именно нужно сделать, чтобы за эти три-четыре месяца...

МЧ: Дать людям зарплату, вернуть им минимум сбережений, о чем я говорила полтора года назад. Причем меня высмеяла вся демократическая общественность. Я сказала: «Верните хотя бы старухам смертные деньги. Наши старухи так устроены — они не могут жить, если у них не отложено на смерть. Пойдем им навстречу». Демократическая общественность рыдала от злости, истекала бешеной слюной: «До какого цинизма дошли интеллигенты, чтобы...»

¹ <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1996-06-10-me-13596-story.html>

ДШ: Ну не все, не все.

МЧ: Я в печати не видела на эту тему ни одного положительного отклика и десятков отрицательных...

Хочу еще раз подчеркнуть, почему на меня так накинулись, что для меня совершенно непостижимо.

ДШ: Но ведь не одна же вы такая. Есть люди вроде Аверинцева.

МЧ: А я что, говорю, что я одна? Аверинцев — это другое дело. Мы с ним близки, но разница в том, что Аверинцев профессор в Вене, завкафедрой. Он не участвует в политической жизни.

ДШ: А разве в России он уже не живет?

МЧ: В общем, не живет. Он ездит, конечно, но он больной человек. У него была серьезная операция на сердце. Я хочу сказать, что наше неискушенное в демократии общество, прежде всего так называемая демократическая публицистика, наша четвертая власть считают, что любой шаг на социальные нужды людей в контексте выборов есть популизм, который надо обличать. Как будто где-то в мире президенты приходят к власти, не делая шаги навстречу своему электорату.

ДШ: Тут можно возразить, что это неплохо было бы сделать за год или два до выборов.

МЧ: Подождите, я это сказала когда? Ведь меня оплевали еще в 1994 году, когда я говорила, что именно это надо делать.

ДШ: Тут я согласен на сто процентов.

МЧ: Извините, за два года до [выборов], чтобы повернуть людей к демократии. Потому что демократы пришли к власти и отняли последнее дотла. Когда я вам говорю: «*Вы должны*», — знайте, что я сама осуждаю этот оборот речи, обращенный к кому-то, кроме самого себя. Это наше наследие. У нас все знают, кто кому чего должен, и мало знают, что он должен самому себе.

ДШ: Мне как раз и кажется, что нет более радикальной позиции, чем начать с себя. Не с Конституции, пятилетнего плана и так далее.

МЧ: ...Мама рассказывала, что моего брата старшего напугала собака, когда заглянула ему в коляску. Ему было два или три года. И он стал заикаться. Врач-логопед сказал маме, что с ним надо все петь: «А-ну-ка-ид-и-ку-у-у-шать». И он должен отвечать так же нараспев. И таким образом он вылечился. Так вот, мне кажется, что при

помощи английской мелодики вы, сами того не сознавая, избавились от дерганной [манеры]. Наша интонация теперь уже вас не вернет в нашу национальность. Вот моя гениальная мысль.

ДШ: То есть это была своего рода самозащита.

МЧ: Такой якорь спасения.

ДШ: Что-то вроде самотерапии.

МЧ: Да, такой терапевтический ход. Я в этом уверена, поэтому и гениальная идея. Таких у человека немного.

ДШ: Мне кажется, у вас много идей, в которых вы уверены.

МЧ: Да, видите, это мой недостаток.

[Смех]

ДШ: В этом наблюдении действительно что-то есть. Я бы только заметил, что в России меня часто принимали за идиота, которого трудно завести, человека, который не пьет, не курит. Возможно, здесь что-то от рождения. Кто его знает.

МЧ: Вы думаете, это у вас в крови или вы изменились? Вы были таким всегда?

ДШ: Вряд ли, но до какой-то степени я, наверное, был не совсем такой. Противно собачиться было всегда, и я уезжал-то прежде всего из-за этого. От того, что меня не оставляли в покое.

МЧ: Последнюю рубашку просите, если хотите, но оставить вас в покое? Нет.

ДШ: Я пытался объяснить своим друзьям-диссидентам: «*Вы не понимаете, до какой степени вы воспроизводите в своей среде нетерпимость к другим. Нетерпимость к людям, с которыми вы не согласны. Вы боретесь с большевизмом [эмоционально] большевистскими средствами, произвольно воспроизводя на этом уровне то, с чем вы боретесь. И пока ты, Сеня¹, не будешь обращаться со своим сыном Пусиком и женой Наташей...*»

<...>

МЧ: Вещи, о которых вы говорите, — это необходимые вещи. Они давным-давно назрели. Говорят, что это он под выборы делает, и действительно, лучше позже, чем никогда. [Я ему об этом говорила.] Но была и вторая часть преамбулы. Дело в том, что у нас не было денег, действительно не было резерва. Он накопился...

ДШ: Не то, что были деньги, но их нарочно не выплачивали.

¹ А. Рогинский.

МЧ: Ну, часть их, конечно, растаскивали, и они не доходили до адреса, потому что жуткая коррупция среди чиновников. Люди на себя тратят деньги, надеясь на безнаказанность, которая процветает. Тратят на себя деньги, адресованные населению. Но в то же время, по признанию экономистов, и тут у меня нет оснований не доверять Чубайсу и министру экономики, к концу того года накопился некий резерв. Он должен был быть, потому что инфляция снизилась, а это симптом каких-то благотворных процессов. Как вы знаете, инфляция резко снизилась с лета того года. И это заметно... Возьмите конкретный пример, скажем, хлеб. Батон хлеба стоит от 1600 до 1800. В этих пределах. Инфляция за месяц — 2 процента. Это значит, хлеб стал дороже на 30 рублей. Или возьмите буханку за 2000, это значит, хлеб вырос на 40 рублей. Это абсолютно незаметно... Понятно, что накопились деньги, и нужно решать, как их распределять. С первого марта обещают регулярную выплачивать зарплату. Над ним [Ельциным] смеются, но смеха тут нет — создан резервный фонд, и, если деньги задержат, он сможет выдавать из резервного фонда. Для нормальной демократической страны это нонсенс. Для страны в состоянии *improvisation* это не нонсенс. Здравомыслящие люди, которых у нас, к сожалению, осталось не так много, говорят: «Да хоть из чего-нибудь надо выплачивать зарплату». Резервный фонд, президентский фонд — абсолютно не имеет значения, из какого фонда. Затем вернуть минимум накоплений. Старшему поколению [прежде всего], как я вам говорила, хотя бы деньги на смерть. Скажем, начиная с 75 лет. Мне говорила [?], что хоронила отца и потратила 4 миллиона.

ДШ: Люди не просто озлоблены, а они реагируют на конкретные вещи.

МЧ: Я прекрасно помню мою бабушку, царствие ей небесное, она была моей няней из маминого села. Она говорила: «*Вот у меня на смерть деньги отложены*». А нас было пятеро детей, в воспитании которых она так или иначе участвовала. И вот я говорю: «*Баба, неужели тебе не помогут?*» А она: «*Ну нет, все-таки пусть будут*». И действительно, мы ее хоронили в основном на ее деньги. Она у меня на втором месте после родителей, почти что рядом с

ними. Она была из-под Суздаля, знала, что я ее обожала, все мы ее очень любили, и она говорила: «*Нет, у меня на смерть деньги отложены — знай*». Эта ценность для нашего российского населения необычайно важная. Для женщин особенно. Для мужчин почему-то в меньшей степени, так уж сложилось, но наши бабушки... Верни людям [накопления], и они воспрянут. Наш народ в общем-то неприхотлив в этом смысле. Он откликнется даже на малую помощь. Все очень трудно. Вот и студентам немножко повышать стипендии надо. На стипендии никогда нельзя было прожить. Помню, мы собирали нашему сокурснику, он ходил зимой в кедах парусиновых, и мы ему собирали [деньги], чтобы он вовсе не замерз. Собирали всем курсом, у нас было триста человек на курсе. [Вообще-то] я не отношу студентов к социально незащищенным, честно говоря. Очень жаль, что им приходится работать, это влияет на учебу. Но сначала надо подумать о других.

Вот такие [проблемы]. Потом, опять же, речь идет о безнаказанности чиновников. Надо наказывать. Это верная мера. Надо наказывать за чиновнические преступления, выгонять. Сейчас уже, в последние две недели или последнюю неделю, он [Ельцин] уволил четырех глав администраций за неадресное использование целевых средств.

ДШ: И другие это заметят.

МЧ: Ну, да. Надеюсь. А раньше они были полностью уверены в себе. Останутся две трудные вещи, которые нужно поставить на первое место, — это криминальная обстановка в России в целом, с которой труднее всего бороться... Важно, чтоб люди видели — работа идет. И главное — это война в Чечне. Если она не будет остановлена до выборов, то...

ДШ: В трех-четыре словах: как это можно сделать?

МЧ: Сейчас члены Президентского совета, которые продолжают поддерживать Ельцина и остались в Совете, написали письмо, которое было опубликовано в «Известиях». Там Алла Ярошинская, секретарь Союза журналистов, предупреждавшая в украинской газете за восемь месяцев до Чернобыля о возможности аварии, но ее никто не послушал, ее преследовали, и в результате она трагически оказалась права. Там у нас еще есть такой предприниматель,

из честных предпринимателей, Олег Киселев. Два сотрудника аналитического центра при президенте, они же члены Совета. Паин Эмиль Абрамович, который как раз занимался Чечней (к его мнению не прислушались). Леонид Викторович Смернягин. Затем Марк Захаров, режиссер, который раньше был за то, чтобы Чечню добивать. Он сидел у нас на одном внутреннем заседании в декабре.

<...>

Да, я не договорила. У нас в Совете порой были разногласия с президентом и друг с другом, хотя мы считали своим долгом его поддерживать. И один из спорных, приоритетных вопросов нужно было вынести за рамки споров — это вопрос о войне в Чечне, которая должна быть остановлена. В качестве первого этапа мы предлагаем мораторий на проведение крупных войсковых операций. Сотрудники президентской администрации, приличные люди, говорили, что [шаги должны быть] обоюдными. А я говорю: *«Извините, у Дудаева нет возможностей для проведения крупных войсковых операций. Такие возможности есть только у России. Поэтому здесь все правильно написано»*.

ДШ: Еще немного о Президентском совете. Сколько там людей, кто туда входит, избирается ли Совет, есть ли попытки ввести туда людей из разных слоев населения? Какова его структура и функция?

МЧ: Было двадцать восемь [человек], когда я туда входила. Вольных стрелков, как я, там нет. Писатель Гранин еще. Из писателей он один. А так это директора и сотрудники институтов. Где-то у меня есть список, может быть, он найдется.

ДШ: И члены Совета назначаются президентом?

МЧ: Да.

ДШ: И какая политическая ориентация у членов Совета?

МЧ: Недемократических там нет. Мы, конечно, можем резко расходиться [по отдельным вопросам]. Кто-то там державник, я, конечно, против.

ДШ: Кто там наиболее консервативен?

МЧ: Что называть консервативным? Например, с Антоном мы расходимся сильно. У него наиболее державническая тенденция. Я просто не видела большего державничества, чем у Миграняна.

ДШ: И члены Совета туда входят, иногда выбывают...

МЧ: Ну да. Гефтер, например, вышел в свое время. Нет, эти проблемы нерешаемые на самом деле. [Центральная] проблема тут — интеллигенция и власть, у которой нет однозначного решения. Каждый ее решает для себя, каждый отдельный момент. Не исключаю, что вы еще до выборов услышите, что я вышла из Совета.

ДШ: Как часто вы собираетесь?

МЧ: Нет никакой периодичности. Назначают или предлагают провести заседание перед какими-то важными событиями или для того, чтобы сориентироваться в обстановке. Я вам рассказывала, что перед его поездкой в Америку, перед выступлением в ООН [было заседание]. Не только по поводу внешней политики. До сих пор так было, приглашают двенадцать-тринадцать человек. На полном заседании я была только один раз. Ему [Ельцину], видимо, предлагают список приглашенных для данной темы. Он всегда сам смотрит. Не так, чтобы он не знал, кто туда придет в данный момент. Он обязательно просматривает список участников, с ним обсуждается, кого приглашать на данный Совет. Вот сейчас в связи с такой экстремальной ситуацией, когда часть членов вышла из Совета, он [хотел посоветоваться].

ДШ: Есть ли в Совете голосования по каким-то вопросам?

МЧ: Голосований нет. Все зависит от самого человека. Когда началась Чечня, я написала: *«Как член Совета, считаю своим долгом сказать вам...»*

ДШ: Просто идет разговор.

МЧ: Выступают по одному.

ДШ: И он там присутствует всегда?

МЧ: Председательствует всегда президент.

ДШ: Скажем, в 1995-м сколько раз собирался Совет?

МЧ: Один раз.

ДШ: За весь год?

МЧ: За весь год. Это был такой год.

ДШ: А в предыдущие годы?

МЧ: В предыдущие годы по несколько раз.

ДШ: А в этом году?

МЧ: В этом году вот собрались 9 февраля.

ДШ: Уже после вас?

МЧ: Нет, при мне. Просили меня очень задержаться [отложить поездку]...

ДШ: Кто вышел из Совета?

МЧ: Сергей Ковалев вышел. Гайдар, Лацис и Сергей Сергеевич Алексеев. Профессор такой, правовик, Конституцией занимался.

ДШ: Это в связи с Чечней?

МЧ: Да, они мотивировали [свой уход] Чечней. А перед этим мы написали два письма, две телеграммы писали президенту. Сначала вчетвером — Гайдар, Лацис, Ковалев и я. Ночью мы с Ковалевым послали. А потом втроем, просто не могли найти Ковалева. Потом уже я узнала, что по техническим причинам помощница Гайдара не смогла ее отправить — на телеграфе не приняли телеграммы без наших заверенных подписей. С улицы президенту нельзя так послать телеграмму. В этом есть своя логика. Мы действовали вместе, конечно. Он не отреагировал, но мы имеем право.

ДШ: Значит, вы перечислили наиболее важные шаги — восстановить доходы, помочь студентам...

МЧ: Ну, чтоб повысили им стипендию. Хотя гораздо важнее, чтобы студентов в армию не забирали. Студентов теперь забирают в армию.

ДШ: Теперь с Чечней — вы рекомендовали вести переговоры.

МЧ: Ну, я же сказала, воздерживаться от больших действий и вести переговоры.

ДШ: Что еще можно сделать до июня, чтобы убедить людей?

МЧ: Надо делать, как коммунисты. Они по квартирам ходят. Вот у меня знакомый живет около Академии Жуковского — буквально ходят поквартирно и предлагают голосовать за коммунистов...

ДШ: Вы бы рекомендовали то же делать демократам?

МЧ: Да, конечно. Любые нормальные предвыборные действия. Но ничего такого не будет. Естественно, нужен единый кандидат от демократов, по крайней мере для второго тура. Чтобы за Явлинского голосовали... Вообще, мы не знаем, что будет во втором туре.

ДШ: Даже если Явлинский победит в первом туре, ему не победить коммуниста Зюганова во втором.

МЧ: Все эти сценарии, они накладывают отпечаток на нашу журналистику...

[Перерыв в записи]

ДШ: ...Сегодня у нас уже 24 февраля, и вы уезжаете буквально через пятьдесят минут. Это, кажется, третья часть нашего разговора.

МЧ: А чаю можно?

ДШ: Прошу прощения, сейчас... Один-два вопроса остались, которые я хотел бы задать, а потом закончим. Если я правильно понял, одна из ошибок Ельцина — это то, что он не смог наладить отношения с интеллигенцией.

МЧ: Я считаю, что это взаимно.

ДШ: Бурлацкий говорил, что одна из причин, почему Хрущев проиграл, заключается в том, что сначала интеллигенция его поддержала, а потом [от него отвернулась]. Я встречал этот троп неоднократно. У вас несколько другой подход, но где-то слышится и такой мотив: «Ельцин должен быть осторожен с интеллигенцией, а то...» Вы не могли бы развить эту тему, не делает ли Ельцин ошибки?..

МЧ: Нет, не могу встроиться в тему. Ошибки? Нет.

ДШ: После манежной выставки 1962 года критики писали, что Хрущев утратили доверие интеллигенции, потерял поддержку реформаторов и его скушали.

МЧ: Ну, конечно. И [Ельцин] стоит между партбюрократией и [интеллигенцией]. Но интеллигенции он ближе...

Я вот что подумала, так как у вас есть мой адрес, что вам стоит послать мне [вашу записку]. Вы ведь ее сделаете дней за восемь, наверное. Пошлите ее мне, может быть, там какая-то фраза не та, а я смогу сделать уточнение. Это не для того, чтобы вас контролировать, а наоборот, чтобы быть вам полезной.

ДШ: Да, я могу прислать по факсу. Так и сделаем. Я постараюсь отложить другие дела.

МЧ: Да, отложите, воспользуйтесь [моим советом].

ДШ: Это важно и Западу, поскольку здесь сейчас столько на эту тему пишется.

МЧ: Это будет благое дело. Может быть, и с моим именем, что поможет очищению атмосферы. Поскольку мы достаточно затратили на все это времени и сил, я возлагаю на вас надежду, что вы продвинете нашу точку зрения ближе к Белому дому. И, раз уж вы помогаете нашим ветеранам, то каким-то образом сумеете внести свой вклад в формирование

Участники Конференции по русской культуре в Университете Невады в Лас-Вегасе, февраль 1996 г.

конструктивной позиции Запада по отношению к нам в эту необычайно [трудную эпоху]. Надеюсь, что я, по крайней мере, сумела передать вам чувство абсолютной экстремальности этих месяцев. Вчера мы с вами примирились на том, что да, мы расходимся в каких-то тонкостях, но в том, что касается вековой почвы демократии, [мы сходимся]. Я всегда восхищалась Тыняновым в том смысле, что ему не надо каждый раз вырабатывать точку зрения на литературу, он всегда ее видит методологически в одной и той же раме. Это гениально. Он вообще гениальный ученый. И у меня, смею сказать, появилась такая методологическая константа только в последние два года, может быть. Понимаете, про что я говорю, да?

ДШ: Сложилась такая парадигма.

МЧ: Да, парадигма. Когда мне уже не надо [мудрствовать]. Вот этот поворот у меня уже как панорама готов. Как пишет Булгаков, у китайцев уже с рождения в глазах, видимо, была заложена панорама. Так вот, такая панорама есть у западных людей, но я уверена, что сейчас Запад не понимает кардинальных вещей, советских и постсоветских. Сейчас проведу параллель, и вы меня поймете. [Это связано с] Домбровским. С ним я была по имени отчеству и на «ты».

ДШ: Как его звали?

МЧ: Юрий Осипович. Он требовал, чтобы я его называла Юрой и на «ты». Я сказа-

ла: «Нет, я так не буду. Давай помиримся на половине — Юрий Осипович и на «ты»». Мы с ним обсуждали проблему стукачей. Он говорит: «Ну, я тебе так скажу, старуха, — наше тогдашнее обращение. — Если один человек говорит, что это стукач, на это не обращай внимания. Два человека — тоже можно не обращать внимания. Но если все говорят, стоит уже поразмыслить. Но у меня есть еще одна примета. Если человек сам говорит, что он стукач, то даже если он говорит шутовски, юродствует, я считаю, что он стукач». Если коммунисты говорят, что они коммунисты, значит, они коммунисты. В нашей стране. Я исхожу из этого. Если бы они были социал-демократы, то они бы сказали, что они социал-демократы, и отреклись бы от преступной коммунистической партии.

ДШ: А как быть с газетой «Московский комсомолец»?

МЧ: Нет, это другое. Они так играют. Я считаю это правильно. В известном смысле это как кремлевские звезды. Прочтите мою статью про кремлевские звезды и, я думаю, вам это будет понятно. Мне как москвичке это не мешает. Я смотрю на кремлевские звезды и не хочу, чтобы их меняли. Пусть, думаю, будут. Они мне как орнамент не мешают.

ДШ: В Древней Греции знакомые символы не означали фашизма.

МЧ: Да. Начинается десемантизация — это очень интересно.

ДШ: Такое переозначивание. Но с коммунистами это не так.

МЧ: Нет, совершенно другое — это политическая партия. Если вы не коммунист, зачем же вы себя называете коммунистом? Сначала вы должны сказать, что та коммунистическая партия была преступной, а мы за идею социальной справедливости. Это вечная идея, но мы заявляем, что мы не преемники их, не преступники.

ДШ: И все эти двенадцать вариантов коммунистов — все это одним миром писаны.

МЧ: Все. Но не писаны, а мазаны. Слова «коммунистическая партия» имеют совершенно определенный смысл в России. Коммунистическая партия правила нами, нас подавляла, нас убивала, заливала страну кровью. От нее нужно отказаться... Найдите «Русскую мысль» за январь этого года или декабрь, не позже. Статья Валерия Сендерова. Найдете в библиотеке, если захотите... Сендеров рецензирует эту книгу, на целую полосу. Там полно цитат...

ДШ: Мариетта, хочу уточнить — вы себя к державникам не относите?

МЧ: Конечно, нет. Как на яхте — правь так, а ветер тебя снесет, но править надо на Запад, на западную цивилизацию. Никуда нельзя больше. Тут нет вопроса.

ДШ: И особый русский путь...

МЧ: Я и пишу, и Ельцину говорю, что все державничество наше, национальный интерес наш в том, чтобы поднять благосостояние народа, чтобы построить цивилизованный мир. Больше ничего...

ДШ: Я веду интервью, но отчасти высказываю и собственное мнение, веду диалог. Здесь еще есть интересная для меня проблема цели и средств. Как бы вы ответили тем, кто считает, что цель оправдывает средства?

МЧ: Прошу в данном случае меня процитировать: нельзя средствами подменять цель. На Западе в данный момент средства начинают заменять цель. Средства не безразличны для достижения цели, но также нелепо и, может быть, преступно подменять цель средством. Понимаете? Средства демократические, но целью демократических средств является демократия.

ДШ: Такая диалектика — иногда приходится применять недемократические средства, чтобы добиться демократических результатов.

МЧ: Нельзя использовать демократические средства ради самой технологии. Используя такие средства, нельзя упускать из вида демократические цели. Но также нельзя пренебрегать средствами в достижении демократических целей. Надо стремиться к тому, чтобы эти средства оставались демократическими.

ДШ: Вы видите, что здесь есть опасность?

МЧ: Не то слово, катастрофическая опасность. Я бы хотела, чтобы Запад нам помог технологически. От западных теоретиков и практиков я бы ожидала... Чего бы я хотела — это чтобы они нам подсказали путь — очень сложный, комбинаторный, но демократический путь преодоления большинства, голосующего за недемократическое развитие [страны]... Ваш парадокс остается теоретическим, потому что каждый американец знает, что никакой избранный президент не посягнет на Конституцию, которую создали отцы американской демократии. Самый тупой американец, я извиняюсь, в этом уверен. А нам заявляют, что наше главное завоевание будет опровергнуто — сама его структура [будет разрушена] в таких конституционных мелочах, как права человека.

ДШ: Я ставлю эту проблему перед моими студентами с помощью примера. Несколько лет назад американские нацисты собрались маршировать в штате Иллинойс [в районах, густонаселенных евреями, но суд подтвердил их право на марш].

[Перерыв в записи]

МЧ: ...Я уверена, что Америка нашла бы способ защитить свою демократию. Иначе верить в человеческий разум больше нельзя.

ДШ: Конституцию можно изменить демократическими средствами. Если две трети штатов в Америке проголосуют — я не знаю там...

МЧ: Что право на свободу больше никому не нужно.

ДШ: Да.

МЧ: Понятно, но тогда Америка перестанет быть демократической страной. Может быть, кто-то из американцев к этому готов. Я не готова к тому, чтобы моя страна снова была под коммунистами... Вот я читаю письмо наших ветеранов [уехавших из СССР] по поводу разгула антисемитизма. Но на самом деле погромов не было. Я го-

ворила своей подруге-еврейке, которую муж увез в Израиль: «Ты видела у нас на заборах слово из трех букв — но это не означает, что тебя сейчас будут насилловать. Ну и что, что какой-то дурак нарисовал?» Очень далеко у нас от погромов. Они оформляют свои беженские дела — на здоровье, как говорится.

В «Новом мире» было хорошее письмо женщины, она умница большая, обращается к своим друзьям, евреям среди прочих: «Пожалуйста, уезжайте, об одном только прошу — не разрушайте страну. Не внушайте всем, что жить здесь нельзя. Подумайте о тех, кто здесь живет». Я бы подписалась под этим письмом. Я б сама действовала, как Чикагский суд, а если будет угроза погрома, извините, я вам первая об этом скажу. Был у нас такой еврей, мастер на все руки, и мы ему говорим: «Ну ты-то что уезжаешь?» Он и машины чинит, и все, я ему говорю: «Ты же знаешь прекрасно, что никаких погромов не будет». А он: «Да, но мне надоело. У меня теперь внучка, — а жена у него русская. — А мне надоело присматриваться, будет или не будет». Я: «Все, Боря. Больше вопросов не имею». Имеет право. Но я как русская говорю, что за все эти годы ни разу не было ситуации, когда я могла бы сказать: «Да, есть серьезная угроза погромов». Но свастику на демонстрациях я бы [не допустила], потому что фашистская символика запрещена во всем мире, как и у нас... Хотя ни одного фашиста у нас не осудили. Но всюду видеть погромные настроения и всех называть фашистами тоже нельзя... Пусть антисемит у себя на кухне говорит, а если это публичное преступление, я буду его преследовать. Но оставьте право на мысль. Мало ли что человек может думать у себя под одеялом относительно малолеток...

ДШ: А можно рассматривать пропаганду коммунизма по аналогии с фашизмом?

МЧ: Я считаю, да. Партия должна была быть запрещена как преступная, как и нацистская. А Ельцин пошел на поводу у ин-

теллигенции: «Как можно запрещать — это фашизм», — орали они... Преступления совершены на нашей территории.

ДШ: Надо было судить?

МЧ: Суд судил, но не осудил. Вы же знаете, что Конституционный суд не признал преступной [эту партию]. Уже поэтому тот совет надо было разгонять. Зорькин же был на поводу этого совета...

[Перерыв в записи]

МЧ: ...Речь идет о займах и прочем. И потом у нас все время ожидают открытие ваших рынков [товаров]. Он сейчас для нас закрыт. Я в этом плохо понимаю, но говорят, что он закрыт. Вам тут легче узнать. Опытный человек объяснит вам в пять минут... Наши консульские работники это говорили. И мой коллега Тарановский говорил, что их совершенно не интересует Россия. Им трижды наплевать — это ее проблемы... Мне бы хотелось, чтобы вы нашли слова...

ДШ: У меня есть какие-то идеи на этот счет.

МЧ: Сейчас, хочу договорить. Мне кажется, что Запад должен понять, что если Россия снова будет погружаться в свою бездну, то воронка будет слишком большая. Эту воронку они недооценивают — недооценивают, как быстро мы можем генерировать зло в больших масштабах, если коммунисты придут к власти.

ДШ: Ну, беспокойство здесь есть, конечно.

МЧ: Нет, мне кажется, нет. Снова начнется процесс взаимной гонки [вооружений].

А нам не привыкать все последнее отдавать на оборону... Я бы хотела, чтобы вы мобилизовали американцев. Надо срочно что-то сделать. Если бы они могли помочь финансово, то Ельцин помог бы самым нуждающимся слоям. И тогда изменилось бы соотношение электората — сто процентов!

Авторы номера:

Ольга Вендина — канд. географических наук, урбанист, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН

Лев Гудков — д. фил. наук, социолог, заместитель директора по науке Левада-Центра, Москва

Алексей Левинсон — к. ист., к. иск. наук, социолог, руководитель отдела качественных исследований Левада-Центра, Москва

Марк Тольц — русско-израильский демограф, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Дмитрий Шалин — профессор социологии и директор Центра демократической культуры Университета Невады в Лас Вегасе, Лас-Вегас, США.

Ульрих Шмид — д. фил. наук, славист, профессор по культуре и обществу России университета Санкт-Галлен, Швейцария

SUMMARY

The state and the public under covid (by Alexey Levinson)

From the very beginning of epidemic the behavior of the state created more negative reactions among Russians than epidemic per se. The situation of the epidemic was a pretext for the authorities to introduce several rules and procedures that limited the communications among people. The measures taken by the authorities were identical to ones taken against manifestations of protest. The vaccine Sputnik was presented to the world as #1. But due to the haste some necessary control procedures were omitted. Russians distrusted both the medicine and the Government who gave preference towards against nation's health. Later on, the idea to use QR codes to control and limit the spatial activity of the people. This decision raised so serious a resistance (in internet, not off-line yet) that it was withdrawn. System of public healthcare in Russia proved to be effective but the system of public relations did not.

Moscow neighborhoods: local communities, city environment and concerns over increasing ethnic and cultural diversity (by Olga Vendina)

The article analyzes the influence of environmental context on people's lives and the peculiarities of their attitude towards ethnic migrants, using the materials of focus groups consisting of inhabitants of various Moscow neighborhoods. The hypothesis being tested: the role of spatial identities as a factor of social integration capable of countering excessive ethnic and cultural differentiation in society as well as the growing propensity for conflict in urban environments. The study focuses on the regulatory function of urban communities that

encourage interpersonal trust. The article shows that local communities based on neighborly interactions exist but sparingly in Moscow and are seen by the city's inhabitants as an outdated mode of self-organization. They are being replaced by online groups which increase the importance of abstract, not physical neighborhood. The growing cultural pluralism of Moscow society is perceived as the unavoidable side effect of life in the capital rather than as a meaningful value and a stimulus of urban development. In this context local identities do not so much push the inhabitants of a territory closer together, as delimit and segregate. The author concludes that the ingoing processes are changing the type of social interactions and therefore the city's morphology.

Estonia and Estonian society as seen by Russians 2018-2021 (by Lev Gudkov)

The results of public opinion polls suggest that the majority of Russians have a largely positive attitude towards Estonia, sharing the long held notion of the country as a western or European society. High living standards and a democratic system make its image positive, especially for young people who are less influenced by state anti-western, anti-liberal propaganda. However the interest towards the country is weak, awareness and knowledge of its specific traits, political system, social trends of the last decade is low and seems to be getting lower due to the limited information flow in regards to the Estonians' everyday life. At the same time there's persisting resentment caused by the collapse of the USSR, especially among the older people. A clear lack of information about Estonia in mass media and the Internet can be felt.

The anatomy of one defamation: Russian state media vs Memorial (by Ulrich Schmid)

The article analyzes the defamation campaign waged against Memorial civil rights advocacy using propagandist pieces on NTV and Rossiya-1 channels, using specific examples. The pro-Kremlin media used numerous manipulation techniques from the political PR arsenal. These tools come from a standard set used in many countries of the world, be they democratic or autocratic. In this particular case the narrative is specific for Russian history policies. That is to say the prerogative of interpreting the heroic image of history, which has to be maintained by all the means of the art of propaganda. An analysis of rhetoric devices and manipulation techniques used is provided.

“National leader”: a mass consciousness diagnosis (by Lev Gudkov)

Putin’s popularity is based not only on the artificial and enforced lack of alternatives, removal of any possible competition, but also on mass illusions attributing the ability to bring the country out of the political and economical crisis and return “Great power” status to Russia to him. His consistent acknowledgement as the irremovable president hinges, despite the periodic dips in support levels, on the psychological transference of unrealized

desires, projections and inferiority complexes, the slighted consciousness of a confused and frustrated layman onto him. Putin’s image in the eyes of Russians includes first of all such traits as “decisiveness” and “experience as a politician”, affinity for primitive use of force and aggressive rhetoric, which is an effective way of compensation for a society that doesn’t see a way out of its state of chronic disorganization and anomy. The analysis is based on public opinion polls performed by Leada-center from 2000 to 2022.

My best editor and old-time co-author: in memory of A.G. Vishnevsky (1935-2021). Demographer M.S. Tolts reminisces of his work with A.G. Vishnevsky

Marietta Chudakova: “That’s exactly what my work is about, and I’ve seen my thoughts reflected in Yeltsin’s speeches more than once”. An interview of M.Chudakova taken by professor D. Shalin on February 23-24 1996 during the conference on Russian culture in the University of Nevada, Las Vegas. The conversation concerned Boris Yeltsin and his presidential council that Chudakova was a member of, the contradictions of his rule as well as the institutional and emotional basis of democracy.

Список статей, опубликованных в 2021 году

	№	Стр.
Юлий НИСНЕВИЧ. Настроения и отношения к государственному строительству российского общества в 1993–1995 гг.: разочарование и протест	1-2	17–28
Петр БИЗЮКОВ. Траектория развития постсоветских профсоюзов: от традиции к альтернативе и обратно	1-2	29–61
Анна МОРГУНОВА. Протесты в Беларуси в 2020 г.: язык и текст плакатов	1-2	62–88
Иван СМЕКАЛИН. Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями	1-2	89–94
Георгий ЧИЖОВ. Православная церковь как инструмент российского влияния в Украине	1-2	95–106
Лидия ОКОЛЬСКАЯ. Ориентация на воспитание религиозности у детей в семье в разных странах мира	1-2	107–118
Алексей ЛЕВИНСОН. Общественное и экспертное мнение России об изменении климата	1-2	119–136
Любовь БОРУСЯК. Культура и культурность: взгляд современных подростков на культурного человека	1-2	137–145
Андрей БАСТУНЕЦ, Мария ОРДЖОНИКИДЗЕ. Атаки на медиарботников России и Беларуси в 2020 году	1-2	146–174
Антисемитизм и ксенофобия в современной России	1-2	175–270
Алексей ЛЕВИНСОН. Граждане и государство в условиях ковида	3-4	18–27
Ольга ВЕНДИНА. Москва районов: местные сообщества, городская среда и озабоченность ростом этнокультурного разнообразия	3-4	28–52
Лев ГУДКОВ. Эстония и эстонское общество в глазах россиян 2018–2021 гг.	3-4	53–64
Ульрих ШМИД. Анатомия одной дискредитации. Российские государственные медиа и «Мемориал» Перевод Наталии Зоркой	3-4	65–73
Лев ГУДКОВ. «Национальный лидер»: диагноз массового сознания	3-4	74–137
Марк ТОЛЬЦ. Мой лучший редактор и давний соавтор: памяти А. Г. Вишневского (1935–2021)	3-4	139–144
Мариетта Омаровна ЧУДАКОВА: «Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина». Интервью Дмитрия ШАЛИНА	3-4	146–159

List of Publications. 2021

	№	P.
Yuly NISNEVICH. Sentiments and attitudes in Russian society towards state-building in 1993-1995: disappointment and protest	1-2	17–28
Petr BIZIUKOV. Post-soviet trade unions development trajectory: from tradition to alternative and back	1-2	29–61
Anna MORGUNOVA. 2020 protests in Belarus: posters language and text	1-2	62–88
Ivan SMEKALIN. Factors of Mass Protest Activity in Russia: Between Values and Opportunities	1-2	89–94
Georgy CHIZHOV. Orthodox Church as an instrument of Russia's influence in the Ukraine	1-2	95–106
Lidia OKOLSKAYA. Orientation on intergenerational religious transmission in a family: cross-country analysis	1-2	107–118
Alexey Levinson. Russian public and Russian experts on global climate changes	1-2	119–136
Lyubov BORUSYAK. Culture and culturedness: modern adolescents view on a cultured person	1-2	137–145
Andrey BASTUNEZ, Maria ORDZONIKIDZE. Attacks on media workers in Russia and Belarus in 2020	1-2	146–174
Antisemitic sentiments in Russia 2020	1-2	175–270
Alexey LEVINSON. The state and the public under covid	3-4	18–27
Olga VENDINA. Moscow neighborhoods: local communities, city environment and concerns over increasing ethnic and cultural diversity	3-4	28–52
Lev GUDKOV. Estonia and Estonian society as seen by Russians 2018-2021	3-4	53–64
Ulrich SCHMID. The anatomy of one defamation: Russian state media vs Memorial	3-4	65–73
Lev GUDKOV. “National leader”: a mass consciousness diagnosis	3-4	74–137
Mark TOLTS. My best editor and old-time co-author: in memory of A.G. Vishnevsky (1935-2021)	3-4	139–144
Marietta CHUDAKOVA: “That’s exactly what my work is about, and I’ve seen my thoughts reflected in Yeltsin’s speeches more than once” (by Dmitry SHALIN)	3-4	146–159

